

COUNCIL OF EUROPE CONSEIL DE L'EUROPE

Право на свободу и личную неприкосновенность в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 5)

INTERIGHTS руководство для юристов | текущее издание по состоянию на СЕНТЯБРЬ 2007 Г.

Издание подготовили

ВНЕШТАТНЫЕ РЕДАКТОРЫ/ АВТОРЫ	Филип Лич Шэн Льюис-Энтони	ПОМОЩНИК РЕДАКТОРА/ КООРДИНАТОР СЕРИИ	Бет Фернандес (Английская версия) Арпине Аветисян (Русская версия)
ШТАТНЫЕ РЕДАКТОРЫ/ АВТОРЫ	Дойна Иоана Страйстеану Дина Ведерникова		

Юристы INTERIGHTS

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР	Нейл Джеффери		Джудит А. Одер
ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР	Хелен Даффи		Соломон Сакко
ДИРЕКТОР	Андреа Кумбер		Дойна Иоана Страйстеану
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ			
СТАРШИЕ ЮРИСТЫ	Иан Бёрн Весселина Вандова	ЮРИДИЧЕСКИЕ КООРДИНАТОРЫ	Арпине Аветисян Мони Шреста
ЮРИСТЫ	Дина Ведерникова Константин Кожокариу Сибонгиле Ндаше		

Совет директоров INTERIGHTS

Лорд Лестер оф Хёрн Хилл QC, почётный председатель	Хелена Кук
Профессор Джереми Макбрайд, председатель	Джонатан Купер, OBE
Присцилла Ашун-Сарпи, казначей	Анн Лаппинг
Тим Айк	Доктор Невилл Линтон
Доктор Чалока Беяни	Александра Маркс
Майкл Гриффин	Профессор Рейчел Мюррей
Доктор Линн Велчман	Профессор Кристин Чинкин

Международный консультативный совет INTERIGHTS

Профессор Филип Алстон	Марек А. Новицки
Флоренс Бутегва	Соня Пикадо
Сурия Викремасинге	Доктор Мэри Робинсон
Профессор Яш П. Гай	Асма Хадер
Профессор Джерард Квинн	Профессор Мартин Шейнин
Профессор Гарольд Кох	Роджер Эррера
Вивиана Крстичевич	

Как пользоваться руководством

Настоящее руководство разработано региональной программой INTERIGHTS по Европе для использования в рамках образовательных проектов на территории Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР. Цель данного руководства – служить справочным пособием для юристов по Европейской конвенции о защите прав человека. Формат руководства позволяет периодически обновлять его на вебсайте INTERIGHTS.

В настоящее руководство включены решения Европейского Суда по правам человека, принятые вплоть до сентября 2007 года. Названия дел указаны в их английском написании для того, чтобы пользователи имели возможность находить эти дела в других источниках и системе HUDOC Европейского суда по правам человека. Ответственность за возможные ошибки, упущения и недоработки лежит на авторах.

Руководство в альтернативном формате можно получить, обратившись в нашу организацию.

Благодарность

INTERIGHTS выражает признательность всем, кто принял участие в подготовке настоящего руководства. Роль штатного редактора и соавтора настоящего руководства выполняла юрист региональной программы INTERIGHTS по Европе **Дойна Иоана Страйстеану**. Внештатным редактором выступал **Филип Лич**; значительную часть редакторской работы также выполнила **Шэн Льюис-Энтони**. INTERIGHTS благодарит своих многочисленных стажёров и волонтеров, принимавших участие в исследованиях и подготовке текста настоящего руководства.

INTERIGHTS выражает признательность Институту «Открытое общество» за финансовую и иную поддержку в опубликовании данного руководства на английском языке. Перевод данной публикации на русский язык осуществился при поддержке Совета Европы. INTERIGHTS выражает благодарность обоим учреждениям за сотрудничество.

Опубликовано

Организацией INTERIGHTS
Lancaster House
33 Islington High Street
London N1 9LH
UK

Тел.: +44 (0)20 7278 3230
Факс: +44 (0)20 7278 4334
Эл. почта: ir@interights.org
www.interights.org

© INTERIGHTS 2008 г.

© Council of Europe 2008 г.

Все права защищены. Ни одна часть настоящей публикации не может быть воспроизведена без получения предварительного разрешения издателей. Настоящая публикация является совместной интеллектуальной собственностью INTERIGHTS и Совета Европы. Оригинал данной публикации на английском языке является интеллектуальной собственностью INTERIGHTS. Настоящая публикация может частично или полностью передаваться в любой форме и любым способом – с помощью электронных и механических средств, ксерокопий, записей или любыми другими средствами без предварительного разрешения издателей.

Содержание

1	ВВЕДЕНИЕ	1
	1.1 Значение и важность права на свободу и личную неприкосновенность	1
	1.1.1 Понятие «личной неприкосновенности»	2
	1.2 Право и его допустимые ограничения	2
2	ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ	3
	2.1 Факторы, свидетельствующие о лишении свободы	3
	2.2 Дела об установлении факта заключения под стражу	3
3	ИСКЛЮЧЕНИЯ: ДОПУСТИМЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	7
	3.1 Характер исключений	7
	3.1.1 Принцип законности	7
	3.1.1.1 Качество закона	7
	3.1.1.2 Международные правовые обязательства	10
	3.2 Законное содержание под стражей лица, осуждённого компетентным судом – статья 5(1)(а)	11
	3.2.1 Компетентный суд	11
	3.2.2 После обвинительного приговора	11
	3.3 Неисполнение законного решения суда и гарантия исполнения обязательства, предписанного законом – статья 5(1)(b)	14
	3.3.1 Неисполнение законного решения суда	14
	3.3.2 Гарантия исполнения обязательства, предписанного законом	15
	3.4 Арест и заключение под стражу лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления – статья 5(1)(с)	17
	3.4.1 Значение и продолжительность ареста или содержания под стражей в рамках статьи 5(1)(с)	18
	3.4.2 Уровень «обоснованного» подозрения	18
	3.4.3 «Правонарушение»	20
	3.4.4 «Компетентный юридический орган»	20
	3.5 Заключение под стражу несовершеннолетних лиц – статья 5(1)(d)	21
	3.5.1 Законное постановление для воспитательного надзора	21
	3.5.2 Заключение под стражу несовершеннолетнего лица, с тем чтобы оно предстало перед компетентным юридическим органом	22
	3.6 Заключение под стражу с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг – статья 5(1)(e)	22
	3.6.1 Заключение под стражу с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний	24
	3.6.2 Заключение под стражу душевнобольных	24
	3.6.3 Алкоголики	26
	3.6.4 Бродяги	27
	3.6.5 Запрещение дискриминации	27
	3.7 Заключение под стражу лиц, ожидающих высылки или выдачи – статья 5(1)(f)	28
	3.7.1 Арест или заключение под стражу лица с целью предотвращения его	

	незаконного въезда в страну	28
	3.7.2 Арест или заключение под стражу лица, подлежащего высылке или выдаче	29
4	ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ	32
	4.1 Незамедлительное сообщение лицу на понятном ему языке причин его ареста и любого предъявляемого ему обвинения – статья 5(2)	32
	4.1.1 Арест и предъявление обвинений	32
	4.1.2 Понятный язык	32
	4.1.3 Незамедлительно	32
	4.2 Право быть незамедлительно доставленным к судье или иному должностному лицу, наделенному законной судебной властью, и на судебное разбирательство или освобождение в течение разумного срока – статья 5(3)	34
	4.2.1 Природа права	34
	4.2.2 Автоматическое применение права в соответствии с его природой	34
	4.2.3 Требование незамедлительности	35
	4.2.4 «Судья или иное должностное лицо, наделенное законной судебной властью»	37
	4.2.5 Основания для отказа в освобождении под залог или продления срока содержания под стражей	39
	4.2.5.1 Возможная неявка в суд	40
	4.2.5.2 Возможное вмешательство в процесс отправления правосудия	41
	4.2.5.3 Возможность совершения повторных правонарушений	42
	4.2.5.4 Возможное нарушение общественного порядка	42
	4.2.6 Какой срок содержания под стражей считается частью срока предварительного заключения в рамках статьи 5(3)?	43
	4.2.6.1 Продолжительность предварительного заключения	43
	4.2.7 Гарантии явки в суд	45
	4.3 Право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности заключения под стражу – статья 5(4)	46
	4.3.1 Право на обжалование «правомерности» решения о заключении под стражу	46
	4.3.2 Сфера применения судебного контроля	47
	4.3.3 Процессуальные требования к судебному контролю	48
	4.3.3.1 Компетентный суд	48
	4.3.3.2 Состязательный характер судебных процедур	49
	4.3.3.3 Задержанным должны быть доступны материалы по существу дела, имеющиеся в распоряжении государственных органов	50
	4.3.3.4 Бремя доказывания	51
	4.3.3.5 Безотлагательное вынесение решения	51
	4.3.4 Регулярный пересмотр правомерности заключения под стражу	53
	4.4 Право на компенсацию – статья 5(5)	54
5	ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ СТАТЬИ 5	56
	5.1 Лишение свободы лиц негосударственными субъектами	56
	5.2 «Юрисдикция государства» в рамках статьи 1	57
	5.3 Отступления, предусмотренные статьей 15	58
	5.4 Возмещение ущерба: статьи 41 и 46	59

6	ИЗБРАННЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ	61
	6.1 Лишение свободы	61
	6.2 Исключения: допустимые основания для лишения свободы	62
	6.2.1 Характер исключений	62
	6.2.2 «В порядке, установленном законом» и «законный»	63
	6.2.3 Законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом – статья 5(1)(а)	65
	6.2.4 Неисполнение законного решения суда и гарантия исполнения обязательства, предписанного законом – статья 5(1)(b)	66
	6.2.4.1 <i>Гарантия исполнения обязательства, предписанного законом</i>	66
	6.2.5 Арест и заключение под стражу лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления – статья 5(1)(с)	67
	6.2.5.1 <i>Уровень подозрения</i>	67
	6.2.5.2 <i>Правонарушение</i>	68
	6.2.6 Заключение под стражу несовершеннолетних – статья 5(1)(d)	68
	6.2.6.1 <i>Законное постановление для воспитательного надзора</i>	68
	6.2.7 Заключение под стражу с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг – статья 5(1)(е)	69
	6.2.7.1 <i>Заключение под стражу душевнобольных</i>	69
	6.2.7.2 <i>Бродяги</i>	72
	6.2.8 Заключение под стражу лиц, ожидающих высылки или выдачи – статья 5(1)(f)	72
	6.3 Процессуальные гарантии	74
	6.3.1 Арест и предъявление обвинений	74
	6.3.2 Незамедлительное сообщение лицу на понятном ему языке причин его ареста и предъявленных ему обвинений (статья 5(2))	74
	6.3.3 Право быть незамедлительно доставленным к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и на судебное разбирательство или освобождение в течение разумного срока (статья 5(3))	75
	6.3.3.1 <i>Природа права</i>	75
	6.3.3.2 <i>Автоматическое применение права в соответствии с его природой</i>	76
	6.3.3.3 <i>Незамедлительно</i>	76
	6.3.3.4 <i>Судья или иное должностное лицо, наделенное, согласно закону, судебной властью</i>	78
	6.3.3.5 <i>Какой срок содержания под стражей считается частью срока предварительного заключения в рамках статьи 5(3)?</i>	79
	6.3.3.6 <i>Продолжительность предварительного заключения</i>	80
	6.3.3.7 <i>Основания для отказа в освобождении под залог или для продления срока содержания под стражей</i>	80
	6.3.3.8 <i>Гарантии явки в суд</i>	84
	6.3.4 Право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности заключения под стражу и его продолжительности – статья 5(4)	85
	6.3.4.1 <i>Право на обжалование «правомерности» решения о заключении под стражу</i>	85
	6.3.4.2 <i>Сфера применения судебного контроля</i>	85
	6.3.4.3 <i>Процессуальные требования к судебному контролю</i>	86
	6.3.4.4 <i>Регулярный пересмотр правомерности заключения под стражу</i>	90
	6.3.5 Право на компенсацию – статья 5(5)	90
	УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ	92

1 ВВЕДЕНИЕ

СТАТЬЯ 5 – ПРАВО НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишён свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

- (a) законное содержание под стражей лица, осуждённого компетентным судом;
- (b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью гарантии исполнения любого обязательства, предписанного законом;
- (c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведённое с тем, чтобы указанное лицо предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;
- (d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведённое с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;
- (e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;
- (f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключённый под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, наделённому, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишён свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию.

1.1 Значение и важность права на свободу и личную неприкосновенность

Важность права на свободу и личную неприкосновенность признается в течение уже нескольких веков. Она выражена в ряде документов, предшествовавших международным соглашениям в области прав человека, таких как Великая хартия вольностей (1215 г.) и конституции США и Франции 1700-х годов. Основная цель статьи 5 – гарантировать защиту физической свободы лица, ограждая его от произвольного заключения под стражу. Статья не касается лишь ограничений свободы передвижения, которая регулируется статьёй 2 Протокола № 4.

Согласно статье 14 Конвенции, право на свободу и личную неприкосновенность гарантируется каждому без каких бы то ни было различий по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам (дополнительные положения о запрещении дискриминации см. в Протоколе № 12 (по состоянию на август 2007 года Протокол ратифицирован 15 государствами)).

Суд постоянно подчёркивает важность права на свободу и личную неприкосновенность в демократическом обществе. Например, рассмотрев дело **De Wilde, Ooms and Versyp (“Vagrancy”) v Belgium (1971 г.)**, где заявители добровольно явились в полицию для заключения под стражу, Суд постановил, что право на свободу и личную неприкосновенность слишком важно в демократическом обществе, чтобы человек лишился гарантий его защиты, провозглашенных Конвенцией, исключительно по причине добровольной явки в полицию.

Статья 5 обеспечивает защиту не только непосредственно в момент задержания лица, но и периодически после заключения под стражу вплоть до освобождения, либо до вынесения уголовным судом приговора к лишению свободы.

1.1.1 Понятие «личной неприкосновенности»

В своих решениях по ряду дел, в том числе по делу **Altun v Turkey (2004 г.)**, Суд чётко выразил мысль о том, что понятие личной неприкосновенности согласно статье 5 нельзя толковать обособленно (т.е. отдельно) от права на свободу. Суд отметил, что статья 5 главным образом касается защиты от произвольного лишения свободы. Заявитель в деле **Altun** утверждал, что он был вынужден покинуть свой дом и деревню в нарушение права пользоваться свободой и личной неприкосновенностью. Суд счёл, что личные обстоятельства заявителя, вызванные утратой дома, не подпадают под понятие «личной неприкосновенности» согласно статье 5.

Касательно других дел Суд высказал мнение, что понятие «личной неприкосновенности» может быть приравнено к обязательству *предотвращения* произвольного лишения свободы: см., например, дела **Bozano v France (1986 г.)** и **Ocalan v Turkey (2005 г.)**, которые рассматриваются ниже.

1.2 Право и его допустимые ограничения

Первое предложение статьи 5 излагает право на свободу и личную неприкосновенность, право гарантированное каждому лицу; во втором предложении перечислены допустимые исключения, но лишь в чётко оговорённых случаях. Во-первых, любое заключение под стражу должно осуществляться в «порядке, установленном законом», а во-вторых, оно должно производиться на основании одного из подпунктов (a)–(f) пункта 1. Перечень оснований для заключения под стражу в соответствии с этими подпунктами является исчерпывающим; любые другие основания для заключения под стражу будут незаконными, согласно статье 5. Соответственно, лишение свободы лица, производимое с нарушением порядка, установленного законом, либо не имеющее под собой оснований, оговорённых подпунктами (a)–(f) пункта 1, является произвольным и незаконным. Власти, удерживающие задержанных лиц в случаях, противоречащих статье 5, обязаны незамедлительно освободить их (дополнительную информацию о возмещении ущерба в Европейском суде см. в делах **Assanidze v Georgia (2004 г.)** и **Ilascu and Others v Moldova and Russia (2004 г.)**, анализ которых приводится ниже (раздел 5.4)). Лица, заключённые под стражу в нарушение любого из аспектов статьи 5, п.п. 1–4, имеют право на компенсацию на основании статьи 5(5).

Право на свободу и личную неприкосновенность может подпадать под ограничения при чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, в соответствии со статьёй 15 Конвенции при условии соблюдения определённых процедур (см. раздел 5.3 ниже).

2 ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

2.1 Факторы, свидетельствующие о лишении свободы

Суд установил коренное различие между лишением свободы, которое предусматривает защиту в рамках статьи 5, и ограничением свободы передвижения, которое такой защиты не требует, как говорилось выше. Разница между лишением свободы и ограничением свободы передвижения лица заключается в уровне или строгости применяемых мер, а не в их характере или виде (см. дело **Guzzardi v Italy (1980 г.)**). Таким образом, обобщения в этой связи сделать практически невозможно, и обстоятельства дела необходимо тщательно анализировать в каждом отдельном случае. При этом следует учитывать целый ряд критериев, таких как вид, продолжительность, оказываемое воздействие и способ осуществления рассматриваемых мер (см. дело **Engel** ниже).

В ходе анализа можно опираться на следующие пункты:

- строгость меры принуждения;
- площадь изоляции (чем меньше площадь, тем выше вероятность признания данных мер лишением свободы), а также строгость режима, который обеспечивает содержание в изоляции;
- частота осуществления мер надзора и степень беспокойства, причиняемого ими;
- уровень разрешённых контактов с внешним миром и надзор за ними; а также
- продолжительность применения подобных мер.

2.2 Дела об установлении факта заключения под стражу

Обстоятельства следующих дел наглядно демонстрируют подход Суда:

- В деле **Litwa v Poland (2000 г.)** лицо, находившееся в состоянии алкогольного опьянения и допустившее агрессивное поведение в общественном месте, было доставлено полицией в вытрезвитель и удерживалось там в течение шести с половиной часов. В соответствии со статьёй 5 Суд установил факт лишения свободы.
- В деле **Guzzardi v Italy (1980 г.)** суд по уголовным делам распорядился о проживании лица, подозревавшегося в принадлежности к мафии, на небольшом острове, где в качестве предупредительной меры за ним осуществлялся строгий полицейский надзор. Данному лицу запрещалось выходить из дома по вечерам без предварительного уведомления полиции, и он был обязан отмечаться в полиции дважды в сутки. Ему разрешалось свободно передвигаться по участку в радиусе чуть более 800 метров, который представлял собой лишь небольшую часть территории острова. На этой территории преимущественно находились другие лица, в отношении которых действовал тот же режим принудительного проживания, а также сотрудники полиции. Заявитель практически не контактировал с населением острова, а его телефонные переговоры и редкие выходы за пределы территории изоляции осуществлялись под надзором полиции. В таких условиях он провёл более 16 месяцев. Приняв в расчёт совокупность и сочетание этих факторов, Суд заключил, что положение заявителя было равносильно лишению свободы.
- В деле **Engel and Others v Netherlands (1976 г.)**, касавшегося дисциплинарных мер в отношении ряда нидерландских военнослужащих, на основании допустимости обязательной военной службы по статье 4(3)(b) Конвенции, Суд отметил (см. п. 59), что:

«Дисциплинарные взыскания или меры, которые бесспорно рассматриваются как лишение свободы при их применении к гражданскому лицу, могут не обладать той же характеристикой, когда их налагают на военнослужащего. [Для того, чтобы установить наличие

такой характеристики,] необходимо принять во внимание целый ряд факторов, таких как характер, продолжительность, последствия и способ исполнения данного наказания или дисциплинарной меры».

При этом Суд рассмотрел различные виды мер:

- *Арест с мягким режимом содержания*, предусматривавший продолжение исполнения обязанностей и содержание во внеслужебное время в незапирающемся жилом помещении или казарме, не являлся лишением свободы.
- *Арест с усиленным режимом изоляции* отличало лишь то, что во внеслужебное время военнослужащие содержались в специально предназначенном для этого помещении, которое им не разрешалось покидать для посещения столовой или мест проведения досуга. Но поскольку при этом их не держали взаперти, то это не являлось лишением свободы.
- *Арест со строгим режимом содержания*, при котором арестованного освободили от исполнения служебных обязанностей и содержали в запирающейся камере в ночное и дневное время, представлял собой лишение свободы.
- *Заключение под стражу в дисциплинарном подразделении* предусматривало наказание с содержанием в специальном учреждении вместе с осужденными за уголовные преступления. При этом наказуемый находился под замком в ночное время, а срок наказания значительно превышал продолжительность ареста с усиленным режимом содержания. Таким образом, несмотря на менее строгий режим, данная мера также равносильна лишению свободы.
- В деле **Ashingdane v United Kingdom (1985 г.)** мужчину, страдающего психическим заболеванием, было разрешено перевести из «специальной больницы» строгого режима в обычную психиатрическую лечебницу, когда его состояние улучшилось. Однако сразу его перевести не смогли из-за акции протеста в принимающей лечебнице. Он утверждал, что поскольку режим в специальной больнице был равносителен содержанию под стражей, а в лечебнице – нет, то невозможность перевести его немедленно после выдачи разрешения являлась незаконным лишением свободы. Сославшись на дела **Guzzardi** и **Engel**, Суд постановил, что заявитель попросту перешел из одного режима больничного содержания в другой, хотя и более свободный. Из-за задержки с переводом было продлено лишь содержание в условиях более строгого режима, но не срок лишения свободы в целом.
- Заявителями в деле **Amuur v France (1996 г.)** выступали просители убежища из Сомали, прибывшие в парижский аэропорт Орли из Сирии. В течение последующих 20 дней они находились в «международной» или «транзитной» зоне аэропорта, формально не въезжая на территорию Франции. Возможность воспользоваться юридической помощью они получили лишь на 15-й день. На 16-й день они попросили убежища, а на 17-й ходатайствовали об освобождении из-под стражи. Французские власти отказались рассматривать их прошения о предоставлении убежища, сославшись на отсутствие юрисдикции на том основании, что у заявителей не было временного разрешения на проживание. На 20-й день их выслали в Сирию в рамках дипломатического соглашения между двумя государствами. Два дня спустя французский суд распорядился об их освобождении на том основании, что (предшествовавшее высылке) содержание этих лиц под стражей не было предусмотрено действующим законодательством и, таким образом, являлось произвольным и незаконным лишением свободы. Решительно отвергнув аргумент о том, что заявители могли в любой момент положить конец содержанию под стражей, отозвав свои заявления о разрешении на въезд во Францию, Суд заявил следующее (см. пункт 48):

«Сам по себе факт того, что у просителей убежища есть возможность добровольно покинуть страну, где они хотят получить убежище, не может исключить ограничение свободы, поскольку право покидать любую страну, включая свою собственную, гарантируется

Протоколом № 4 к Конвенции. Более того, такая возможность становится теоретической, если никакая другая страна, предлагающая защиту сравнимую с той, что они надеются получить в государстве, где они просят убежище, склонна или готова их принять».

(Сирия не подписала Конвенцию о статусе беженцев 1951 г.). С учётом того, что заявители не были преступниками, а просителями убежища, что они находились под постоянным и строгим надзором полиции, что большую часть времени они были предоставлены самим себе, не получая социальной или юридической помощи, то что могло быть простым *ограничением* свободы стало её *лишением* из-за степени ущемления свободы передвижения и продолжительности его действия. Хотя зона аэропорта называлась «международной», это не значит, что она являлась экстерриториальной зоной или не подпадала под юрисдикцию Франции, и юридические механизмы доступные заявителям для обжалования законности их содержания под стражей в пределах данной зоны, не отвечали требованиям Европейской Конвенции.

- Заявительница в деле **H.M. v Switzerland (2002 г.)**, была пожилой женщиной, которую вопреки её желанию поместили в дом для престарелых по причине серьёзного пренебрежения. Было признано, что она не в состоянии позаботиться о себе. Она утверждала, что размещение её в доме для престарелых, было равносильно заключению под стражу согласно статье 5, и что статья 5 не допускает помещения под стражу по причине пренебрежения. Суд рассмотрел все обстоятельства дела в совокупности, отметив, что вместо размещения в доме для престарелых заявительнице была предложена помощь Ассоциации помощи на дому престарелым и больным, от которой она отказалась. Кроме того, Суд отметил, что после переезда заявительница согласилась остаться на новом месте и что она не знала, хуже ей там или лучше, чем в собственном доме. В данных обстоятельствах Суд постановил, что согласно значению статьи 5 заявительница под стражу не помещалась.
- В деле **Lavents v Latvia (2002 г.)**, заявитель был помещен под домашний арест на 11 месяцев. За ним велось постоянное наблюдение и ему запрещалось выходить из дома в любое время в течение этого срока. Суд постановил, что согласно значению статьи 5 это равносильно лишению свободы.
- Для сравнения с делом **Amuur** смотри решение о приемлемости жалобы в деле **Mahdid & Haddar v Austria (2005 г.)**, касающегося семьи из 4 подданных Алжира, просивших убежища в аэропорту Вены. У них имелись паспорта и туристические визы в Словакию, которые они уничтожили. Их прошения были рассмотрены в течение трёх дней и отклонены. Заявители находились в транзитной зоне с 4 ноября по 13 декабря 1996 года. В это время власти несколько раз пытались выслать их в Тунис. Заявители утверждали, что их положение после отклонения прошений на пограничном контроле было равносильно незаконному лишению свободы, которое они не могли эффективно обжаловать, поскольку власти Австрии не признавали его таковым. Суд провёл различие между их положением и обстоятельствами в деле **Amuur** и заявил, что лишение свободы в данном случае не имело места. Суд отметил, что решение по ходатайству о предоставлении убежища было принято в течение трёх дней, но, несмотря на это, заявители решили остаться. Далее Суд отметил, что заявители отказались от предложения разместить их в специально отведённой зоне и были предоставлены сами себе. За ними не велся полицейский надзор, и они могли самостоятельно организовывать свою повседневную жизнь, вести переписку и контактировать с третьими лицами без какого-либо вмешательства или контроля со стороны властей. С самого начала они поддерживали связь с гуманитарной организацией, которая предоставляла им социальную и юридическую помощь. Двукратная попытка выслать их в Тунис не увенчалась успехом, поскольку в первый раз их не смогли найти, а во второй – по причине их отказа сесть в самолёт. Суд далее подчеркнул, что заявители приняли сознательное решение уничтожить свои паспорта и отказались выехать в другую страну, стараясь любыми путями попасть в Австрию, за что Австрия не несёт никакой ответственности.

Решая вопрос о том, находилось ли лицо под стражей согласно статье 5, Суд обращает внимание не столько на характер места заключения, сколько на упомянутые выше факторы. Таким образом, лица, которых удерживали в церквях, домах, больницах, закрытых зонах аэропорта и машинах, например, были признаны лишёнными свободы.

Вопросы

1. Предусматривают ли нормы внутригосударственного права определение «содержания под стражей» или «лишения свободы»?
2. Если да, то предусматривает ли соответствующее положение ясное и конкретное определение того, что считается содержанием под стражей и лишением свободы?
3. Существует ли чёткое различие между лишением свободы и ограничением свободы передвижения?
4. Распространяется ли право на свободу и личную неприкосновенность на военнослужащих?
5. Распространяется ли право на свободу и личную неприкосновенность на каждого человека, включая временно проживающих и гостей, без каких бы то ни было различий по признаку расы, цвета кожи, политических или иных убеждений, национального происхождения, пола и т.п. (в нарушение положений статьи 14 или Протокола № 12)?

3 ИСКЛЮЧЕНИЯ: ДОПУСТИМЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

3.1 Характер исключений

Право на свободу и личную неприкосновенность не является абсолютным, однако по существу презумпция в рамках статьи 5 трактуется в пользу свободы. Исключения, предусмотренные статьёй 5, как и все прочие исключения в Конвенции, требуют узкого толкования. В деле **Quinn v France (1995 г.)** заявитель был задержан в связи с обвинениями в мошенничестве. Французский суд распорядился о его «немедленном» освобождении, однако фактически он был освобождён лишь через 11 часов. Суд признал эту задержку нарушением статьи 5, при этом подчеркнув, что статья 5 ставит целью гарантировать, чтобы ни одно лицо не подвергалось произвольному лишению свободы.

В последующем подробнее объясняется, что единственно возможными исключениями к праву на свободу и личную неприкосновенность являются лишь те, что чётко оговорены статьёй 5; любые другие основания, допустимые в рамках внутригосударственного права, противоречат положениям статьи 5.

Хотя перечень исключений в статье 5 является исчерпывающим, применимость какого-либо одного исключения в отдельном случае отнюдь не исключает возможное применение прочих. В зависимости от обстоятельств заключение под стражу может быть обосновано более чем одним подпунктом статьи 5(1). Другими словами, к одному делу могут относиться два исключения (см. дело **Eriksen v Norway (1997 г.)**).

3.1.1 Принцип законности

Понятие юридической определённости, основанное на верховенстве права, лежит в основе статьи 5 Конвенции, и, в частности, статьи 5(3). Всякое лишение свободы, согласно статье 5, должно осуществляться «в порядке, установленном законом» и быть «законным». Эти выражения относятся к нормам внутригосударственного права, и в их основу положена идея о соблюдении справедливости и правильности процедур. Это значит, что любые действия, направленные на лишение человека свободы, производятся по инициативе соответствующих органов и осуществляются ими, и при этом не являются произвольными (см. дело **Bizzotto v Greece (1996 г.)**, пункт 31).

3.1.1.1 Качество закона

Понятие «законности» также относится к *качеству* соответствующего закона. Следовательно, закон, санкционирующий заключение под стражу, должен отвечать принципу верховенства права, а также быть в достаточной мере доступным, точным и предсказуемым в плане последствий, дабы избежать угрозы произвола.

- В решении по делу **Amuur v France (1996 г.)** было установлено, что неопубликованный циркуляр, составленный из инструкций министров и начальников полиции относительно иностранцев, которым отказывают во въезде в страну на пограничных пунктах, не являлся «законом необходимого качества», поскольку не был «доступным».
- Заявителя в деле **Varbanov v Bulgaria (2000 г.)** в принудительном порядке поместили под стражу в психиатрической больнице на 25 дней по распоряжению прокурора. Суд отметил ряд недоработок в болгарском законодательстве. Он заявил, что инструкции, составленные прокурором, не исправляют недостатки законодательства, поскольку содержатся в неопубликованном документе и не обладают официальной юридической силой. Суд отметил, что формулировки «согласно закону» и «в порядке, установленном законом» требуют, чтобы применяемая мера

обосновывалась нормами внутригосударственного права, а также относятся к качеству соответствующего закона, причём закон должен быть доступен данному лицу и предсказуем по части последствий.

- В решении по делу **Jecius v Lithuania (2000 г.)** Суд счёл «законным» предписание о помещении под стражу, выданное литовским судом, несмотря на его неточность. Суд пришёл к выводу, что региональный суд располагал необходимой юрисдикцией и что значение предписания было ясно всем присутствовавшим. Кроме того, по заявлению Суда, в данном случае нельзя сказать, что национальный суд действовал недобросовестно либо неправильно применил национальное законодательство.
- В решении по делу **Shamsa v Poland (2003 г.)** Суд счёл, что задержание в транзитной зоне на неопределённый и неустановленный срок без правовых оснований и действительного распоряжения суда противоречило принципу правовой определённости.
- В деле **Кепенеров v Bulgaria (2003 г.)** в ходе судопроизводства с участием заявителя прокурор распорядился о прохождении им психиатрического освидетельствования. Заявитель предписания не выполнил, и прокурор отдал распоряжение полиции о его аресте и заключении под стражу. Он был арестован и в порядке принуждения доставлен в больницу, где его удерживали в течение 30 дней. Суд постановил, что национальное законодательство, регулирующее порядок изоляции лиц по состоянию психического здоровья, не давало полномочий прокурору подвергать заявителя принудительной изоляции в психиатрическом учреждении для прохождения психиатрического освидетельствования. Кроме того, соответствующий действующий закон не обязывал власти получать медицинское заключение до изоляции. Суд пришёл к выводу, что задержание заявителя было незаконным согласно статье 5(1), поскольку не имело под собой оснований в рамках национального законодательства, и что оно не предусматривало защиту от произвола, поскольку не требовало экспертного медицинского заключения до помещения под стражу.
- В деле **Ткачик v Slovakia (2003 г.)**, заявитель вопреки своему желанию был доставлен полицией в психиатрическую больницу для приёма лечебных препаратов и прохождения анализов. Там его удерживали несколько дней. Он заявил о нарушении статьи 5(1), утверждая, что в его случае положения национального законодательства не соблюдались. Суд согласился, заявив, что ограничение срока содержания под стражей, предусмотренное словацким законодательством, в данном случае не соблюдено. Соответственно, заключение под стражу не было «законным», и статья 5(1) оказалась нарушена.
- В деле **Ahmet Özkan and Others v Turkey (2004 г.)** полное отсутствие протоколов содержания под стражей в одной жандармерии и их ненадёжность в другой свидетельствовало о том, что задержание заявителей было произвольным и противоречило статье 5.
- В деле **Gusinskiy v Russia (2004 г.)**, несмотря на то, что Уголовно-процессуальный кодекс допускал «при исключительных обстоятельствах» такие меры пресечения, как заключение заявителя под стражу до предъявления обвинений, государство-ответчик не представило примеров дел из судебной практики, в которых раскрывалось понятие подобных «исключительных обстоятельств». Таким образом, не было показано, что основание, по которому лицо может быть лишено свободы при таких обстоятельствах, отвечало требованию «качества закона» в рамках статьи 5. Кроме того, Суд установил факт нарушения статьи 18 (пределы использования ограничений в отношении прав) в сочетании со статьёй 5 на том основании, что заявитель удерживался под стражей не только по причине обоснованных подозрений в причастности к правонарушению (а значит для того, чтобы предстать перед компетентным юридическим органом), но и с той целью, чтобы путём запугивания вынудить его передать долю акций своей медиа компании предприятию, подконтрольному государству.

- Рассмотрев дело **Hilda Hafsteinsdóttir v Iceland (2004 г.)**, Суд пришёл к выводу о наличии правовых оснований для помещения заявительницы под стражу в полиции за непристойное поведение в состоянии алкогольного опьянения. При этом он заключил, что соответствующие положения оказались недостаточно точными по части мер, которые полиции разрешено применять в отношении задержанного лица, и что они не предусматривали конкретного максимально допустимого срока содержания под стражей. Более того, полицейские инструкции не были общедоступны. Следовательно, свобода действий полиции и продолжительность содержания под стражей регулировались одной лишь административной практикой, а не правовой базой. По этим причинам Суд не был убеждён в том, что закон в данном случае был достаточно точным и доступным, дабы избежать риска произвола. Соответственно, лишение заявительницы свободы не было «законным».
- В деле **Svipsta v Latvia (2006 г.)** распоряжение о предварительном заключении заявителя было отдано на основании положения Уголовно-процессуального кодекса (УПК), согласно которому, «время, затраченное всеми подзащитными на ознакомление с материалами дела, не учитывается при расчёте срока предварительного заключения». Суд признал эту формулировку слишком расплывчатой и неточной: в ней не указано однозначно на необходимость содержания подзащитного под стражей. Таким образом, данное положение не отвечало требованию «законности», предусмотренному статьёй 5(1). В действительности автоматическое продление заявителю срока предварительного заключения было признано результатом общепринятой практики латвийских властей, которая не подкреплялась конкретной правовой базой и была призвана компенсировать недоработки в УПК.
- В деле **Garabayev v Russia (2007 г.)** заявитель был задержан в России по ордеру о заключении под стражу, выданному прокурором Туркменистана. Его задержание не было утверждено российским судом в соответствии с требованиями российского законодательства. Поэтому было признано, что содержание заявителя под стражей до выдачи не осуществлялось «в порядке, установленном законом» согласно требованию статьи 5(1).

Таким образом, любое заключение под стражу противоречит статье 5(1), если распоряжение о нём отдано с нарушением процедур или норм внутреннего законодательства, либо если положения внутреннего законодательства недостаточно доступны, ясны и предсказуемы.

- В деле **Conka v Belgium (2002 г.)** меры, принятые бельгийскими властями, оказались несовместимы со статьёй 5(1). Заявителей заманили в полицейский участок, сообщив, что их присутствие необходимо для оформления прошений о предоставлении убежища. Однако, прибыв в участок, заявители получили новое предписание покинуть территорию страны, а также распоряжение о заключении их под стражу с этой целью. Суд заявил, что сознательное решение властей облегчить спланированную операцию по выдворению иностранцев или повысить её эффективность, введя их в заблуждение относительно цели повестки и лишить свободы, противоречит положениям статьи 5.

Негласное содержание под стражей (т.е. при котором власти не регистрируют факт заключения под стражу) рассматривается Судом как особо вопиющее нарушение принципа «законности», закреплённого в статье 5.

- Рассмотрев дело **Fedotov v Russia (2005 г.)**, Суд отметил, что протоколы арестов заявителя не составлялись, и что ответственный сотрудник отделения милиции категорически отказался выполнить просьбу об их составлении. Суд счёл это обстоятельство весьма серьёзным нарушением, поскольку традиционно полагает, что негласное содержание под стражей представляет собой полное отрицание важнейших гарантий, предусмотренных статьёй 5, и говорит о грубейшем нарушении данного положения. Он заключил, что отсутствие регистрации таких данных, как дата, время и место задержания, фамилия задержанного, причины задержания

и фамилия осуществившего его лица, несовместимо с требованием законности и самой целью статьи 5. Смотри также дело **Menesheva v Russia (2006 г.)**.

Суд заявил, что период содержания под стражей в принципе является законным, если оно производится в соответствии с распоряжением национального суда. Такое содержание под стражей будет считаться незаконным лишь в случаях, когда распоряжение о заключении под стражу отдаётся с превышением юрисдикции, либо при наличии фактов, указывающих на его произвольность. Распоряжение о заключении под стражу позже может отменить вышестоящая судебная инстанция. Вместе с тем, отмена исходного распоряжения отнюдь не означает, что оно было недействительным и потому противоречило статье 5(1).

Смотри дело **Benham v United Kingdom (1996 г.)**.

- Заявители в деле **Iascu and Others v Moldova and Russia (2004 г.)**, опираясь на положение о «законности» в рамках статьи 5(1)(а), утверждали, что их заключение под стражу на территории «Приднестровской Молдавской Республики» (ПМР) – региона в составе Молдовы, провозгласившего свою «независимость» в 1991 году, но не признанного мировым сообществом, – было незаконным, и что суд, вынесший им обвинительный приговор, не был компетентным судом. Европейский Суд отметил, что понятие в основе формулировки «в порядке, установленном законом» в статье 5(1)(а) подразумевает справедливость и правильность процедур, а именно – что любая мера, лишаящая человека свободы, должна применяться по инициативе соответствующего органа и осуществляться им, и не должна быть произвольной. Кроме того, поскольку цель статьи 5 – защита лиц от произвола, то «осуждение» не может являться результатом явного отказа в правосудии. В данном случае Суд установил, что ни один из заявителей не был осуждён «судом» и что приговор к лишению свободы, вынесенный по итогам заседания такого судебного органа, как «Верховный суд» ПМР, не может считаться «законным заключением под стражу», распоряжение о котором отдано «в порядке, установленном законом».

Чрезвычайные меры зачастую не отвечают критерию «законности». В случае, когда такие меры вводятся якобы в рамках дискреционной власти, они не выдержат проверки, если принимаются с превышением законных полномочий.

3.1.1.2 Международные правовые обязательства

При оценке законности заключения под стражу Суд учитывает не только национальное законодательство, но и действующие международные обязательства государства.

- Рассмотрев дело **Ocalan v Turkey (2005 г.)**, Суд признал, что Конвенция не препятствует сотрудничеству государств в рамках соглашений о выдаче или в случаях высылки с целью привлечения к ответственности скрывающихся правонарушителей, если при этом не ущемляются никакие конкретные права, закреплённые в Конвенции. В данном случае сотрудничество государств также стало существенным фактором, который следовало взять в расчёт при определении законности ареста, послужившего поводом для обращения в Суд. Суд заявил, что в свете аргументации сторон необходимо определить следующее: стало ли задержание заявителя на территории Кении непосредственно перед передачей представителям турецких властей на борту самолёта в аэропорту Найроби следствием действий турецких должностных лиц, нарушивших суверенитет Кении и нормы международного права (как утверждал заявитель), либо результатом сотрудничества кенийских и турецких властей при отсутствии кого-либо соглашения о выдаче между Турцией и Кенией, устанавливающего официальную процедуру (как заявляло государство). Суд счёл, что в то время кенийские власти решили передать заявителя властям Турции либо содействовать его передаче. Таким образом, по заключению Суда, заявитель не представил доказательств, позволяющих сделать согласованные выводы о том, что в данном

случае Турция нарушила суверенитет Кении и не придерживалась норм международного права. Арест заявителя и его заключение под стражу осуществлялись «в порядке, установленном законом», в целях статьи 5(1) Конвенции. Таким образом, данное положение не нарушалось.

Вопросы

1. Ограничены ли основания для заключения под стражу в рамках внутригосударственного права теми, что указаны в статье 5(1)(a)–(f)?
2. Является ли помещение под стражу исключительным полномочием конкретных лиц или органов, и если да, то чётко ли они определены?
3. Предусматривают ли нормы внутригосударственного права эффективную защиту от произвола?
4. Достаточно ли точны, доступны и предсказуемы соответствующие законы, чтобы обычный человек понимал, какие обстоятельства обосновывают его заключение под стражу и каким образом можно обжаловать его законность?

3.2 Законное содержание под стражей лица, осуждённого компетентным судом – статья 5(1)(a)

Статья 5(1)(a) допускает содержание под стражей лица, осуждённого компетентным судом, лишь при выполнении определённых условий.

3.2.1 Компетентный суд

Понятие «компетентный суд» относится не только к чёткой правовой базе, но и к составу и процедурам суда, в частности:

- о исключает административные органы;
- о требует независимости и беспристрастности выносящего решения органа;
- о требует, чтобы соответствующий суд обладал необходимой юрисдикцией для рассмотрения дела;
- о подразумевает, что суды особой юрисдикции, например, военные суды, также подпадают под это понятие при условии, что их независимость гарантирована, что они уполномочены санкционировать освобождение, а заявители имеют право предстать перед ними незамедлительно и обжаловать законность содержания под стражей (см. дело **Engel**, упоминавшееся выше); а также
- о исключает решения прокурора, военачальника, сотрудника полиции или аналогичного должностного лица (см., например, дело **Dacosta Silva v Spain (2006 г.)**).

3.2.2 После обвинительного приговора

Формулировка «после обвинительного приговора» означает, что содержание под стражей должно «иметь место в силу вынесения обвинительного приговора или зависеть от него, быть его следствием и результатом» (см. дело **B. v Austria (1990 г.)**). В ходе обычного уголовного судопроизводства это практически не вызывает проблем. Однако значение данной формулировки становится очевидным, например, в таких случаях, когда лицо было осуждено, заключено под стражу, а затем повторно задержано. В случаях, когда первоначальное заключение под стражу было законным, последующее повторное задержание или предписание о продлении срока содержания под стражей является законным лишь при наличии неразрывной причинной связи между первоначальным приговором и повторным заключением под стражу.

- В деле **Van Droogenbroeck v Belgium (1982 г.)** заявителя приговорили к двум годам лишения свободы и предписали предоставить его в «распоряжение государства» сроком на 10 лет. При этом выносивший приговор суд принял в расчёт тот факт, что заявитель являлся рецидивистом и проявлял устойчивую склонность к совершению преступлений. Впоследствии после повторных правонарушений его помещали под стражу по решению министра в трёх отдельных случаях. Суд постановил, что в данном случае существует достаточная причинная связь между первоначальным приговором и распоряжением о повторном заключении под стражу.
- В деле **Weeks v United Kingdom (1987 г.)** заключённого, осуждённого на пожизненный срок лишения свободы на основании его опасности для общества, временно освободили по специальному разрешению. Как полагали, в момент совершения правонарушений он страдал тяжёлым расстройством личности. После того, как он совершил ряд правонарушений, в том числе с применением насилия, министр отменил специальное разрешение, и заявителя заключили под стражу. Согласно постановлению Суда, в момент отмены разрешения у министра имелись достаточные основания полагать, что дальнейшее пребывание заявителя на свободе опасно для общества и его самого. Соответственно, причинная связь между первоначальным осуждением и новым заключением под стражу сохранялась, а значит, заключение под стражу имело место после осуждения согласно значению статьи 5(1)(а) (см. также **Leger v France (2006 г.)**). Напротив, в деле **Stafford v United Kingdom (2002 г.)**, Суд установил факт нарушения статьи 5(1)(а), когда заявитель, первоначально осуждённый и приговорённый к пожизненному заключению за убийство, был вновь заключён в тюрьму после освобождения по специальному разрешению с пожизненным сроком действия. Поскольку основанием для повторного заключения заявителя в тюрьму послужил риск того, что он может совершить ненасильственные преступления, Суд установил недостаточную причинную связь с первоначальным осуждением.
- Заявитель в деле **Eriksen v Norway (1997 г.)** на протяжении долгого времени совершал насильственные преступления, причиной которых было его психическое заболевание. Его осудили за насильственное преступление и приговорили к 120 суткам лишения свободы. Затем орган, осуществлявший уголовное преследование, с разрешения вынесшего приговор суда, назначил ему меры пресечения сроком на пять лет. Национальные суды разрешили продлить срок заключения в качестве мер безопасности по ходатайству, направленному до истечения пятилетнего срока. Суд установил, что данное продление срока было обосновано правонарушениями, которые послужили основанием для первоначального осуждения заявителя за агрессивное поведение и физическое нападение. Суд признал (см. пункт 78), что в случае, когда судебный орган решает продлить превентивное содержание под стражей, назначенное в качестве меры безопасности до окончания установленного срока, такое продление срока в принципе рассматривается как заключение под стражу лица после вынесения судом обвинительного приговора, согласно статье 5(1)(а).

Если принято решение не освобождать содержащееся под стражей лицо или повторно заключить его под стражу на основаниях, расходящихся с целями выносящего приговор суда, то изначально законное содержание под стражей станет произвольным лишением свободы в нарушение статьи 5 (см. дело **Weeks**, упоминавшееся выше).

Значение формулировки «после обвинительного приговора» становится очевидным и в ряде других обстоятельств:

- В деле **Bozano v France (1986 г.)** заявитель был в принудительном порядке выслан из Франции в Швейцарию; при этом существовала высокая вероятность того, что позже его выдадут Италии, где он был заочно осуждён и приговорён к пожизненному заключению. По утверждению французского правительства, во время высылки заявителя держали в полицейской машине на законных основаниях, поскольку на тот момент он уже «был осуждён». Суд установил, что

его содержание под стражей не было следствием осуждения, а лишь *последовало* за ним и, соответственно, имело место «после» обвинительного приговора только во временном аспекте. Таким образом, с точки зрения статьи 5(1)(а) оно было незаконным.

- В деле **Monnell and Morris v United Kingdom (1987 г.)**, заявители подали без каких-либо шансов на успех апелляцию по обвинительному приговору. Как следствие, судья апелляционной инстанции распорядился не включать в срок наказания время, уже проведённое ими в заключении (т.е. они должны вновь отбыть этот срок). Заявители провели в тюрьме дополнительные сроки в 28 и 56 суток. Суд установил наличие достаточной причинной связи между первоначальным приговором и не принятым в расчёт сроком заключения, поскольку в рамках британского права последнее неразрывно связано с процедурой обжалования решения по уголовному делу после вынесения обвинительного приговора. Таким образом, преследовалась законная цель предупредить юридически обоснованные опротестования и обеспечить рассмотрение апелляций по уголовным делам в разумные сроки. Следовательно, в данном случае существовала достаточная и законная связь между осуждением и дополнительным сроком лишения свободы.
- Решение о приемлемости по делу **Veermae v Finland (2005 г.)** касалось гражданина Эстонии, осуждённого за уголовное преступление на территории Финляндии. В соответствии с положениями Конвенции о передаче осуждённых лиц и её дополнительным протоколом финские власти планировали отправить его в страну происхождения, в Эстонию, для отбывания наказания. Суд отметил, что заявитель надеялся на условно-досрочное освобождение в Финляндии после того, как отбудет половину назначенного ему срока. Он жаловался, что в случае возвращения в Эстонию он, скорее всего, дольше пробудет в тюрьме, и что в результате будет нарушена статья 5. Суд вновь заявил, что Конвенция должна по возможности толковаться в согласии с прочими нормами международного права, частью которого она является, в данном деле – с Конвенцией о передаче осуждённых лиц. Он установил, что возможный более длительный срок заключения в государстве исполнения приговора сам по себе не является произвольным лишением свободы, если отбываемое наказание по продолжительности не превышает приговора, вынесенного по итогам уголовного судопроизводства. В любом случае решение о выдаче можно опротестовать в административном суде, если срок наказания окажется более длительным. При этом Суд не исключил того, что если срок наказания в государстве исполнения приговора фактически окажется значительно более долгим, то может встать вопрос о нарушении статьи 5, что повлечёт ответственность государства, вынесшего приговор. Тем не менее, в этом случае необходимо будет привести веские основания полагать, что наказание, отбываемое в государстве исполнения приговора, окажется в существенной мере несоразмерным сроку наказания в государстве, вынесшем приговор. В данном случае такие основания не установлены.

Рассматривая вопрос об обоснованности последующего лишения свободы в рамках статьи 5(1)(а), Суд также может учесть то, в какой мере судебное разбирательство в государстве соответствовало положениям статьи 6 Конвенции. В том случае, если судебное разбирательство представляет собой «явный отказ в правосудии» (т.е. «очевидно противоречит положениям статьи 6»), то последующее заключение под стражу не подпадает под требования статьи 5(1)(а).

- Заявитель в деле **Stoichkov v Bulgaria (2005 г.)**, был осуждён заочно и приговорён к лишению свободы. Он жаловался, что содержался в тюрьме в нарушение своих прав в рамках статьи 5, так как он не был приговорён к лишению свободы после «осуждения компетентным судом», поскольку у него не было возможности защищать свои интересы на судебном процессе, а болгарские власти отказались провести повторное судебное разбирательство по его делу. Суд отметил, что требование статьи 5(1)(а), согласно которому лицо может быть законно заключено под стражу как «осуждённое компетентным судом», не подразумевает того, что Суд должен всесторонне анализировать порядок производства по делу, которое привело к данному осуждению, и проверять, в полной ли мере соблюдены требования статьи 6 Конвенции.

Однако, Суд также признал, что если «осуждение» является итогом судопроизводства, которое представляло собой «явный отказ в правосудии», т.е. «очевидно противоречило положениям статьи 6 или закреплённым в ней принципам», то и последующее лишение свободы не может быть оправдано согласно статье 5(1). Сославшись на соответствующую судебную практику в отношении статьи 6 (в частности, на дело **Einhorn v France**), Суд отметил, что обязанность гарантировать право подсудимого на присутствие в зале суда – на первоначальном процессе или при повторном разбирательстве по делу – считается одним из важнейших требований статьи 6 и прочно закреплена данным положением. Следовательно, разбирательство по уголовному делу, проведённое заочно, и последующий отказ в повторном его проведении без какого-либо указания на то, что обвиняемый отказался от своего права присутствовать на судебном процессе, можно справедливо охарактеризовать как «явно противоречащее положениям статьи 6 и закреплённым в ней принципам». В данном деле не отмечено никаких указаний на то, что заявитель отказался от своих прав. В результате, Суд заключил, что поскольку порядок производства по делу не соответствовал статье 6, непрерывное содержание заявителя под стражей являлось нарушением статьи 5 Конвенции.

Вопросы

1. Достаточно ли чётко определяет закон процедуру заключения под стражу «осуждённых» лиц?
2. Гарантируют ли нормы внутригосударственного права, что заключение под стражу осуждённых лиц происходит вследствие осуждения?
3. Существуют ли правовые нормы, обеспечивающие независимость и беспристрастность выносящих приговоры судов?
4. Предусматривает ли закон необходимые положения в отношении лиц, которые повторно заключены под стражу после первоначального срока содержания под стражей, в соответствии с вышеупомянутой прецедентной практикой?

3.3 Неисполнение законного решения суда и гарантия исполнения обязательства, предписанного законом – статья 5(1)(b)

Заключение под стражу в рамках этого положения подразумевается как гарантия исполнения *конкретных обязательств*: оно не может применяться в качестве меры наказания. Это положение включает в себя две отдельные составляющие: первая касается распоряжений суда, а вторая – правовых обязательств из прочих источников.

3.3.1 Неисполнение законного решения суда

Обязательным условием заключения под стражу в рамках первой части статьи 5(1)(b) является неисполнение законного решения суда, подлежащего обязательному исполнению. Заключение под стражу нельзя применять в качестве профилактики неисполнения судебного решения. Заключение под стражу согласно данной статье используется судами как средство стимуляции исполнения судебного решения. Данное положение предусматривает следующие виды судебных предписаний:

- решение о присуждении алиментов;
- судебный приказ о прохождении анализа крови;
- приказ о представлении имущественной декларации;
- приказ о прохождении медицинского освидетельствования;
- преследуемая по закону неуплата назначенных судом штрафов; а также
- неявка в суд по повестке либо отказ отвечать на вопросы в качестве свидетеля.

Законность судебного предписания зависит от следующих факторов:

- надлежащее устройство и состав суда;
- полномочия суда принимать соответствующие решения; и
- приказ, изданный в соответствии с надлежащими процедурами.

3.3.2 Гарантия исполнения обязательства, предписанного законом

Вторая составляющая рассматриваемого положения, а именно – исполнение обязательства, предписанного законом, допускает заключение под стражу лица только в целях принуждения его к исполнению *определённого и конкретного обязательства*, возложенного на него, но пока не выполненного (см. приведённое выше дело **Engel**, пункт 69).

Более того, обязательство уже должно быть возложено на лицо к моменту его помещения под стражу; таким образом, заключение под стражу, как правило, не допускается при отсутствии предыдущего нарушения правовых обязательств. Как говорилось выше, заключение под стражу не производится с целью наказания. Его цель, в рамках этой составляющей – гарантировать исполнение соответствующего обязательства.

Суд ясно выразил мысль о том, что в рамках данного положения не допускается следующее:

- превентивное содержание под стражей, например, предполагаемых террористов (см. дело **Lawless v Ireland (1961 г.)**); или
- заключение под стражу с целью исполнения общего обязательства подчиняться закону (см. дело **Engels** выше).

Подлинной целью содержания под стражей должно быть обеспечение немедленного исполнения обязательства.

- В деле **Nowicka v Poland (2002 г.)** заявительница участвовала в судебном разбирательстве, в ходе которого встал вопрос о состоянии её психического здоровья. Ей предписали пройти психиатрическое освидетельствование. Заявительница не выполнила это распоряжение, и суд выдал ордер на её арест. Прежде чем освидетельствовать, её удерживали под стражей в течение восьми дней. Позже суд выдал ещё один ордер на её повторный арест для дальнейшего медицинского освидетельствования. На этот раз она находилась под стражей 27 дней до прохождения освидетельствования. Суд отметил, что основание для заключения под стражу было законным, а именно – гарантировать исполнение обязательства пройти психиатрическое освидетельствование, но при этом постановил, что оба периода содержания под стражей перед освидетельствованием расходились с желанием властей обеспечить незамедлительное исполнение заявительницей возложенного на неё обязательства. В данных обстоятельствах Суд пришёл к выводу, что властям не удалось должным образом уравновесить важность гарантии незамедлительного исполнения определённого обязательства и важность права на свободу. Таким образом, был установлен факт нарушения статьи 5(1).

Заключение под стражу также должно быть соразмерным причине, по которой оно применяется.

- В деле **Vasileva v Denmark (2003 г.)**, водитель автобуса обвинил 67-летнюю заявительницу в том, что во время поездки у неё не было действительного билета. Он попытался её оштрафовать, но заявительница отказалась сообщить свою фамилию вопреки требованию закона. На место прибыла полиция, и когда заявительница вновь отказалась назвать свою фамилию, её арестовали и доставили в полицейский участок. Там её удерживали 13 с половиной часов, и к концу этого срока она назвала свою фамилию. Суд постановил, что с учётом

незначительности правонарушения, которое предусматривало наказание лишь в виде штрафа, содержание заявительницы под стражей в течение 13 с половиной часов не было соразмерным цели её задержания. Суд обратил особое внимание на тот факт, что в течение этого времени не предпринималось никаких попыток установить её личность. Далее Суд отметил, что принимая во внимание пожилую возраст заявительницы необходимо было вызвать врача; возможно, это помогло бы заявительнице и полиции найти общий язык.

Данное положение предусматривает следующие виды обязательств, которые должны соответствовать требованиям Конвенции, например:

- обязательство иметь при себе удостоверение личности;
- обязательство представлять налоговую декларацию; и
- обязательство проходить военную службу.

В «определённых ограниченных обстоятельствах неотложного характера», таких как борьба с терроризмом, заключение под стражу в рамках данного положения допускается в случаях, когда необходимо обеспечить эффективное исполнение обязательства по мере его возникновения.

- В деле **Bernard Leo McVeigh, Oliver Anthony O’Neill and Arthur Walter Evans v United Kingdom (1982 г.)** бывшая Европейская комиссия по правам человека рассмотрела положение троих мужчин, задержанных на 45 часов для «дальнейшей проверки» в пункте въезда в Великобританию из Северной Ирландии. На основании действовавшего в то время закона о борьбе с терроризмом лица, въезжающие в Великобританию, могли подвергаться допросу с целью установления их возможной причастности к террористической деятельности. В случае возникновения подозрений, лицо могли обязать пройти «дальнейшую проверку». В данном случае заявителей заключили под стражу, чтобы обеспечить эффективное исполнение обязательства по мере его возникновения. Комиссия установила, что обязательство было «определённым и конкретным». Признав заключение под стражу оправданным в соответствии со статьёй 5 (1)(b), Комиссия отметила, что исполнение обязательства являлось делом неотложной необходимости и что в данном случае его исполнение нельзя было гарантировать никакими иными разумно практичными мерами. При этом, Комиссия заявила, что в демократическом обществе важно уравновесить гарантию незамедлительного исполнения обязательства и право на свободу. Существенную роль при установлении такого равновесия играла продолжительность содержания под стражей.

Вообще, оправданность заключения под стражу в рамках статьи 5(1)(b) можно оценить в свете Конвенции в целом; например, в случаях, когда:

- заключение под стражу ставит целью защитить права других (например, право пользоваться своим имуществом в рамках статьи 1 Протокола №1);
- оно связано с конкретными обязательствами, предусмотренными Конвенцией (например, с обязательством проходить военную службу – см. статью 4);
- оно способствует осуществлению других прав (например, эффективности судебной системы в рамках статьи 6); или
- оно является оправданной и соразмерной мерой, призванной защитить общество в целом (например, таможенный и полицейский контроль в портах).

Вопросы

1. Допускают ли законы государства заключение под стражу на основании неисполнения законного решения суда?
2. Если да, то зависят ли они от факта неисполнения законного решения суда?
3. Допускают ли законы государства заключение под стражу с целью обеспечения исполнения обязательства, предписанного законом? Если да, то зависят ли они от факта неисполнения конкретного обязательства?
4. Содержат ли нормы внутригосударственного права чёткое указание на то, что целью заключения под стражу в данном случае является гарантия исполнения конкретных обязательств, а не наказание за их неисполнение?

3.4 Арест и заключение под стражу лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления – статья 5(1)(с)

Статья 5(1)(с) регулирует арест и содержание под стражей лиц, с целью применения норм уголовного права. Это – средство, с помощью которого можно возбудить уголовное дело. Право производить арест является необходимым элементом системы уголовного судопроизводства, однако для того, чтобы соответствовать статье 5, оно должно надлежащим образом применяться.

Статья 5(1)(с) предусматривает три основания для ареста:

- о с целью доставки подозреваемого в компетентный правоохранительный орган при обоснованном подозрении в совершении им правонарушения;
- о при обоснованной необходимости предотвратить совершение правонарушения;
- о для предотвращения побега лица после совершения правонарушения.

Большинство дел, представленных в Суд на основании статьи 5(1)(с), касались обоснованных подозрений в совершении правонарушения; на другие же два основания полагаются достаточно редко. Так или иначе, они являются избыточными, поскольку формулировки того и другого основания предполагают совершение уголовного преступления ((i) попытку или умысел совершения преступления и (ii) преступление как свершившийся факт).

Любой арест, согласно статье 5(1)(с), должен производиться в порядке, установленном законом, и быть «законным». Кроме того, статья 5(1)(с) должна толковаться в сочетании со статьёй 5(3). Таким образом, все лица, арестованные и заключённые под стражу согласно статье 5(1)(с), имеют право незамедлительно предстать перед судом, а также право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Статьи 5(1)(с) и 5(3) не только служат защите от произвольного заключения под стражу, но также составляют часть арсенала прав, защищающих физическую неприкосновенность задержанного. Строго регулируемое содержание под стражей помогает снизить риск того, что помещённое под стражу лицо подвергнется обращению, противоречащему статье 3 Европейской Конвенции (пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение), скончается под стражей или исчезнет, в нарушение статьи 2 (право на жизнь). Кроме того, указанные статьи дополняют право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. При строго регулируемом предварительном заключении снижается опасность того, что обвиняемого вынудят дать признательные показания; как бы то ни было, признания в таких случаях, как известно, ненадёжны. Строгое регулирование предварительного заключения также обеспечивает проведение властями государства необходимых уголовных расследований в отношении задержанных лиц в кратчайшие сроки.

3.4.1 Значение и продолжительность ареста или содержания под стражей в рамках статьи 5(1)(с)

По смыслу статьи 5(1)(с) «арест» означает первоначальный акт задержания лица по подозрению в совершении им уголовного преступления, и, соответственно, статья 5 применима с этого момента. Значение данного термина в статье 5(1)(с) не всегда совпадает со значением, принятым во внутригосударственном праве. Поскольку приоритет отдаётся значению, принятому в Конвенции, а не его толкованию во внутригосударственном праве, необходимо чтобы власти государства понимали значение термина «арест» в смысле статьи 5(1)(с).

В соответствии со статьёй 5(1)(с) содержание под стражей утрачивает обоснованность в день, когда решается вопрос о виновности лица по предъявленному обвинению. Если данное лицо осуждено в законном порядке, то дальнейшее содержание его под стражей регулируется статьёй 5(1)(а), а если оправдано, то его надлежит освободить.

- В деле **Labita v Italy (2000 г.)** Суд рассмотрел случай, когда заявитель удерживался под стражей в течение двенадцати часов после вынесения оправдательного приговора. Суд признал, что хотя в рамках статьи 5(1)(с) содержание под стражей утрачивает обоснованность в день, когда решился вопрос о виновности лица, и, следовательно, содержание под стражей после вынесения оправдательного приговора уже не подпадает под действие этого положения, задержка с исполнением решения об освобождении задержанного зачастую неизбежна, однако она должна быть минимальной. Однако, Суд отметил, что в данном случае задержка с освобождением заявителя была лишь отчасти вызвана необходимостью уладить соответствующие административные формальности. Причиной дополнительной задержки стало отсутствие сотрудника, ведающего регистрацией. Проверить наличие оснований для дальнейшего содержания заявителя под стражей и выполнить прочие административные формальности, необходимые для освобождения, смогли только после его возвращения. Таким образом, дальнейшее содержание заявителя под стражей после вынесения оправдательного приговора не являлось первым этапом исполнения решения о его освобождении, а значит, не подпадало под действие подпункта 1(с) или иного подпункта статьи 5. Соответственно, по этой причине имело место нарушение статьи 5(1).

3.4.2 Уровень «обоснованного» подозрения

Уровень подозрения, согласно требованию статьи 5(1)(с), должен быть «обоснованным подозрением», что следует понимать в значении Конвенции. В случаях, когда уровень подозрения, требуемый внутригосударственным правом, не выдерживает проверки в Суде, ставшее его следствием предварительное заключение является нарушением статьи 5.

«Наличие “обоснованного подозрения” подразумевает существование фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что данное лицо могло совершить преступление» (см. дело **Fox, Campbell and Hartley v United Kingdom (1990 г.)**).

Таким образом, степень необходимого подозрения не подразумевает, что следственным органам следует получить достаточные доказательства для предъявления обвинений в момент ареста, или даже тогда, когда лицо уже находится под стражей. К тому же, от сотрудника, производящего арест, не требуется убеждённости в том, что преступление действительно было совершено. Как отметил Суд, рассмотрев дело **Margaret Murray v United Kingdom (1994 г.)**, целью допроса во время содержания под стражей после ареста является:

«дальнейшее продвижение уголовного расследования путём подтверждения или устранения конкретного подозрения, обосновывающего арест».

Обоснованность будет в некоторой степени зависеть от конкретных обстоятельств дела. Соответственно, аресты в контексте борьбы с терроризмом подпадают под отдельную категорию. Об обоснованности подозрения, оправдывающей арест в связи с террористической деятельностью, не всегда можно судить, используя те же принципы, что и в «общеуголовных» преступлениях.

- В деле **Fox, Campbell and Hartley v United Kingdom (1990 г.)**, согласно действовавшему в то время законодательству, основанием для ареста и задержания с целью допроса подозреваемых в терроризме служили «реальные и добросовестные подозрения». Государство-ответчик утверждало, что из соображений безопасности не могло раскрыть секретную информацию, которая стала основанием для арестов. Установив факт нарушения статьи 5(1)(с), Суд признал, что применённые в данном случае внутригосударственные стандарты оказались ниже уровня «обоснованного подозрения». Суд заявил, что применяя статью 5(1)(с) Конвенции, не следует создавать несоразмерные трудности правоохранительным органам государств-участников Конвенции для принятия мер эффективного противодействия организованному терроризму. В данных обстоятельствах Суд отметил (см. пункт 34), что государствам не требуется раскрывать конфиденциальные источники информации или даже факты, которые могут указать на такие источники либо установить их. Вместе с тем, необходимо предоставлять некоторые данные, которые позволят установить наличие оснований для обоснованного подозрения. Сведения, которые послужили опорой в данном деле (предыдущие осуждения, связанные с терроризмом, и данные допроса во время содержания под стражей, относящегося к конкретным террористическим актам) оказались недостаточными для того, чтобы установить обоснованность подозрения. Таким образом, имело место нарушение статьи 5(1).
- Дело **Margaret Murray** (упоминавшееся ранее) служит примером относительно низкого уровня «обоснованности» подозрения, необходимого в делах связанных с терроризмом, когда арест подозреваемых непродолжителен. Мюррей была арестована военнослужащим, который сообщил ей, что её арестовывают «на основании статьи 14». В тот момент никакой дополнительной информации ей не сообщили. Её поместили под стражу и удерживали чуть более двух часов (соответствующее положение законодательства предусматривало задержание на срок, не превышающий четырёх часов); при этом её допрашивали о причастности к террористической деятельности. Мюррей расспросили о контактах с двумя её братьями, которых незадолго до того осудили в США за приобретение огнестрельного оружия для террористической организации, ИРА (Ирландская республиканская армия). Затем её освободили, не предъявив обвинений. Заявительница жаловалась, что её арест не производился на основании обоснованного подозрения в совершении правонарушения. Государство-ответчик опиралось на те факты, что братьев заявительницы лишь незадолго до того осудили в США за преступления, связанные с террористической деятельностью, и что заявительница ездила в США и там контактировала со своими братьями. Кроме того, оно утверждало, что получило информацию из надёжного, но секретного источника, которая и послужила основанием для подозрений. Суд учёл продолжительность задержания заявительницы, а также максимально допустимый срок содержания под стражей. Приняв во внимание «острую необходимость расследования террористических преступлений», он пришёл к выводу, что Мюррей была арестована по «обоснованному подозрению» в причастности к террористической деятельности.

Однако, хотя Суд признаёт особые трудности, которые стоят перед властями при расследовании террористических преступлений, это не означает, что власти обладают полной свободой действий – арестовывать подозреваемых и содержать их под стражей в полиции, без эффективного контроля со стороны национальных судов. Если государство не заявило об отступлении от данного положения на основании статьи 15, под всецелую защиту статьи 5 также подпадают предполагаемые террористы и прочие лица, опасные для государства. Суд заявил, что даже в случае отступления он вправе рассмотреть вопрос о строгой необходимости определённой меры в чрезвычайных обстоятельствах. См. дело **Demir and Others v Turkey (1998 г.)** (пункт 48).

3.4.3 «Правонарушение»

В целях статьи 5(1)(с) «правонарушение» должно быть «определённым и конкретным» (см. дело **Guzzardi v Italy (1980 г.)**, пункт 102). В своём решении по данному делу Суд постановил, что слово «правонарушение» не охватывает в целом меры профилактики преступности, направленные против определённой категории лиц (в данном случае – участников мафии), которые представляют опасность по причине общей склонности к преступной деятельности. Согласно статье 5(1)(с), любой арест производится «с тем, чтобы задержанное лицо предстало перед компетентным юридическим органом». Таким образом, подозрение должно относиться к произведённым в прошлом действиям, которые могут представлять собой определённое уголовное преступление. Само по себе подозрение в намерении совершить правонарушение не может служить основанием обвинений, по которым данное лицо предстанет перед судом, если только его действия при осуществлении намерения не являлись сговором с целью совершения уголовного преступления либо попыткой совершения уголовного преступления. Таким образом, арест по подозрению в намерении совершить правонарушение не соответствует предписанной цели статьи 5(1)(с) и является её нарушением (см. дело **Lawless**, рассмотренное выше).

3.4.4 «Компетентный юридический орган»

Каждый арестованный в соответствии со статьёй 5(1)(с) имеет право предстать перед «компетентным юридическим органом». Значение этих слов равносильно формулировке «судья или иное должностное лицо, наделённое, согласно закону, судебной властью», содержащейся в статье 5(3). Необходимо, чтобы соответствующий суд обладал юрисдикцией для рассмотрения дела, был независим от всех участников судопроизводства и уполномочен выносить имеющие обязательную силу решения об освобождении.

Если допрос подозреваемого, содержащегося в заключении, опровергает обоснованные подозрения, то органы, осуществляющие содержание под стражей, обязаны его освободить. По той причине, что в рамках статьи 5(1)(с) основанием для заключения под стражу служит обоснованное подозрение, в тот момент, когда обоснованное подозрение рассеяно, основание для задержания, первоначально законное, уже таковым не будет. Освобождение задержанного без доставки в компетентный судебный орган отнюдь не значит, что арест или содержание под стражей не имели законной силы. При условии, что лицо задержано в порядке, установленном статьёй 5(1)(с), и освобождено в разумные сроки (см. раздел о статье 5(3) ниже), его задержание не может быть успешно обжаловано на основании статьи 5 (см. дело **Brogan and Others v United Kingdom (1988 г.)**).

Вопросы

1. Каковы правовые основания права производить арест: достаточно ли они чётки (т.е. понятны широкой общественности), точны и ограничены по части сферы применения?
2. Кто обладает правом производить арест? Установлены ли законом обстоятельства, при которых соответствующие органы могут его осуществлять?
3. Предусматривает ли закон адекватное определение «обоснованного подозрения», которое может служить основанием для ареста?
4. Ведётся ли подготовка сотрудников государственных органов, обладающих правом на арест, по части того, как правильно составить обоснованное подозрение, и осуществляется ли при этом надзор?
5. Предусматривает ли закон чёткое указание на то, что арест по обоснованному подозрению должен относиться к определённым и конкретным правонарушениям?
6. Допускают ли арест и задержание допрос или иные следственные действия с целью подтверждения или опровержения подозрения?
7. Предусматривает ли закон немедленное освобождение задержанного лица в случае опровержения обоснованного подозрения, например, в результате допроса и иных следственных действий?

3.5 Заключение под стражу несовершеннолетних лиц – статья 5(1)(d)

Хотя Конвенция не содержит конкретных указаний относительно того, кто именно подпадает под понятие несовершеннолетнего лица, по всей видимости, в свете европейских стандартов несовершеннолетним является любое лицо, не достигшее 18 лет. Статья 5(1)(d) включает в себя две отдельные составляющие. Первая касается «законного постановления для воспитательного надзора», вторая – «заключения под стражу, произведённого с тем, чтобы лицо предстало перед компетентным органом».

Как и в случае прочих исключений, касающихся права на свободу в рамках статьи 5(1), заключение под стражу на основании статьи 5(1)(d) должно обеспечиваться соответствующими гарантиями, которые отвечают психическому, эмоциональному и умственному состоянию ребёнка, такими как доступ к родственникам, содержание в отдельных, надлежащим образом оборудованных учреждениях с соответствующим персоналом, а также поддержка и помощь взрослого в случае необходимости.

3.5.1 Законное постановление для воспитательного надзора

Такие постановления необязательно выдаются судом. Их могут принимать административные органы, наделённые соответствующими полномочиями. Вместе с тем, необходимо, чтобы у несовершеннолетнего лица и его законных представителей была возможность незамедлительно решить вопрос о законности заключения под стражу через суд. Последний должен обладать полномочием освободить задержанного, если заключение под стражу признано незаконным. Несмотря на не вполне точную формулировку данного положения, Суд требует строгих гарантий того, что постановление о помещении под стражу служит воспитательной цели. Заключение ребёнка под стражу допускается лишь в том случае, если его срок непродолжителен, и оно необходимо, чтобы найти место для размещения ребёнка и отправить его в соответствующее воспитательное учреждение.

- Заявитель-ребёнок в деле **Bouamar v Belgium (1988 г.)** страдал тяжёлым расстройством личности. Его несколько раз помещали под стражу на основании закона, допускающего подобное задержание сроком до 15 дней в ожидании перевода в соответствующее воспитательное учреждение, однако такое учреждение сразу найти не удалось. В период продолжительностью 291 день его помещали под стражу девять раз, каждый раз не превышая максимального 15-дневного срока, что в совокупности составило 119 дней. Фактически его так и не отправили в соответствующее воспитательное учреждение и не обеспечили воспитательного надзора на протяжении каждого периода, проведённого под стражей. Суд постановил (см. пункт 50), что «заключение под стражу» в значении статьи 5(1)(d):

«не исключает временное лишение свободы в качестве меры, предвещающей режим воспитательного надзора, без того, чтобы при этом не использовалась какая-либо форма воспитательного надзора. Однако в таких случаях лишение свободы должно в кратчайший срок сменяться указанным режимом в (открытом или закрытом) учреждении, в котором предусмотрены необходимые условия и ресурсы для этой цели».

В данных обстоятельствах Бельгия была обязана создать необходимые учреждения согласно положениям соответствующего закона, которые соответствовали требованиям режима и достижению воспитательных целей, с тем, чтобы удовлетворить требования статьи 5(1)(d) Конвенции.

- Заявитель в деле **D.G. v Ireland (2002 г.)** с двухлетнего возраста находился под опекой местной администрации. После его освобождения из тюрьмы в возрасте 17 лет местные власти решили,

что ему требуется значительная поддержка в реабилитационном учреждении для лиц от 16 до 18 лет. В последующих судебных процессах о наилучшей форме присмотра для заявителя, Высокий суд отметил, что такого учреждения в стране не существует, и распорядился о помещении его под стражу в исправительное учреждение. Подобные постановления выдавались в отношении заявителя трижды, и он провёл в исправительном учреждении около двух месяцев. На протяжении этого времени ему не оказывали ни педагогической, ни терапевтической помощи. Суд постановил, что если для борьбы с подростковой преступностью государство избирает конституционную форму воспитательного надзора, который осуществляется посредством судебных предписаний, то для удовлетворения требований статьи 5(1)(d) оно обязано создать соответствующие учреждения, отвечающие требованиям режима и способствующие достижению воспитательных целей этой системы. Суд отверг довод о том, что заключение заявителя под стражу в исправительное учреждение могло считаться временной мерой, предваряющей незамедлительное помещение заявителя под воспитательный надзор, поскольку этот довод не подкреплялся фактами. Первые два предписания не были обоснованы конкретными предложениями о безопасном режиме воспитательного надзора, а основанием для третьего послужило предложение о предоставлении временного жилья, которое, как выяснилось в ходе дальнейших событий, не было безопасным и подходящим. Таким образом, заключение под стражу в данном случае оказалось несовместимым со статьёй 5(1)(d).

3.5.2 Заключение под стражу несовершеннолетнего лица, с тем чтобы оно предстало перед компетентным юридическим органом

Цель данного положения заключается в том, чтобы помочь властям защитить несовершеннолетнего лицо от вредящей ему обстановки до того, как оно предстанет перед судом, однако не в связи с обвинениями в уголовном преступлении, а, например, до подготовки заключения психиатра. По этой части статьи 5(1)(d) Суд решений пока не выносил. К тому же, она достаточно редко становилась основанием для жалобы в органы Конвенции.

Вопросы

1. Предусмотрено ли наличие надлежащих воспитательных учреждений для несовершеннолетних, которым требуется особый воспитательный надзор?
2. В тех случаях, когда допускается помещение несовершеннолетнего лица под стражу до его перевода в воспитательное учреждение, предусматривает ли закон строгое регулирование сроков такого содержания под стражей? Требуется ли закон, чтобы время, проведённое под стражей, служило достижению воспитательной цели?

Дополнительно можно сделать ссылку на стандарты Конвенции о правах ребёнка, которую подписали все государства-члены Совета Европы, и, в частности, на статьи 28 и 29, относящиеся к образованию, а также статьи 37 и 40, относящиеся к лишению свободы и уголовному праву (см. также «Пекинские правила», касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, принятые резолюцией 40/33 ГА ООН от 29/11/85 г.).

3.6 Заключение под стражу с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг – статья 5(1)(e)

Распоряжение о заключении под стражу в рамках этого положения может быть отдано судом или административным органом. В случаях, когда предписание о заключении под стражу выдаётся административным органом, необходимо, чтобы его законность можно было обжаловать в суде, уполномоченном распорядиться об освобождении (см. статью 5(4)).

Лишение свободы допускается в отношении категории лиц, перечисленных в статье 5(1)(е), с целью медицинского лечения либо по соображениям, продиктованным социальной политикой, или по медицинским и социальным показаниям (см. дело **Litwa v Poland**, приведённое выше, пункт 60).

Кроме того, необходимо наличие связи между основаниями для задержания и местом и условиями содержания под стражей. Например, содержание под стражей лиц, страдающих психическими заболеваниями, по сути, должно служить лечебным целям и отвечать их нуждам; помещение под стражу, цель которого попросту заключается в изоляции таких лиц, например, не соответствует статье 5.

- Заявитель в деле **Aerts v Belgium (1998 г.)** был арестован и помещён под стражу в связи с насильственным преступлением. Бельгийский суд признал, что в момент совершения правонарушения и во время присутствия в суде, он страдал настолько тяжёлым психическим расстройством, что был неспособен контролировать свои действия. Соответственно, суд распорядился о временном помещении заявителя в психиатрическое отделение тюрьмы до вынесения решения психиатрической комиссии о наиболее подходящем для него месте содержания. Два месяца спустя после судебного приказа психиатрическая комиссия решила, что заявителя следует перевести в центр социальной защиты. Эта рекомендация не выполнялась в течение семи месяцев, и всё это время заявитель находился в психиатрическом отделении тюрьмы. Суд постановил, что для соблюдения статьи 5 необходима некоторая связь между основаниями допустимого лишения свободы, на которые опирались в данном случае, и местом и условиями содержания под стражей. Он постановил, что «содержание под стражей» лица в качестве психически больного является «законным» в рамках статьи 5(1)(е) лишь в том случае, если оно осуществляется в больнице, клинике или ином соответствующем учреждении. Из обстоятельств дела было ясно, что психиатрическое отделение тюрьмы лечебным целям не служило. Суд установил факт нарушения статьи 5(1).
- Заявитель в деле **Morsink v Netherlands (2004 г.)** был признан виновным и приговорён к лишению свободы. В силу того, что он значительно отставал в умственном развитии, его приговор предусматривал наказание в виде тюремного заключения в сочетании с предписанием об изоляции в закрытом стационаре («предписание TBS» – о помещении в стационар). Предписание о помещении в стационар вступило в силу по истечении срока тюремного заключения, однако заявителя не перевели в закрытый стационар, а содержали в обычном следственном изоляторе. Суд счёл, что необходимо уравновесить конкурирующие интересы, причём особое значение следует придавать праву заявителя на свободу. Очевидно, что значительная задержка с переводом в закрытый стационар скажется на успешности лечения. В данном случае разумного равновесия найти не удалось. Несмотря на организационную проблему нехватки мест в закрытых стационарах, а также по той причине, что власти в данном случае не были поставлены перед исключительной или непредвиденной ситуацией, помещение заявителя в закрытый стационар с опозданием на пятнадцать месяцев было неприемлемо. Утверждать обратное значило бы серьёзно ослабить основополагающее право на свободу в ущерб данному лицу и, таким образом, нарушить саму сущность права. Соответственно, имело место нарушение статьи 5(1).

Таким образом, ясно, что Конвенция допускает лишение свободы не только в случаях, когда лицо представляет угрозу общественной безопасности, но и тогда, когда его заключение под стражу продиктовано его собственными интересами (см. дело **Guzzardi**, приведённое выше).

Содержание под стражей на основании этого положения должно осуществляться под периодическим пересмотром в целях гарантии того, что оно остаётся обоснованным на протяжении всего срока (см. статью 5(4)). Основание, допускающее помещение под стражу в рамках статьи 5(1)(е), может меняться, например, в случае, когда лечение от алкогольной или наркотической зависимости оказалось успешным и данное лицо более не представляет опасности для самого себя. Необходимо наличие доступной, незамедлительной и эффективной процедуры, позволяющей пересмотреть

законность содержания под стражей в случае, когда подобные изменения обстоятельств могут быть пересмотрены. В случае имеющихся доказательств об изменении обстоятельств, например, когда задержанное лицо более не представляет угрозы для себя и окружающих, то его надлежит немедленно освободить. Содержание под стражей, поначалу законное, перестанет быть таковым, если суд не найдёт оснований, оправдывающих дальнейшее содержание под стражей, и если при этом содержащееся под стражей лицо не пытались освободить либо если процедуры, связанные с освобождением, оказались неоправданно затянутыми. Смотри, например, дело **Brand v Netherlands (2004 г.)**.

3.6.1 Заключение под стражу с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний

Лишь несколько дел поступило в Суд на основании данного положения.

- В 1994 году заявитель в деле **Enhorn v Sweden (2005 г.)** узнал, что заражён вирусом ВИЧ. Он заразил вирусом 19-летнего мужчину, с которым впервые вступил в половую связь в 1990 году. На этом основании медицинский инспектор округа дал заявителю ряд указаний, чтобы предотвратить распространение заболевания, в том числе обязал его несколько раз явиться на приём к окружному медицинскому инспектору. Поскольку заявитель в ряде случаев не явился на приём, окружной медицинский инспектор обратился в суд с просьбой выдать приказ о его принудительной изоляции. Как установил Суд, государство не представило доказательств того, что принудительная изоляция была последней возможной мерой, позволяющей предотвратить распространение заболевания в обстоятельствах, когда рассмотрев вопрос о менее строгих мерах, власти признали их недостаточными для защиты общественных интересов. Было признано, что продлив действие приказа почти до семи лет, власти не нашли справедливого соотношения между необходимостью предотвратить распространение вируса ВИЧ и правом заявителя на свободу, что привело к недобровольной госпитализации заявителя в течение без малого полутора лет; таким образом статья 5(1) была нарушена.

3.6.2 Заключение под стражу душевнобольных

У термина «душевнобольной» нет чёткого определения. На самых ранних этапах своей деятельности Суд заявил в решении по делу **Winterwerp v Netherlands (1979 г.)** (см. пункт 37), что значение этого термина постоянно меняется по мере развития исследований в области психиатрии; методы лечения становятся более гибкими, и меняется отношение общества к душевным заболеваниям. Разумеется, недопустимо заключение под стражу лица по причине несоответствия его взглядов или поведения нормам, преобладающим в данном обществе.

Однако, в решениях по таким делам, как **Winterwerp** и **Varbanov v Bulgaria (2000 г.)** (см. пункт 45) Суд заявил, что для заключения под стражу лица на основании психического заболевания надлежит выполнить три минимальных условия. А именно:

- (i) необходимо «убедительно показать» посредством «объективной медицинской экспертизы» (например, заключения психиатра), что данное лицо является душевнобольным (за исключением неотложных случаев);
- (ii) необходимо, чтобы «характер и тяжесть психического расстройства требовали обязательной изоляции» данного лица;
- (iii) правомерность дальнейшей изоляции зависит от «устойчивости этого расстройства» и требует дополнительного заключения психиатра.

Поскольку лишение свободы – весьма суровая мера, оно может быть оправдано лишь в том случае, когда после рассмотрения вопроса о прочих, менее суровых мерах, они были признаны

недостаточными для защиты интересов данного лица или общества, которые могут потребовать заключения данного лица под стражу (см. **Varbanov**, пункт 46). Таким образом, надлежит доказать, что в данных обстоятельствах заключение под стражу обусловлено необходимостью.

- В деле **Varbanov** прокурор вел расследование по жалобе о том, что заявитель угрожал убить другое лицо. Сотрудник полиции высказал мнение, что в то время заявитель, возможно, страдал психическим заболеванием. Соответственно, прокурор распорядился о заключении заявителя под стражу для прохождения психиатрического освидетельствования. Суд постановил, что заключение под стражу лица, которое считается душевнобольным, не соответствует статье 5(1)(е) Конвенции, если распоряжение о нём отдавалось без предварительного запроса мнения медицинского эксперта. Таким образом, заявитель был помещён под стражу незаконно, поскольку заключение эксперта перед этим не запрашивалось.

В деле **R.L. and M.-J. v France (2004 г.)** непрерывное содержание под стражей одного из заявителей в психиатрическом отделении в период между 4:15 и 10:45 утра объяснялось исключительно тем фактом, что освободить его мог только врач; таким образом, задержание не было обосновано медицинскими показаниями. Соответственно, произошло нарушение статьи 5(1).

- В деле **Kucheruk v Ukraine (2007 г.)** Суд отверг довод государства о том, что содержание заявителя под стражей с 22 июля по 6 августа 2003 года обосновано пунктом 1(е) статьи 5, и что задержка с доставкой в больницу копии судебного постановления об освобождении от 7 июля 2003 года произошла по причине трудностей с сообщением между Коминтерновским судом, больницей и соответствующим отделением милиции. Суд вновь подчеркнул, что административные формальности, связанные с освобождением, не оправдывают задержки более чем на несколько часов, и в этих обстоятельствах дальнейшее содержание заявителя в больнице после постановления суда об отмене принудительного психиатрического лечения не может рассматриваться как первый этап исполнения постановления об освобождении, а значит, не подпадает под действие пункта 1(е) и никаких других пунктов статьи 5.

Значение термина «душевнобольные» постоянно меняется по мере развития психиатрии и отношения к душевным заболеваниям в обществе. Тем не менее, как и в случае любого другого исключения, относящегося к праву на свободу и личную неприкосновенность, заключение под стражу на основании душевной болезни всегда должно толковаться в узком смысле.

- В деле **H.L. v United Kingdom (2004 г.)** заявитель, страдающий аутизмом и в прошлом наносивший себе телесные повреждения, был не в состоянии выразить согласие или несогласие с лечением. С 1994 года после нескольких лет стационарного лечения в отделении интенсивной поведенческой терапии (ОИПТ) он проживал вместе с лицами, которые за плату ухаживали за ним; при этом за его лечение и уход по-прежнему отвечала больница. В июле 1997 года, находясь в центре дневного ухода, он стал наносить себе телесные повреждения. Его доставили в больницу, где его осмотрел психиатр и дал заключение о необходимости стационарного лечения, после чего заявителя перевели в ОИПТ. Второй психиатр решил, что в изоляции на основании закона «О психическом здоровье» 1983 г. необходимости нет, поскольку заявитель был послушен и не оказывал сопротивления при переводе в стационар. Заявителя госпитализировали в качестве «неофициального больного». Рассматривая вопрос о том, был ли заявитель лишён свободы, Суд счёл решающим тот факт, что медицинские работники осуществляли полный и эффективный контроль над его уходом и передвижениями. Ясно, что если бы заявитель попытался покинуть учреждение, то ему бы помешали. Таким образом, конкретная ситуация была такова, что заявитель находился под постоянным надзором и контролем и уйти не мог. Следовательно, он был лишён свободы. В настоящем деле правовым обоснованием для заключения заявителя под стражу по внутригосударственному праву явно послужил детерминизм (доктрина) в рамках общего права, которая при применении в сфере психиатрии предусматривает минимальные

условия для законного заключения под стражу душевнобольных лиц. Суд признал верность того, что в рассматриваемое время доктрина всё ещё развивалась, однако не был убеждён в том, мог ли заявитель обоснованно предвидеть своё заключение под стражу на этом основании. Суд был удивлён отсутствием каких-либо установленных процессуальных норм, регулирующих изоляцию недееспособных и не оказывающих сопротивления лиц, при наличии обширной системы гарантий, применимых в случаях *принудительной* изоляции. В отсутствие процессуальных гарантий заявитель не был защищён от произвольного лишения свободы на основании необходимости, и таким образом, имело место нарушение статьи 5(1).

Ясно, что лица, страдающие психическим заболеванием, способны выздороветь – в полной или значительной мере, таким образом, они становятся неопасны или менее опасны как для общества, так и для самих себя. Когда вопрос о содержании под стражей рассматривается в суде, и медицинский эксперт заявляет, что психическое расстройство, служившее основанием для изоляции лица, больше не существует, учреждение, в котором удерживается больной, должно его отпустить. Тем не менее, Суд заявил, что это не требует немедленного и безоговорочного возвращения лица в общество.

- Рассмотрев дело **Johnson v United Kingdom (1997 г.)**, Суд постановил, что ответственный орган вправе по собственному усмотрению решить вопрос о том, уместно ли в свете всех относящихся к делу обстоятельств и интересов распорядиться о незамедлительном и полном освобождении лица, более не страдающего психическим расстройством, которое послужило причиной его изоляции. Необходимо, чтобы данный орган мог наблюдать за адаптацией лица по его возвращении в общество. Для этой цели необходимо, чтобы данный орган при освобождении мог поставить определённые условия. Определённое условие может в отдельных случаях обосновать отсрочку освобождения из-под стражи с учётом характера данного условия и причины его наложения. Тем не менее, требуется наличие необходимых гарантий, обеспечивающих, что любая отсрочка освобождения соответствует целям статьи 5(1) и статьи 5(1)(e), в частности, в том, что освобождение отсрочено на разумный срок.
- В деле **Kolanis v United Kingdom (2005 г.)** национальный судебный орган постановил, что заявительница подлежит освобождению на определённых условиях, хотя она по-прежнему страдала шизофренией и нуждалась в лечении и медицинском надзоре для контроля заболевания. В постановлении указывалось, что она подлежит освобождению лишь в том случае, если ей обеспечат непрерывное лечение и надзор, необходимые для охраны её здоровья и безопасности общества. Ответственный орган отказался её освободить, поскольку по месту её проживания не было возможности обеспечивать необходимые ей уход и поддержку. По утверждению заявительницы, она, по сути, находилась в том же положении, что и заявитель в деле **Johnson**, то есть её освобождение было неоправданно отсрочено. Суд постановил, что в отсутствие лечения её содержание под стражей остаётся необходимым и уместным. Суд заявил, что поскольку лечение, необходимое для условного освобождения, не обеспечено, власти не обязаны освобождать заявительницу.

3.6.3 Алкоголики

В целях статьи 5 значение термина «алкоголики» не подразумевает лишь лиц, страдающих алкогольной зависимостью. Оно охватывает людей, которым не поставлен диагноз «алкоголизм», но чьё поведение и действия в состоянии алкогольного опьянения представляют угрозу общественному порядку или же им самим (см. дело **Litwa v Poland**, приведённое выше). Тем не менее, это не значит, что полиция вправе задерживать любого человека исключительно на основании алкогольного опьянения. Решающим фактором в данном случае является угроза, которую представляет этот человек в состоянии алкогольного опьянения.

3.6.4 Бродяги

Значение термина «бродяга» рассматривалось в деле **De Wilde, Ooms and Versyp (“Vagrancy”) v Belgium (1971 г.)**. В данном случае Суд признал, что его определение во внутригосударственном праве соответствовало значению, предусмотренному статьёй 5(1)(e), а именно – лица, не имеющие постоянного места жительства, средств к существованию и определённого занятия или профессии.

- В деле **Guzzardi v Italy (1980 г.)** государство-ответчик привело довод в пользу заключения заявителя под стражу, *между прочим*, на том основании, что он являлся бродягой. По утверждению государства-ответчика, будучи членом мафии, заявитель являлся бродягой в широком смысле слова, а именно – состоятельным бродягой, на том основании, что у него не было определённого источника дохода. Суд заявил, что слово бродяга требует узкого толкования, и отверг доводы государства.

3.6.5 Запрещение дискриминации

В рамках статьи 14 Конвенции обязательство защищать права без какой бы то ни было дискриминации распространяется на все права, закреплённые в Конвенции (см. также Протокол №12). Тем не менее, стоит обратить внимание на реальный риск того, что власти государств могут санкционировать заключение под стражу, не руководствуясь основаниями предусмотренными статьёй 5(1)(e), а стереотипными предположениями, например, о том, что каждое лицо в состоянии алкогольного опьянения опасно для окружающих, либо что больные СПИДом представляют угрозу для населения и подлежат заключению под стражу. Закон и практика должны гарантировать, что каждый отдельный случай рассматривается по существу, и что опасность, которую представляют люди для самих себя или для окружающих, оценивается на основании медицинских или иных беспристрастных критериев, нежели на основании предрассудков или страха.

Вопросы

1. Предусматривают ли нормы внутригосударственного права заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также помещение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг?
2. Если да, то соответствуют ли значения терминов «алкоголики» и «бродяги» значениям, принятым в Конвенции?
3. Ограничиваются ли требования к заключению под стражу угрозой вреда себе или окружающим, и чётко ли они определены правовыми нормами?
4. Предусматривает ли закон, что решение о заключении под стражу принимается специалистами, имеющими соответствующую квалификацию, или по их рекомендации?
5. Предусмотрено ли требование к государственным властям в каждом отдельном случае рассматривать вопрос о менее суровых мерах, которых может быть достаточно для защиты интересов данного лица или общественности?
6. Существует ли система, предусматривающая регулярный пересмотр законности содержания под стражей с учётом изменения ситуации заявителя? (См. также раздел о статье 5(4) ниже).
7. В случаях, когда распоряжение о заключении под стражу отдаётся административным органом, можно ли обратиться в суд с тем, чтобы обжаловать его законность? (См. также раздел о статье 5(4) ниже).
8. Допускает ли закон освобождение лиц, которые когда-то считались «душевнобольными», в порядке условного возвращения в общество?

3.7 Заключение под стражу лиц, ожидающих высылки или выдачи – статья 5(1)(f)

Заключение под стражу на этом основании допускается только в двух случаях: арест или заключение под стражу с целью предотвращения незаконного въезда лица на территорию страны либо арест или заключение под стражу лица, в отношении которого принимаются меры по его высылке или выдаче. Не допускается заключение под стражу в качестве наказания за несоблюдение правил въезда в страну до или после прибытия (если только их несоблюдение является уголовным преступлением, предусматривающим лишение свободы, или правонарушением гражданскими действиями: в этом случае, скорее всего, применимы статьи 5(1)(a), (b) и (c)) с целью предотвращения нежелательных действий, не являющихся преступными, либо в качестве меры, сдерживающей потенциальных иммигрантов.

Существует реальный риск, что решения о заключении под стражу иммигрантов могут приниматься на дискриминирующем основании в нарушение статьи 14. Необходимо соблюдать постоянную бдительность, чтобы гарантировать, что распоряжение о заключении под стражу отдаётся лишь с учётом прошлого и поведения лица, нежели из-за отношения к его расе, полу, национальному происхождению, этнической принадлежности, религии и прочему. Кроме того, стоит вновь подчеркнуть, что, согласно статье 1, действие Конвенции также распространяется на граждан государств, не являющихся участниками Конвенции, которые находятся на территории, подпадающей под юрисдикцию государства-участника. Лица «в пределах юрисдикции» вправе рассчитывать на всецелую защиту Конвенции.

Как и в случае прочих подпунктов статьи 5(1), статья 5(1)(f) требует наличия некоторой связи между допустимыми основаниями лишения свободы и местом и условиями содержания под стражей. Поэтому особого внимания требуют обстоятельства, при которых в рамках статьи 5(1)(f) помещаются под стражу дети и другие уязвимые лица.

- В деле **Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v Belgium (2006 г.)** пятилетнюю конголезскую девочку по прибытии в брюссельский аэропорт поместили под стражу в транзитном центре. Суд установил факт нарушения статьи 5(1)(f), поскольку ребёнка поместили под стражу в закрытом центре для нелегальных мигрантов вместе с взрослыми. Ей не обеспечили соответствующих условий содержания с учётом крайне уязвимого положения, в котором она оказалась как несопровождаемый несовершеннолетний иностранец.

3.7.1 Арест или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну

Значение термина «незаконный въезд» может вызвать ряд вопросов.

- В деле **Saadi v United Kingdom (2006 г.)** заявитель из Ирака попросил убежища по прибытии в аэропорт Хитроу и получил разрешение на временный въезд в страну. Несколько дней спустя, явившись в иммиграционные органы, он был заключён под стражу и отправлен в приёмник-распределитель для просителей убежища, не скрывающихся от властей, где их прошения могут быть рассмотрены в порядке «ускоренной» процедуры. Заявитель утверждал, что заключение под стражу лица, не представляющего угрозы с точки зрения иммиграционного контроля, исключительно с целью ускорить решение относительно его въезда в страну, не служило «предотвращению» незаконного въезда, а значит, противоречило статье 5(1)(f). Хотя заявитель ходатайствовал о предоставлении убежища, поначалу получив временное разрешение на въезд в страну, и находился на свободе в течение трёх дней, Суд постановил, что цель помещения его под стражу в приёмнике-распределителе заключалась в предотвращении «незаконного въезда»,

поскольку при отсутствии официального разрешения его въезд в страну не был «законным». Единственным требованием согласно статье 5(1)(f), обосновывающим заключение под стражу в подобных обстоятельствах, является его применение в рамках подлинной процедуры по решению вопроса о предоставлении лицу разрешения на въезд или убежище. Кроме того, заключение под стражу в данных обстоятельствах не должно быть произвольным. Таким образом, содержание заявителя под стражей в приёмнике-распределителе было признано *добросовестным* применением политики «ускоренных» решений по иммиграционным делам.

3.7.2 Арест или заключение под стражу лица, подлежащего высылке или выдаче

При рассмотрении дел о высылке или выдаче Суд учитывает все обстоятельства процедуры. Он нередко критиковал власти государств за произвольные действия (см., например, дело **Bozano v France**, приведённое ниже). В данном случае недостаточно одного *намерения* соблюсти все юридические формы и процедуры. Для того чтобы соответствовать объективным стандартам и требованиям Конвенции, процедуры должны быть эффективными по части характера и применения. Суд анализирует как последствия любого предписания о высылке или выдаче, так и связанные с ним обстоятельства.

- В деле **Quinn v France (1995 г.)** суд распорядился о немедленном освобождении заявителя из-под стражи, задержанного в связи с уголовным преследованием. Освобождение заявителя задержалось на 11 часов до начала процедуры высылки; по истечении этого времени его освободили, а затем сразу же повторно заключили под стражу в связи с высылкой. Европейский Суд признал 11-часовую задержку с освобождением незаконной, поскольку её нельзя рассматривать как законное содержание под стражей подлежащего высылке лица.
- В деле **Bozano v France (1986 г.)** французские власти отклонили запрос о выдаче. В отношении заявителя был выдан приказ о высылке, однако исполнен лишь месяц спустя, в ночное время, несмотря на то, что власти знали о местонахождении заявителя. Его доставили на границу со Швейцарией, после чего швейцарские власти выдали его Италии. Позже французский суд признал «высылку» заявителя незаконной выдачей. Европейский Суд пришёл к выводу, что высылка представляла собой скрытую форму выдачи и потому являлась произвольной и незаконной согласно значению статьи 5(1)(f).

Что касается второго положения статьи 5(1)(f), оно не требует, чтобы заключение под стражу было обоснованно «необходимым», например, для предотвращения совершения правонарушения либо для предотвращения побега лица (см. дело **Chahal v United Kingdom (1996 г.)**). В данном случае необходимым условием служит лишь то, чтобы данное лицо «подлежало высылке или выдаче».

Властям государств не разрешается использовать уловки, чтобы добиться высылки просителей убежища, которые получили отказ по своим прошениям о предоставлении статуса беженца.

- Заявители в деле **Conka v Belgium (2002 г.)**, как и множество других просивших убежища цыган, получили неудовлетворительное решение по своим ходатайствам о предоставлении статуса беженца. Им неоднократно приказывали покинуть территорию страны, и они превысили разрешённый срок пребывания. Им направили письма с просьбой явиться в полицейский участок. Предлогом для явки послужила необходимость оформить их дела о прошении убежища. Когда заявители и другие семьи цыган прибыли в полицейский участок, им вручили распоряжения о выезде с территории страны, которые сопровождалось решением об их высылке в Словакию и заключении их под стражу с этой целью. Соответственно, они были выдворены, проведя некоторый срок под стражей. Суд вновь подчеркнул, что статья 5(1)(f) требует лишь того, чтобы «задержание производилось с целью высылки» данных лиц из страны. Она не требует рассматривать вопрос о том, обоснована ли необходимость заключения под стражу лица, подлежащего высылке. Вместе с тем, Суд отметил, что цель статьи 5 заключается в защите лиц от

произвола. Он постановил, что действия властей, стремившихся завоевать доверие просителей убежища с целью ареста и последующей высылки можно признать противоречащими общим принципам, изложенным или подразумеваемым в Конвенции. Следовательно, даже в отношении лиц, превысивших разрешённый срок пребывания в стране, сознательное решение властей облегчить проведение спланированной операции по высылке иностранцев или повысить её эффективность путем введения их в заблуждение относительно цели повестки, с тем, чтобы лишить их свободы, несовместимо со статьёй 5.

Дело **Gebremedhin [Gaberamadhien] v France (2007 г.)** касалось гражданина Эритреи, которого в июле 2005 года удерживали в «зоне ожидания» в парижском аэропорту Шарль-де-Голль. 15 июля Европейский Суд указал государству (в соответствии с правилом 39 Регламента Суда), что в целях соблюдения интересов всех сторон и надлежащего рассмотрения дела в Суде властям желательно воздержаться от высылки заявителя в Эритрею до 30 августа 2005 года. Таким образом, начиная с этой даты государство было не вправе выдворить заявителя в Эритрею, не нарушая своих обязательств в рамках Конвенции. Однако, ничто не мешало властям выслать его в любую другую страну при условии, что власти той страны не отправят его в страну, указанную Судом. Соответственно, Суд установил, что заключение заявителя под стражу с этой целью (как следствие применения Правила 39) равносильно «законному» заключению под стражу лица, «подлежащего высылке или выдаче», в значении статьи 5(1)(f).

Хотя статьёй 5(1)(f) не установлен определённый срок содержания под стражей, Суд постановил, что процедуры высылки или выдачи должны осуществляться добросовестно. По причине задержек в ходе процесса выдачи заключение под стражу до выдачи может утратить законность. Решая вопрос о том, осуществляется ли процесс выдачи в разумные сроки, необходимо учитывать сложность случая, действия заявителя и властей государства, а также факты, указывающие на возможный произвол.

- Рассмотрев дело **Kolompar v Belgium (1992 г.)**, Суд пришёл к выводу об отсутствии нарушения статьи 5(1)(f). Заявитель провёл под стражей до выдачи необычно длительный срок (2 года и 8 месяцев), однако задержки с его выдачей, по большей части, были вызваны его же действиями. Заявитель многократно направлял прошения, одно за другим, требуя приостановить исполнение приказа о выдаче.
- В деле **Quinn v France (1995 г.)** почти двухлетний срок содержания под стражей до выдачи был признан чрезмерным. Суд отметил, что на различных этапах процесса выдачи задержки оказались настолько длительными, что процедура в совокупности оказалась чрезмерно затянутой.
- В деле **Chahal v United Kingdom (1996 г.)** заключение под стражу предполагаемого террориста, подлежащего высылке, длилось 3 года и без малого 7 месяцев. Заявитель опасался, что его заставят вернуться в Индию, где, по его утверждениям, он подвергался пыткам. Суд отметил, что в данном деле играют роль соображения крайне серьёзного и весомого характера. Он заявил, что суды действовали добросовестно, и при этом соблюдались необходимые гарантии защиты от произвола. Соответственно, срок, проведённый под стражей, не был чрезмерно продолжительным.
- В деле **Bordovskiy v Russia (2005 г.)**, заявитель утверждал, что закон о выдаче (на основании которого он был заключён под стражу) был слишком неточным и не отвечал требованию о «качестве». Тем не менее, Суд отметил, что жалоба заявителя сводилась к существенной заинтересованности избежать бессрочного пребывания под стражей до выдачи. В данном случае Суд счёл, что четырёхмесячный срок содержания под стражей в России не был чрезмерно продолжительным; кроме того не было причин полагать, что российские власти действовали недобросовестно.

Вопросы

1. Предусматривают ли нормы внутригосударственного права гарантии того, что заключение под стражу подлежащих высылке лиц допустимо лишь в качестве меры предотвращения незаконного въезда в страну либо в целях высылки?
2. Гарантируют ли нормы внутригосударственного права и практика, что заключение под стражу согласно статье 5(1)(f) неприменимо в качестве меры наказания?
3. Существуют ли процедуры, гарантирующие, что срок содержания под стражей подлежащих высылке лиц сводится к минимуму?
4. Существуют ли правовые нормы, гарантирующие, что решения о заключении под стражу подлежащих высылке лиц не принимаются в дискриминирующем порядке?
5. Ведётся ли подготовка сотрудников государственных органов, обеспечивающая, что решения о заключении под стражу не принимаются на основании дискриминирующих критериев?
6. Существуют ли процедуры, направленные на предотвращение произвола?

4 ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ

4.1 Незамедлительное сообщение лицу на понятном ему языке причин его ареста и любого предъявляемого ему обвинения – статья 5(2)

4.1.1 Арест и предъявление обвинений

Обязательство незамедлительно сообщать о причинах ареста действует в отношении любого из оснований для заключения под стражу согласно статье 5(1), а не только в случаях заключения под стражу при производстве по уголовным делам. Слово «арест» здесь имеет самостоятельное значение; оно «выходит за рамки области применения мер в уголовном праве» (см., в частности, дело **van der Leer v Netherlands (1990 г.)**, пункт 27) и относится к моменту, когда лицо явно больше не находится на свободе. Слово «обвинение» действительно относится к сфере уголовного права, но является лишь одним из многих случаев, предусмотренных данным разделом статьи (см. дело **van der Leer**). Статья 5(2) представляет собой элементарную гарантию, предусматривающую, что любое заключённое под стражу лицо вправе в кратчайшие сроки предпринять шаги для обжалования законности его содержания под стражей.

- Заявительница в деле **van der Leer** поначалу являлась добровольным пациентом в психиатрической больнице. Позже она содержалась под стражей в принудительном порядке, но ей об этом не сообщили. Она узнала о принудительном заключении под стражу лишь случайно, 10 дней спустя после выдачи соответствующего постановления, когда ее изолировали. Суд заявил, что слово «арест» требует самостоятельного толкования в целях защиты от произвольного лишения свободы. Он постановил, что заявительница имела право получить информацию о причинах заключения под стражу в принудительном порядке.

4.1.2 Понятный язык

Данная формулировка подразумевает не только язык в значении речи, но и способ сообщения информации. Информация должна предоставляться на простом, а не на техническом языке, с подробным изложением юридических и формальных причин ареста или заключения под стражу, с тем, чтобы задержанное лицо могло при желании обратиться в суд с целью опротестования законности содержания под стражей согласно статье 5(4). Информации, изложенной на непонятном юридическом жаргоне в этом случае недостаточно (см. дело **van der Leer**).

Предоставленная информация необязательно должна дословно либо в письменном виде сообщать основания для ареста, если в том виде, в котором она доступна, её достаточно для вышеупомянутых целей. Что касается использования устного или письменного перевода, не обязательно предоставлять информацию на родном языке задержанного. Вместе с тем, перевод должен гарантировать, что задержанное лицо в достаточной мере понимает причины заключения под стражу, чтобы иметь возможность их опротестовать. При этом нет необходимости в том, чтобы информация предоставлялась в письменной форме, а также в особом уведомлении задержанного, если предоставленная ему информация эффективна по части того, что задержанное лицо в достаточной мере понимает причины заключения под стражу, чтобы обжаловать его законность.

4.1.3 Незамедлительно

«Незамедлительность» не требует *немедленного* предоставления информации. Скорее, она допускает определённую степень гибкости, что позволяет взять в расчёт обстоятельства в каждом отдельном случае. Например, если информацию предоставить невозможно, поскольку задержанный оказывает сопротивление, возможно, есть смысл подождать, пока он успокоится и будет готов воспринять

информацию. Случается, к примеру, что когда человека просят предъявить удостоверение личности, он показывает поддельные документы: этот факт сам по себе может послужить достаточным основанием для задержки в предоставлении информации с учётом преступного и умышленного характера данного действия (см., например, дело **Dikme v Turkey (2000 г.)**). Каждый отдельный случай необходимо рассматривать по существу фактов, принимая во внимание его особенности.

- В деле **Conka v Belgium (2002 г.)** заявителей, просивших убежища в Бельгии наряду с другими лицами цыганского происхождения, попросили явиться в полицейский участок. По прибытии им вручили распоряжения о высылке и заключении под стражу. При этом прибегали к помощи устного переводчика. Суд постановил, что это соответствовало статье 5(2).
- В деле **Saadi v United Kingdom (2006 г.)** 76-часовое запоздание с уведомлением просителя убежища о причинах его заключения под стражу в приёмнике-распределителе было признано нарушением статьи 5(2).

Однако, в делах, касающихся следствий по делам предполагаемых террористов, Суд постановил, что поначалу допустимо сообщать сведения об общем характере обвинения, а позже предоставлять более подробную информацию, например, в ходе допроса.

- В деле **Fox, Campbell and Hartley v United Kingdom (1990 г.)** заявителям сообщили, что их арестовывают по подозрению в террористической деятельности. Суд заявил, что эта информация сама по себе была недостаточной согласно целям статьи 5(2). Однако, Суд отметил, что в течение 3 и 4 часов после ареста заявителей допросили о конкретных террористических преступлениях. Суд признал, что таким образом им предоставили адекватную информацию, в достаточной мере выполнив условие незамедлительности.
- В деле **Margaret Murray v United Kingdom (1994 г.)** полиция подозревала заявительницу в причастности к сбору средств для Ирландской республиканской армии (ИРА). Тем не менее, при аресте заявительнице сообщили лишь то, что её арестовали по «статье 14». В момент ареста никакой другой информации ей не предоставили. Суд постановил, что эта информация сама по себе была недостаточной согласно целям статьи 5(2). Вместе с тем, Суд установил, что из вопросов, заданных ей в ходе допроса в полиции в течение часа после ареста, скорее всего, стало очевидно, что её задержали по подозрению в сборе средств для ИРА. Эта информация была достаточной и предоставленной «незамедлительно» в целях статьи 5(2).

Тем не менее, дела о терроризме следует рассматривать как крайние примеры в правовом спектре. В делах, связанных с «общеуголовными» преступлениями или психическим здоровьем и т.д., арестованным и заключённым под стражу следует сообщать немедленно либо как только это практически возможно, на понятном им языке, причины ареста или помещения под стражу.

Вопросы

1. Предусматривают ли нормы внутригосударственного права автоматические процедуры, требующие своевременно сообщать информацию лицам, заключённым под стражу на любом из оснований, допустимых статьёй 5?
2. Допускают ли нормы внутригосударственного права и практика устный перевод в случае необходимости?
3. Предусматривают ли нормы внутригосударственного права конкретные положения, касающиеся заключения под стражу террористов? Если да, то имеют ли право предполагаемые террористы на то, чтобы им своевременно сообщали о причинах ареста, с учётом особой угрозы, которую представляет терроризм?
4. Проходят ли сотрудники государственных органов подготовку по части процедур сообщения о причинах ареста?

4.2 Право быть незамедлительно доставленным к судье или иному должностному лицу, наделенному законной судебной властью, и на судебное разбирательство или освобождение в течение разумного срока – статья 5(3)

4.2.1 Природа права

На первый взгляд кажется, что в соответствии с формулировкой данного права, перед властями той или иной страны стоит выбор между назначением судебного разбирательства в разумный срок или освобождением. Однако это не так, о чем свидетельствует статья 6(1), гласящая, что *каждый* имеет право на рассмотрение дела в разумный срок (т.е. независимо от того, взят он под стражу или нет). Цель данного положения – не допустить, чтобы человек оставался под стражей до вынесения приговора дольше разумного срока (см., например, дело **Wemhoff v Germany (1968 г.)** пар. 4 и 5). Для правильного понимания статьи 5(3) необходимо помнить, что в ней, прежде всего, содержится гарантия физической свободы. Как указал Суд в деле **Neumeister v Austria (1968 г.)** (в пар. 4), целью статьи 5(3) является требование условного освобождения подсудимого, в случае если продолжительность его/ее заключения превышает разумные сроки. Вопрос о праве на беспристрастное судебное разбирательство рассматривается в статье 6.

Согласно Статье 5(3), властям страны предстоит решить две задачи. Прежде всего, они обязаны в каждом отдельном случае убедиться в необходимости взятия лица под стражу на той или иной стадии досудебного разбирательства. Кроме того, следствие должно вестись с надлежащим усердием, чтобы обвиняемому не пришлось находиться под стражей в ожидании суда дольше положенного срока. В деле **Wemhoff** (пар. 17) Суд заявил о том, что, находясь под стражей, обвиняемый имеет право на приоритет своего дела и его проведение с особой оперативностью.

4.2.2 Автоматическое применение права в соответствии с его природой

Данное положение предоставляет лицам, задержанным в связи с уголовным преследованием, согласно статье 5(1)(с) особую гарантию, а именно автоматическое судебное разбирательство, призванное не допустить произвольного лишения свободы и обеспечить минимальный срок предварительного заключения. Цель статьи 5(3) была сформулирована в ходе разбирательства по делу **Duinhof and Duijf v Netherlands (1984 г.)**, когда Суд решил (пар. 36), что она «призвана обеспечить незамедлительный и автоматический судебный контроль над полицейским или административным задержанием» и, что судье или иному судебному должностному лицу «надлежит непосредственно выслушать задержанного и принять соответствующее решение».

Данный подпункт требует «незамедлительного» рассмотрения обстоятельств первоначального ареста и заключения под стражу, а также периодического пересмотра законности задержания на любом этапе досудебного разбирательства, в чем нам предстоит убедиться далее. В ходе каждого подобного расследования судья или иное лицо, уполномоченное законом, должны рассмотреть все факты, препятствующие освобождению лица под залог до суда. Позиция Суда заключается в том, что обвиняемый в совершении уголовного преступления может находиться под стражей в период досудебного разбирательства, только если для этого имеются веские основания. Вопрос о непрерывном содержании лица под стражей должен регулярно рассматриваться до назначенной даты судебного слушания.

Следовательно, статья 5(3) нарушается всякий раз, когда внутригосударственные законы автоматически лишают определенную категорию обвиняемых права на освобождение под залог без предварительного рассмотрения конкретных обстоятельств дела в суде (см. напр., обсуждаемое ниже дело **Pijkov v Bulgaria (2001 г.)**, а также дело **Boicenco v Moldova (2006 г.)**).

Статья 5(3) требует не только незамедлительного расследования оснований для задержания сразу после ареста, но и последующего периодического пересмотра этих оснований (см. дело **Neumeister** в пар. 4). Однако Суд не определил, с какой частотностью должен происходить такой автоматический пересмотр. Нередко в связи с расследованием дел, подпадающих под статью 5(3), возникают вопросы, касающиеся права оспаривать законность содержания лица под стражей в соответствии со статьей 5(4).

Применение данного права не зависит от каких-либо активных действий со стороны задержанного. Следить за его соблюдением – обязанность государства. Таким образом, эта процедура должна стать автоматической (см. дело **Niedbala v Poland (2000 г.)** в пар. 50). В ходе подобных расследований на государство ложится ответственность за установление веских оснований для содержания лица под стражей. В противном случае, задержанный должен быть освобожден под залог.

4.2.3 Требование незамедлительности

Суд предпочел не устанавливать максимальных временных рамок. Более того, он указал, что понятие незамедлительности предполагает определенную, хотя и ограниченную гибкость. В некоторых случаях, по заявлению Суда, определенные сроки оказались несовместимыми с понятием незамедлительности в контексте борьбы с терроризмом (напр. дело **Brogan** – см. ниже).

- В деле **Brogan and Others v United Kingdom (1988 г.)** заявители были арестованы и взяты под стражу по подозрению в террористической деятельности. Все они были освобождены без предъявления обвинения по истечении от 4 дней и 6 часов до 6 дней и 16 часов. Суд признал, что борьба с терроризмом сопряжена с особыми трудностями. Однако, учитывая основное назначение статьи 5 – предотвращение произвольного содержания под стражей – даже четыре дня и шесть часов оказались превышением периода времени, предполагаемого понятием «незамедлительность». Суд пришел к заключению, что указанным лицам было отказано в незамедлительном освобождении, и потому имело место нарушение статьи 5(3).

Итак, очевидно, что в отношении длительности предварительного заключения арестованных по подозрению в террористической деятельности, срок в 4 дня и 6 часов без доставления к судье или освобождения, несовместим с понятием незамедлительности. В других делах (не связанных с терроризмом) сроки задержания в 5 дней (**Koster v Netherlands (1991 г.)**) – (см. ниже) и шесть дней (**De Jong, Baljet and van den Brink v Netherlands (1984 г.)**) – (см. ниже) были признаны нарушением требования незамедлительности согласно статье 5(3).

Во многих делах, где речь идет о терроризме, заинтересованное Государство заявляет о наличии чрезвычайной ситуации согласно статье 15, тем самым частично отменяя действие статьи 5. В таких обстоятельствах Суд, тем не менее, требует фактического обоснования продолжительных сроков предварительного заключения, установленных в каждом отдельном случае. Если Государство-ответчик неспособно представить доказательства необходимости продления сроков заключения, Суд усматривает в его действиях нарушение статьи 5(3).

- Так в деле **Aksoy v Turkey (1996 г.)** заявитель был арестован и взят под стражу в связи с его предполагаемой причастностью к террористической деятельности. Он содержался под стражей в течение 14 дней, после чего был освобожден без предъявления обвинения. На протяжении всего этого времени он подвергался пыткам. Правительство, ссылаясь на отступление от выполнения обязательств по статье 5, отрицало факт ее нарушения. Однако Суд счел себя уполномоченным решать, были ли принятые Государством меры вызваны «строгой необходимостью» в условиях кризиса. В данном случае, принимая во внимание чрезвычайную ситуацию на юго-востоке Турции, а также тот факт, что расследование преступлений, связанных с терроризмом, представляет особую трудность для властей, Суд, тем не менее, отказался признать

необходимость содержания подозреваемого под стражей в течение четырнадцати дней без судебного вмешательства. Суд счел такой срок необоснованно долгим и указал, что его продолжительность стала причиной, по которой заявитель был уязвимым не только в отношении произвольного вмешательства в его право на личную свободу, но и в отношении пыток. Кроме того, Государство не сумело предоставить Суду подробных обоснований того, каким образом борьба с терроризмом на юго-востоке Турции помешала проведению судебного вмешательства. Суд также постановил, что, находясь под стражей, заявитель был лишен соответствующей правовой защиты, в результате чего оказался полностью во власти людей, державших его в заключении. См. также дело **Demir and Others v Turkey (1998 г.)**.

В прецедентном праве не существует положения, устанавливающего максимальный период содержания под стражей между арестом и первой возможностью предстать перед судьей или иным уполномоченным лицом. Однако Суд считает необходимым исследовать все обстоятельства каждого отдельного дела. В тех случаях, когда арест и взятие обвиняемого под стражу затруднены особыми обстоятельствами (напр., большим числом обвиняемых, срочной необходимостью закрепления доказательств по делу до их уничтожения и т.д.), а также, если арест производится в сельской местности, вдали от ближайшего полицейского участка, период времени между арестом и возможностью предстать перед судьей может быть более продолжительным, чем в обычных обстоятельствах. В любом случае в определении понятия «незамедлительный» всегда присутствует некая гибкость.

Очень важно повторить, что, как и в случае с подпунктами статьи 5(1), содержание под стражей согласно статье 5(1)(с) должно быть законным и осуществляться в установленном законом порядке. Необходимо помнить, что выражения «законность» и «в установленном законом порядке» относятся к внутригосударственному законодательству, несоблюдение которого влечет за собой нарушение статьи 5(1)(с). Посему, если в соответствии с внутригосударственным законодательством, лица, задержанные по подозрению в совершении уголовного преступления, должны предстать перед судом не позднее определенного срока, например, 24 часа, несоблюдение данного требования считается нарушением статьи 5(1)(с), несмотря на то, что в отдельных случаях Конвенция может допускать более долгий срок предварительного заключения.

Что касается оценки законности заключения национальным судом, в деле **McKay v United Kingdom (2006 г.)** Суд пояснил:

«Желая обеспечить практическое и эффективное соблюдение данного права, а не теоретическое и иллюзорное, Суд не только предлагает, но и настоятельно рекомендует в попытке максимально уменьшить задержку, чтобы судебное должностное лицо, давшее предварительную оценку законности и обоснованности задержания, было также уполномочено рассмотреть возможность освобождения под залог. Однако это не является требованием Конвенции, и решение этих вопросов в установленные сроки вполне может быть поручено двум судебным должностным лицам».

Незамедлительные действия могут означать необходимость проведения судебных заседаний в выходные дни, в ночное время или во время государственных праздников.

- В деле **Koster v Netherlands (1991 г.)** заявитель, солдат, проходивший обязательную военную службу, был арестован и взят под стражу за отказ получить форму и оружие. Он был задержан в среду и провел в заключении пять дней, прежде чем предстал перед военным судом в следующий понедельник. Объясняя причины такой задержки, правительство заявило, что в выходные члены военного суда были заняты на проводимых раз в два года крупномасштабных учениях. Суд не счел военные учения достаточно веской причиной для приостановки судопроизводства. Учения проходили регулярно и были намечены заранее, так что не могли помешать военному

руководству обеспечить незамедлительное проведение судебного заседания согласно требованиям Конвенции, в случае необходимости – в субботу или воскресенье. Даже принимая во внимание особые условия армейской жизни и отправления военного правосудия, следует признать, что задержка судебного разбирательства по делу заявителя явилась нарушением требования незамедлительности, установленного в статье 5(3).

В попытке оправдания подобных задержек Государство не может ссылаться на недостаток судей или судов. Власти страны обязаны предоставить все необходимые ресурсы, чтобы обеспечить эффективное соблюдение статьи 5.

4.2.4 «Судья или иное должностное лицо, наделенное законной судебной властью»

Выражение «другое должностное лицо, наделенное законной властью» соответствует понятию «компетентный юридический орган» в статье 5(1)(с). Таким образом, суд должен быть независимым и беспристрастным, уполномоченным выносить имеющие обязательную силу решения об освобождении (см. цитируемое выше дело **Ireland v United Kingdom (1978 г.)**).

- В деле **Schiesser v Switzerland (1979 г.)** Суд постановил, что, согласно процессуальным требованиям, судья или «должностное лицо» обязаны лично выслушать показания обвиняемого. Иными словами, судебное заседание должно проводиться в непосредственном присутствии задержанного. В обязанности судьи или «другого должностного лица» входит исследование всех факторов, указывающих на необходимость заключения или отсутствие таковой, а также установление законных оснований для дальнейшего нахождения обвиняемого под стражей. В отсутствие таких оснований должно быть принято решение об освобождении.
- В деле **De Jong, Baljet and Van den Brink v Netherlands (1984 г.)** новобранцы, призванные на военную службу, отказались выполнить приказы, противоречащие их убеждениям. Они были арестованы за нарушение военной дисциплины, а их дело передано «военному аудитору». Последний имел полномочия рекомендовать дело для передачи в суд, но был не вправе вынести приказ об освобождении. Кроме того, он не обладал необходимой независимостью в принятии решений, поскольку мог также быть призван выполнять функции прокурора после передачи дела в военный суд. Все указанные обстоятельства свидетельствуют о факте нарушения статьи 5(3).
- В межгосударственном деле **Ireland v United Kingdom (1978 г.)** несколько человек были интернированы в соответствии с антитеррористическим законодательством. Некоторые из задержанных предстали перед комиссиями, состоявшими из судьи и двух членов, не имевших отношения к юриспруденции. Комиссии были вправе рекомендовать освобождение задержанных, однако они не обладали полномочиями вынести непосредственный приказ об освобождении. Посему Суд принял решение об их несоответствии требованиям статьи 5(3).

В некоторых юрисдикциях вынесение решений о предварительном заключении было поручено прокурору. Ранее Суд считал такую практику вполне приемлемой, при условии гарантии независимости и беспристрастности. Прокурора в этом случае можно было рассматривать в качестве «другого должностного лица, наделенного законной властью» (см. напр., цитируемое выше дело **Schiesser**). Однако, начиная с 1990 г., Суд склонен считать, что прокурор не обладает требуемой независимостью и беспристрастностью. Очень часто существует опасность давления на него со стороны исполнительной власти, принятые им решения нередко подлежат пересмотру старшим прокурором. Кроме того, прокурор имеет возможность осуществлять вмешательство в интересах обвинения на более поздних стадиях судопроизводства. С учетом всего вышесказанного, прокурора едва ли можно считать в достаточной степени независимым и/или беспристрастным.

- В деле **Brincat v Italy (1992 г.)**, заявитель был арестован и заключен под стражу по подозрению в участии в похищении людей. После судебного слушания, где интересы заявителя защищал его законный представитель, прокурор принял решение о продлении срока предварительного заключения. Затем прокурор провел предварительное следствие и позднее заявил, что дело выходит за рамки его территориальной юрисдикции. Документы были направлены прокурору, который обладал соответствующей юрисдикцией. В данном случае не оспаривался вопрос о независимости прокурора от исполнительной власти. Спорным оказался вопрос о его беспристрастности. Суд пришел к выводу, что на ранних стадиях расследования действия прокурора нельзя было считать независимыми, поскольку позднее ему, вероятно, пришлось бы отстаивать интересы одной из сторон. Суд также постановил, что объективные признаки во время вынесения решения о заключении под стражу являются существенными. Однако если впоследствии «должностное лицо, наделенное законной судебной властью» может участвовать в дальнейшем производстве по делу в качестве представителя обвинения, то его беспристрастность может подвергнуться обоснованным сомнениям. Тот факт, что дело, как выяснилось позднее, выходило за рамки территориальной юрисдикции прокурора, Суд счел несущественным. Имело место нарушение статьи 5(3).
- В деле **Niedbala v Poland (2000 г.)** заявитель был задержан по приказу окружного прокурора. После подачи заявителем нескольких безуспешных апелляций окружной прокурор неоднократно продлял срок его предварительного заключения. Суд установил, что окружной прокурор находился в подчинении генерального прокурора, который, в свою очередь, также исполнял обязанности министра юстиции. Иными словами, прокурор был подотчетен представителю исполнительной власти. Кроме того, Суд установил, что по закону прокурор выполняет как следственные, так и обвинительные функции, а значит, является заинтересованной стороной в деле против заявителя. Тот факт, что по закону прокурор дополнительно выступает в качестве защитника государственных интересов, сам по себе еще не наделяет его статусом «должностного лица, наделенного законной судебной властью». Суд также отметил, что прокурор опросил заявителя до принятия решения о заключении его под стражу. В создавшихся обстоятельствах прокурор не был достаточно независим в своих действиях, чтобы выполнять функции «должностного лица, наделенного законной судебной властью».
- Заявитель по делу **Pantea v Romania (2003 г.)** находился в непрерывном заключении под стражей по распоряжению прокурора. Суд отметил факт выполнения прокурором нескольких функций. Прежде всего, прокурор рассмотрел вопрос о предъявлении обвинения, затем принял решение начать следственные действия по делу заявителя, одновременно продлив срок его предварительного заключения. Лишь после этого он предъявил заявителю официальное обвинение, определив, наконец, природу последнего. Хотя на суде он не выступал в роли прокурора, по замечанию Суда, ничто в законе не помешало бы ему это сделать. Кроме того, Суд отметил, что в Румынии прокуроры подчинены генеральному прокурору и министру юстиции а, следовательно, они не обладают необходимой независимостью. По заключению Суда, прокурора в данном случае нельзя считать «должностным лицом, наделенным законной судебной властью».

Тот факт, что задержанный вправе подать апелляцию в попытке оспорить решение прокурора, не поможет исправить ситуацию, если только апелляция не будет подана автоматически. Судебный надзор должен осуществляться независимо от решения задержанного подать жалобу. См. цитируемое выше дело **Niedbala** (пар. 55).

Вопросы

1. Обеспечивает ли внутригосударственное законодательство задержанному автоматическое право лично предстать перед судьей или другим должностным лицом, наделенным законной властью?
2. В случае если у задержанного есть возможность лично предстать только перед «другим должностным лицом, наделенным законной судебной властью», гарантирует ли это должностное лицо необходимую независимость и беспристрастность?
3. Возможно ли многократное применение права предстать перед судьей или «другим должностным лицом, наделенным законной судебной властью»?
4. Уполномочен ли судья или «другое должностное лицо, наделенное законной судебной властью» выносить решение об освобождении?
5. Существует ли установленный законом период времени, в течение которого обвиняемый должен предстать перед судьей или другим должностным лицом, наделенным законной судебной властью? Если да, то соответствует ли он понятию незамедлительности, предусмотренному статьей 5(3)?
6. Существуют ли в законе специальные положения, касающиеся лиц, подозреваемых в террористической деятельности или других особо тяжких преступлениях? Если да, то соответствуют ли они понятию «незамедлительность»?
7. Если период предварительного заключения, предшествующий появлению обвиняемого перед судьей или «другим должностным лицом, наделенным законной властью», становится предметом судебного разбирательства, должен ли судья исследовать конкретные обстоятельства дела, прежде чем вынести решение о соответствии назначенного срока заключения понятию незамедлительности?
8. В условиях чрезвычайной ситуации, когда Государство заявило об отступлении от выполнения обязательств согласно статье 15 Конвенции, обеспечивает ли закон право незамедлительного появления перед судом или «должностным лицом, наделенным законной судебной властью»? Если нет, то существуют ли для этого веские причины? Каковы они?

4.2.5 Основания для отказа в освобождении под залог или продления срока содержания под стражей

Каждый раз, когда обвиняемый предстает перед судом или «другим должностным лицом, наделенным законной судебной властью» согласно статье 5(3), суд или указанное должностное лицо должны внимательно изучить причины, выдвинутые для продления предварительного заключения, а также аргументы в пользу освобождения задержанного. По заявлению Суда, продление срока предварительного заключения возможно только при наличии «четких указаний, что, невзирая на презумпцию невиновности, подлинные интересы общества в данном случае превосходят по значимости право на личную свободу» (см. дело **Punzelt** в пар. 73). Кроме того, причины, оправдывающие продление срока предварительного заключения, должны *иметь непосредственное отношение к делу и убедительно* доказывать, что дальнейшее содержание обвиняемого под стражей необходимо и не противоречит статье 5(3) (см. дело **Wemhoff**). Таким образом, презумпция всегда должна быть в пользу освобождения за исключением тех случаев, где имеются веские причины для продления срока предварительного заключения. Эти причины должны оставаться актуальными в ходе всего досудебного разбирательства. Соответственно, вопрос о продлении срока содержания под стражей должен рассматриваться периодически вплоть до назначенной даты судебного слушания. Статья 5(3) гарантирует условное освобождение задержанного, как только продление предварительного заключения перестанет быть оправданным (см. дело **Neumeister**). Для этого необходимо, чтобы обвиняемый имел автоматическое право периодически предстать перед судьей или иным должностным лицом.

Суд постановил, что обоснованность заключения под стражу должна оцениваться в каждом случае с учетом его особенностей (см. дело **Punzelt**). Внутригосударственные судебные органы должны основывать свои решения на фактах и сведениях, обеспечивающих законное обоснование досудебного содержания под стражей. В деле **Demirel v Turkey (2003 г.)** (см. пар. 58) Суд постановил, что внутригосударственные суды не вправе основывать свои решения на стереотипах (см. также дело **Svipsta v Latvia (2006 г.)**). В ходе рассмотрения дел **Yagci and Sargin v Turkey (1995 г.)** (см. пар. 50) и **Tomasi v France (1992 г.)** (см. пар. 84) было также отмечено, что выдвинутые причины должны быть перечислены в решении суда, включая аргументы, приведенные обеими сторонами. Копия решения должна быть вручена обвиняемому и его законному представителю. Последующая апелляция со стороны обвиняемого будет основана именно на этом решении.

По заявлению Суда, первоначально внутригосударственные судебные органы могут опираться на обоснованное подозрение, что обвиняемый действительно совершил расследуемое преступление. Более того, такого рода «обоснованное подозрение» является обязательным условием (*sine qua non*) юридической обоснованности продления срока содержания под стражей. Однако с течением времени его одного становится недостаточно (см. дело **Punzelt**). Невозможно определить точный момент времени, когда необходимо установление дальнейших причин для продления срока предварительного заключения: каждое дело следует оценивать по существу, дабы не пропустить момент, когда обвинение должно будет предъявить нечто большее, чем обоснованное подозрение, что именно обвиняемый совершил расследуемое преступление.

Суд всегда с большим вниманием изучает причины, выдвинутые «для обоснования серьезного отступления от закона уважения к личной свободе и презумпции невиновности, которое имеет место в каждом случае заключения под стражу без предъявления обвинения». См. дело **Stogmuller v Austria (1969 г.)** (пар. 4). В некоторых странах внутригосударственные законы с самого начала не ограничиваются простым предположением о тяжести преступления и вине задержанного. В таких случаях предпочтение должно быть отдано положениям внутригосударственного законодательства, обеспечивающим более надежную гарантию. Отказ от их соблюдения влечет за собой нарушение статьи 5(3).

В деле **Boicenco v Moldova (2006 г.)** Суд отметил, что внутригосударственные судебные органы, вынесшие решение о содержании заявителя под стражей и продлении его срока, сослались на соответствующую норму закона, но при этом не указали основания, оправдывающие их предположение о возможном вмешательстве заявителя в процесс судопроизводства, бегстве или совершении повторного преступления. Основания, приведенные национальным судом, были объявлены «недостаточными и неприменимыми». Отдельное нарушение статьи 5 § 3 было установлено в отношении раздела 191 Уголовно-процессуального кодекса, поскольку он заранее исключает возможность досудебного освобождения лиц, обвиняемых в преднамеренном совершении преступлений, которые предусматривают наказание свыше 10 лет лишения свободы. (См. также дела **Becciev v Moldova (2005 г.)** и **Sarban v Moldova (2005 г.)**).

Согласно статье 5(3), отказ в освобождении возможен на следующих основаниях:

- Возможная неявка в суд;
- Возможное вмешательство задержанного в процесс отправления правосудия;
- Возможность совершения задержанным повторных преступлений; и
- В случаях, когда содержание задержанного под стражей необходимо для поддержания общественного порядка.

4.2.5.1 Возможная неявка в суд

Риск того, что обвиняемый не явится в суд, нельзя оценивать исключительно на основе суровости возможного приговора. Если есть возможность получить гарантии явки обвиняемого в суд, он/а

должен быть освобожден на особо оговоренных условиях. При оценке целесообразности продления срока предварительного заключения на основании возможной попытки к бегству необходимо учитывать следующие факторы:

- особенности личности и характера обвиняемого;
- имеющиеся у обвиняемого средства;
- семейные связи обвиняемого;
- зарубежные связи обвиняемого;
- суровость возможного приговора;
- особые условия предварительного заключения обвиняемого; и
- отсутствие тесных связей в стране задержания.

Национальный суд должен удовлетвориться наличием хотя бы некоторых из этих факторов, дающих основание предполагать, что опасные последствия побега покажутся обвиняемому меньшим злом по сравнению с продлением срока заключения. См. цитируемое выше дело **Stogmuller**. Так, например, в деле **Ambruszkiewicz v Poland (2006 г.)** национальный суд принял решение о содержании заявителя под стражей, опасаясь возможной попытки к бегству. Тем не менее, Суд признал нарушение статьи 5(1) на основании недостатка доказательств в пользу предполагаемой попытки к бегству.

Угроза бегства снижается с течением времени, проведенного в предварительном заключении, вследствие того, что в случае осуждения период досудебного содержания под стражей, вероятнее всего, будет вычтен из окончательного приговора. Суд должен принимать этот факт во внимание при каждом рассмотрении вопроса о продлении срока предварительного заключения. Более того, по заявлению Суда, в случаях, когда единственной причиной для продления срока содержания под стражей является опасность бегства обвиняемого, а, следовательно, и его неявки в суд, его необходимо освободить до суда при наличии гарантий, обеспечивающих его присутствие на суде (см. дело **Wemhoff** в пар. 15).

4.2.5.2 Возможное вмешательство в процесс отправления правосудия

В деле **Wemhoff** Суд отметил необходимость убедительного обоснования предположений о том, что, освободившись из-под стражи, обвиняемый предпримет действия, препятствующие отправлению правосудия. В качестве веских причин можно рассматривать риск:

- возможной попытки оказания давления на свидетелей;
- возможного предупреждения других подозреваемых; и
- возможного уничтожения доказательств.

Риск нельзя рассматривать слишком обобщенно; необходимы доказательства существования предполагаемой опасности. Так, например, сложный характер расследования повышает риск сокрытия или уничтожения доказательств по сравнению с более простыми делами. Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что по ходу расследования снижается риск попытки обвиняемого оказать давление на свидетелей или повредить доказательства.

- В деле **Clooth v Belgium (1991 г.)** заявитель был задержан по подозрению в поджоге и убийстве. Одной из причин продления срока его предварительного заключения стал риск возможной попытки вступления в сговор или оказания давления на свидетелей. Суд признал, что в отсутствие доказательств совершения особых следственных действий, которые предшествовали бы освобождению обвиняемого, национальный суд мог бы ускорить принятие решения о его освобождении.

- В деле **Tomasi v France (1992 г.)** заявитель подозревался в участии в нападении на центр, принадлежащий Иностранному легиону. Нападение было совершено диверсионной группой из нескольких человек в вязаных шлемах. Уже на следующий день ответственность за это и 24 других нападения, совершенных в ту же ночь, взял на себя Корсиканский национальный фронт. Заявителю было предъявлено обвинение в убийстве и незаконном владении огнестрельным оружием. По заявлению Правительства, освобождению заявителя препятствовали угрозы, высказанные в адрес одного из сообвиняемых. Опираясь на представленные доказательства, Суд признал изначальное существование риска возможной попытки обвиняемого оказать давление на свидетелей. В ходе следствия этот риск уменьшился, но окончательно так и не перестал существовать.
- В деле **Contrada v Italy (1998 г.)**, заявитель, старший офицер полиции, был обвинен в помощи и соучастии в деятельности мафиозной группировки. Дело было возбуждено на основании показаний нескольких бывших мафиози, сообщивших прокурору, что заявитель оказывал помощь мафии, злоупотребляя своим служебным положением. Правительству потребовалось подтверждение этих заявлений большим числом свидетелей. Суд признал существование реального риска фальсификации улик, поскольку дело, возбужденное против заявителя, практически полностью основывалось на показаниях свидетелей, многие из которых были друзьями и коллегами заявителя.

4.2.5.3 *Возможность совершения повторных правонарушений*

Тяжесть вменяемого преступления может служить веским основанием для содержания подозреваемого под стражей в попытке предотвратить совершение им повторных правонарушений. Однако необходимы убедительные доказательства существования такого риска. Следует принять во внимание историю жизни и личные особенности обвиняемого. Важно также выяснить, насколько ранее совершенные обвиняемым правонарушения сравнимы с вновь выдвинутым обвинением по природе и степени тяжести.

- В деле **Clooth v Belgium (1991 г.)** заявитель был обвинен в поджоге и убийстве девочки-подростка, чье изувеченное тело было обнаружено в сгоревшем здании. Ранее заявитель был осужден за попытку ограбления при отягчающих обстоятельствах и приговорен к двум месяцам тюремного заключения, а также за дезертирство из армии. В последнем случае наказание составило один месяц гауптвахты условно. Суд признал, что ранее совершенные обвиняемым правонарушения несравнимы с вновь выдвинутым обвинением по своей природе и степени тяжести.

4.2.5.4 *Возможное нарушение общественного порядка*

Суд неоднократно заявлял, что данный аргумент может быть, в *исключительных обстоятельствах*, принят во внимание при оценке целесообразности предварительного заключения обвиняемого. Тяжесть преступления, в совершении которого он обвиняется, еще не является достаточным основанием. Им можно воспользоваться, лишь при условии что судья или другое должностное лицо, наделенное законной властью, принимая решение о заключении под стражу, опирается на факты, доказывающие реальную возможность нарушения обвиняемым общественного порядка (см. дело **Letellier** ниже, в пар. 51).

- В деле **Letellier v France (1991 г.)** заявительнице было предъявлено обвинение в соучастии в убийстве мужа, с которым она проживала отдельно. Суд установил, что в оценке целесообразности предварительного заключения национальный суд руководствовался слишком общими основаниями, а именно необходимостью не допустить нарушения общественного порядка в связи с совершенным убийством. По мнению Суда, этого было недостаточно из-за отсутствия доказательств. Суд признал, что некоторые правонарушения по причине их тяжести

и общественной реакции на их совершение могут стать поводом к беспорядкам. Такая опасность вполне оправдывает заключение обвиняемого под стражу до суда, по крайней мере, временно. Однако подобное решение должно основываться на фактах, убедительно доказывающих, что освобождение обвиняемого действительно приведет к нарушению общественного порядка.

Кроме того, предварительное заключение можно будет и впредь считать законным, только при условии сохранения угрозы общественному порядку. Продление срока содержания под стражей нельзя использовать в попытке предвосхитить вынесение приговора к лишению свободы (см. дело **Letellier**).

Вопросы

1. Гарантирует ли внутригосударственное законодательство презумпцию в пользу освобождения под залог?
2. Существуют ли законные причины для отказа в освобождении под залог? Если да, то соответствуют ли они вышеизложенным принципам?
3. Обязаны ли суды исследовать те или иные факторы, соответствующие вышеизложенным принципам, в целях обоснования продления срока предварительного заключения?
4. Существуют ли особые требования, касающиеся решений об освобождении под залог, убедительных доказательств, основанных на уликах, для отказа в освобождении обвиняемого под залог? Есть ли гарантия того, что, отказывая обвиняемому в освобождении под залог, суд не будет руководствоваться стереотипами?
5. Имеет ли обвиняемый право на периодический пересмотр целесообразности его содержания под стражей?
6. Если да, то учитываются ли при пересмотре дела изменившиеся обстоятельства, например, снижение риска возможной попытки к бегству и т.д.?

4.2.6 Какой срок содержания под стражей считается частью срока предварительного заключения в рамках статьи 5(3)?

В попытке установить, содержался ли обвиняемый под стражей в течение необоснованно долгого периода времени, Суд пришел к выводу, что предварительным считается заключение, длившееся непосредственно до вынесения решения по уголовному делу – признания вины или оправдания. Период времени между вынесением приговора и процедурой апелляции считается частью заключения, следующего за осуждением и подпадающего под статью 5(1)(а). Жалобы относительно продолжительности апелляционного процесса будут рассматриваться Судом на основании права на справедливое слушание дела в разумные сроки согласно статье 6(1). См. цитируемое в пар. 9 дело **Wemhoff**.

4.2.6.1 Продолжительность предварительного заключения

Статья 5, прежде всего, гарантирует обвиняемому право на освобождение в отсутствие оснований для его/ее содержания под стражей. Эти основания подлежат периодическому пересмотру. Иными словами, вопрос о целесообразности содержания обвиняемого под стражей должен постоянно пересматриваться.

- В деле **Pijkov v Bulgaria (2001 г.)** заявитель был задержан и заключен под стражу в связи с крупным мошенничеством. Он провел в предварительном заключении почти 3 года и 4 месяца. Болгарские суды действовали на основании положений внутреннего законодательства, согласно которым содержание обвиняемого под стражей до суда обязательно во всех случаях, когда максимально возможное наказание превышает определенный предел (десять лет

тюремного заключения до июня 1995 г. и пять лет после этой даты). Суд признал, что само существование системы обязательного предварительного заключения до вынесения приговора является нарушением статьи 5(3) Конвенции.

В отношении каждого из оснований целесообразности предварительного заключения (см. выше), суды должны проявлять особое усердие в ведении судебного разбирательства, дабы срок содержания обвиняемого под стражей не превысил границы разумного. Эти границы меняются в зависимости от конкретного дела, а потому не могут быть определены абстрактно (см. **W. v Switzerland (1992 г.)**). Принимая решение об освобождении или продлении срока предварительного заключения, судам необходимо принять во внимание следующие факторы.

- Сложность расследования;
 - Число соответчиков;
 - Наличие в преступлении международных элементов;
 - Природа и сложность юридических вопросов; а также
 - Поведение обвиняемого.
- В деле **Contrada v Italy (1998 г.)** заявитель, старший офицер полиции, был обвинен в содействии мафиозной группировке и провел длительный период времени в предварительном заключении. По его заявлению, он находился под стражей в течение неоправданно долгого времени в нарушение статьи 5(3) Конвенции. Суд счел, что в ходе расследования риск совершения обвиняемым попытки к бегству уменьшился. Однако угроза совершения им повторных правонарушений, фальсификации доказательств и оказания давления на свидетелей, в данном случае, послужила обоснованным и достаточным основанием для продления срока предварительного заключения до 2 лет, 7 месяцев и 7 дней. Кроме того, Суд установил, что судопроизводство было проведено с должной тщательностью. Суд отметил сложность данного дела, включавшего расследование сговора между государственными институтами и мафией, проверку огромного числа финансовых документов, записей мобильных телефонных разговоров, правительственных отчетов за несколько лет, а также показания более чем 250 свидетелей. Суд подчеркнул, что подробное расследование потребовало времени, поскольку мафия способна проникать в государственные структуры и подрывать их деятельность изнутри. Суд далее обратил особое внимание на тот факт, что итальянский суд предложил чаще пересматривать обстоятельства дела, когда срок предварительного заключения превысил максимальный. Защита это предложение отклонила.
 - В деле **Chraidi v Germany (2006 г.)** суд счел содержание заявителя под стражей до вынесения приговора в течение 5 лет и 6 месяцев обоснованным в связи с исключительными обстоятельствами дела: речь шла о международном терроризме. В ходе расследования этого крайне сложного дела потребовалось заслушать показания 169 свидетелей. В деле фигурировали 106 соистцов, а слушания заняли 281 день.

Что касается поведения обвиняемых: в случаях, когда они заявляют о своих правах, например, путем подачи прошения об освобождении (см. статью 5(4)), любое промедление по отношению к ним недопустимо. Однако, если обвиняемый своим поведением намеренно препятствует отправлению правосудия, задержки, связанные с таким поведением, не могут быть отнесены на счет Государства.

- В деле **Punzelt v Czech Republic (2000 г.)** заявитель находился под стражей в течение 8 месяцев с даты предъявления обвинения до даты слушания, поскольку внутригосударственным правоохранительным органам пришлось рассмотреть несколько заявлений обвиняемого для получения дополнительных доказательств. Эта отсрочка была названа обоснованной. Однако после этого судебное заседание было отложено на 6 месяцев, поскольку обвинению потребовались дополнительные доказательства. Тремя месяцами позже кассационный суд аннулировал вынесенный ему приговор на том основании, что суд первой инстанции не принял во внимание все относящиеся к делу доказательства и неправильно применил закон. Дело было возвращено

для рассмотрения прокурору. Шесть месяцев спустя, Верховный суд отменил это решение. Дело было направлено на повторное слушание. Второй приговор был вынесен через 10 месяцев после отмены первого. В связи с этим Суд счел, что внутригосударственные суды не проявили «особого усердия».

- В деле **Jablonski v Poland (2000 г.)**, предварительное заключение заявителя длилось 4 года, 9 месяцев и 7 дней, из которых 3 года, 9 месяцев и 27 дней имели место после ратификации Польшей права на подачу индивидуального прошения согласно Конвенции. Суд постановил, что устойчивое подозрение в совершении преступления не могло служить достаточным основанием для столь длительного срока предварительного заключения. Принимая решение о возможности освобождения, по мнению Суда, власти должны были рассмотреть альтернативные меры гарантии явки на судебное слушание. В данном случае не была принята во внимание возможность принятия иных «превентивных мер» (напр., освобождение под залог или полицейское наблюдение), определенно допустимых польским законодательством. Суды не указали ни одного фактора, свидетельствующего о существовании риска попытки бежать, скрыться или иным способом избежать правосудия. Не было уделено должное внимание и тому факту, что с течением времени и с учетом неоднократных проявлений самоагрессии со стороны обвиняемого, его нахождение под стражей перестало служить эффективной гарантией реализации его права на своевременное судебное слушание. В продлении срока предварительного заключения не было необходимости, а приведенные для этого основания оказались недостаточно убедительными.

В тех случаях, когда государственные власти не проводят расследование с надлежащей тщательностью, лишая задержанного возможности предстать перед судом в разумные сроки, имеет место нарушение статьи 5(3).

По поводу установленного статьей 35(1) шестимесячного максимального срока подачи заявлений в Европейский суд, Суд пояснил, что в случаях, когда речь идет о нескольких последовательных сроках предварительного заключения, их следует рассматривать как единое целое, причем шесть месяцев должны отсчитываться от конца последнего срока предварительного заключения (дело **Solmaz v Turkey (2007 г.)**).

Вопросы

1. Обеспечивает ли внутригосударственное законодательство скорое и эффективное расследование в отношении лиц, содержащихся под стражей?
2. Гарантирует ли закон регулярные пересмотры вопроса о продлении срока предварительного заключения, принимая во внимание следующие факторы: сложность расследования, число соответчиков, наличие международных элементов, природа и сложность юридических вопросов, поведение обвиняемого?
3. Существуют ли процедуры, позволяющие оспаривать продолжительность срока предварительного заключения?

4.2.7 Гарантии явки в суд

Установление гарантий явки в суд должно всегда рассматриваться как альтернатива предварительному заключению в тех случаях, когда безусловное освобождение было бы слишком рискованным. Более того, статья 5(3) прямо предусматривает, что освобождение может быть обусловлено гарантиями явки в суд. В применении данной статьи необходимо соблюдать равновесие: в случае принятия решения о целесообразности условного освобождения, назначенные условия должны быть реалистичны, выполнимы и не настолько обременительны, чтобы лишить процедуру освобождения ее главного смысла (т.е. возвращение свободы). Посему гарантии и поручительства

должны оставаться на достижимом уровне, в то же время, служить эффективным препятствием для попытки к бегству. Условия освобождения под залог призваны, прежде всего, гарантировать явку в суд, и не несут на себе функции наказания или компенсации.

- В деле **Neumeister v Austria (1968 г.)**, устанавливая финансовые гарантии, австрийские суды основывались, главным образом, на объеме ущерба, последовавшего в результате вменяемых обвиняемому правонарушений, который ему, возможно, пришлось бы возместить. Суд признал, что целью установления гарантий было обеспечение явки на слушание, а не возмещение ущерба. Размер залога должен определяться сообразно имущественному положению обвиняемого и его отношениям с теми, кто обеспечивает установленные гарантии.
- В деле **Stogmuller v Austria (1969 г.)** суд отметил, что изъятие паспорта было бы приемлемой «гарантией», позволяющей удостовериться в том, что истец не покинет страну.

Вопросы

1. Обладают ли суды широкими пределами усмотрения в принятии решения об условном освобождении на своих условиях или на условиях сторон, руководствуясь презумпцией в пользу освобождения под залог?
2. Вправе ли суды назначать соответствующие условия по своему усмотрению?
3. Существует ли требование того, что бы условия были соразмерными; т.е. наложенные условия должны быть реально выполнимы?
4. Существуют ли руководства по применению этих условий, согласующиеся с вышеизложенными принципами?
5. Существует ли процедура, автоматическая или по заявлению обвиняемого, пересмотра назначенных условий в свете изменившихся обстоятельств?
6. Существует ли установленная состязательная процедура, соответствующая нормам доказательственного права, посредством которой нарушение условий может быть доказано прокуратурой или судом по собственной инициативе (*proptio motu*)? Может ли суд в случае необходимости принять решение о повторном взятии обвиняемого под стражу?

4.3 Право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности заключения под стражу – статья 5(4)

4.3.1 Право на обжалование «правомерности» решения о заключении под стражу

Все лица, арестованные или задержанные по любой причине, будь то подозрение в совершении уголовного преступления, психическое заболевание или отказ от выполнения законного решения суда, имеют право начать процесс обжалования правомерности их содержания под стражей. Возможность подать такого рода иск должна быть предоставлена каждому задержанному, причем суд, заслушивающий дело, должен быть уполномочен принимать решения об освобождении. Процессуальное требование судебного пересмотра является неотъемлемой частью институционных гарантий от произвольного содержания под стражей.

В контексте уголовного судопроизводства право на обжалование законности содержания под стражей по статье 5(4) служит отдельным дополнением к праву незамедлительно предстать перед судьей или иным судебным должностным лицом, закрепленному статьей 5(3). Кроме того, согласно статье 5(4) задержанный вправе возбудить судебное дело, тогда как слушания по статье 5(3) должны проводиться Государством автоматически. На практике многие задержанные по подозрению в совершении преступления используют слушания, гарантированные им статьей 5(3), для обжалования законности продления срока предварительного заключения. Возможность

пересмотра дела в суде никоим образом не зависит от существования убедительных причин для обжалования правомерности предварительного заключения. Посему государственные власти не вправе требовать выполнения условий, связанных с убедительностью доказательств, до начала разбирательства по статье 5(4). Более того, задержанный может воспользоваться этим правом даже в тех обстоятельствах, когда речь идет об угрозе национальной безопасности.

Хотя процедура, предусмотренная статьей 5 § 4, не обязательно сопровождается гарантиями, которые необходимы в уголовном или гражданском судопроизводстве согласно статье 6 § 1 Конвенции, она, тем не менее, должна носить судебный характер и обеспечивать гарантии соответственно виду лишения свободы в конкретном случае. В частности, при рассмотрении апелляции по вынесенному решению о заключении под стражу, необходимо обеспечить «равноправие сторон» – прокурора и задержанного. После освобождения задержанного право, гарантированное статьей 5(4), перестает быть применимо к его ситуации.

- В деле **Al-Nashif v Bulgaria (2002 г.)**, заявитель, лицо палестинского происхождения без гражданства, получил уведомление о высылке и приказ о его заключении под стражу, на том основании что он представлял угрозу национальной безопасности, но без объяснения каких-либо причин. Перед высылкой он провел 26 дней в одиночном заключении, не имея возможности опротестовать решение о содержании его под стражей. Ни один национальный суд не был уполномочен пересмотреть законность его предварительного заключения, приказ о взятии его под стражу не содержал разъяснения причин. Наконец, сам заявитель был лишен возможности проконсультироваться с адвокатом относительно судебного обжалования принятых против него мер. Суд признал, что все эти обстоятельства были несовместимы с положениями статьи 5(4). Суд заявил, что власти страны не могут пренебрегать судебной проверкой законности предварительного заключения, ссылаясь лишь на национальную безопасность и угрозу терроризма.

Успешное обжалование дела по статье 5(4) возможно и в тех случаях, когда это не удается сделать в соответствии со статьей 5(1). Даже если взятие лица под стражу считается оправданным по статье 5(1), лишение задержанного права опротестовать законность вынесенного решения, тем не менее, является нарушением статьи 5(4).

- В делах **Gorshkov v Ukraine (2005 г.)** и **Kucheruk v Ukraine (2007 г.)** Суд пришел к заключению, что внутригосударственные законы о психиатрической медицинской помощи, гарантирующие каждому пациенту автоматическое право предстать перед судом, недостаточно действенны. Такого рода дополнительные гарантии не исключают отдельного права на индивидуальный иск со стороны пациента. Суд установил, что внутригосударственное законодательство не гарантировало заявителям право на судебную проверку законности решения о продлении срока их принудительного лечения в соответствии со статьей 5(4) Конвенции.

После освобождения, единственным внутренним средством правовой защиты необходимым в соответствии со статьей 5 является обеспеченное правовой санкцией право на компенсацию за незаконное содержание под стражей согласно статье 5(5).

4.3.2 Сфера применения судебного контроля

Сфера применения судебного контроля зависит от природы заключения под стражу. Суд признает (см., напр., дело **Brogan and Others v United Kingdom (1988 г.)**), что арестованные или задержанные лица имеют право на судебный контроль процессуальных и материально-правовых условий, обеспечивающих «законность» лишения свободы в понимании Конвенции о защите прав человека. Следовательно, компетентный судебный орган должен проследить за соблюдением процессуальных требований внутригосударственного законодательства, а также требований статьи 5 (см. дело **Brogan** в пар. 65).

4.3.3 Процессуальные требования к судебному контролю

Дела по установлению законности содержания под стражей по статье 5(4) должны носить «судебный» характер и обеспечивать процессуальные гарантии в соответствии с конкретным случаем лишения свободы (см., напр., обсуждавшееся выше дело **Megyeri v Germany (1992 г.)**).

Существует множество параллелей между процессуальными гарантиями, предусмотренными в статьях 6 и 5(4) Конвенции. Однако Суд разъяснил, что процедуры, предусмотренные статьей 5(4), не всегда должны включать в себя те же гарантии, которые статья 6 Конвенции предусматривает для судебного процесса по уголовным или гражданским делам.

- Дело **Reinprecht v Austria (2005 г.)** наглядно демонстрирует принципы, применяемые Судом согласно статье 5(4) по сравнению со статьей 6(1). В своем решении Суд признал, что статья 5(4), хотя и предусматривает судебный контроль законности предварительного заключения, как правило, не требует публичного слушания (в отличие от требований статьи 6). Суд отметил наличие тесной связи между статьями 5(4) и 6(1) в области уголовного судопроизводства, о чем свидетельствует возможность применения статьи 6 в некоторых досудебных разбирательствах. Однако Суд счел, что применение статьи 6 неразрывно связано с процессуальными гарантиями, несоблюдение которых на досудебной стадии может поставить под сомнение справедливость разбирательства в целом. Например, такие требования как состязательная природа судопроизводства и принцип равноправия сторон являются «основополагающими гарантиями соблюдения процедуры», предусмотренной в случаях лишения свободы. В деле **Reinprecht** не наблюдалось свидетельств того, что закрытые слушания по предварительному заключению, в ходе которых заявителю оказывалась юридическая помощь, могли поставить под сомнение справедливость разбирательства в целом. Суд также отметил различное назначение статьи 5(4) (а именно установление обоснованного подозрения) и статьи 6 (включающее в себя «формулировку выдвигаемого обвинения»). Именно эта разница целей объясняет, почему статья 5(4) содержит более гибкие процессуальные требования, чем статья 6, но в то же время проявляет гораздо большую строгость в отношении быстроты рассмотрения дела. Суд не исключил возможности, что в определенных обстоятельствах может возникнуть необходимость открытого слушания. Однако в данном деле таких обстоятельств обнаружено не было.

Ниже мы подробно рассмотрим наиболее важные процессуальные требования статьи 5(4).

4.3.3.1 Компетентный суд

Понятие «компетентный суд» подразумевает независимый и беспристрастный суд, юрисдикция которого позволяет ему рассматривать то или иное дело. Следовательно, суды, слушающие иски по статье 5(4), должны быть компетентны принимать решение о законности содержания под стражей. Это не означает, что суд вправе заменить первоначально принятое решение своим. Речь идет о наличии у него полномочий оценивать законность содержания под стражей и освободить задержанного.

Беспристрастность суда справедливо подвергается сомнению в том случае, например, если лицо, издавшее приказ о взятии под стражу, впоследствии будет оценивать его законность. Очевидно, что член кабинета министров не может считаться компетентным судьей, поскольку он или она не обладает достаточной независимостью и едва ли способен проявить беспристрастность. Напротив, суд может являться логической частью государственного судебного аппарата и в то же время не удовлетворять требованиям компетентного суда, если он не обладает полномочиями выносить решение об освобождении задержанного.

- В деле **X. v United Kingdom (1981 г.)** речь шла о содержании под стражей лица, страдавшего психическим расстройством. Трибунал по вопросам психического здоровья, занимавшийся

пересмотром дела о его содержании под стражей, оказался неспособен выполнить функцию компетентного суда, поскольку был уполномочен лишь давать рекомендации об освобождении.

- В деле **Weeks v United Kingdom (1987 г.)** заявитель был приговорен к дискреционному пожизненному заключению и освобожден по специальному разрешению. Позднее он был вновь взят под стражу. По заявлению правительства, суд, рассмотревший возбужденный заявителем иск о пересмотре дела, мог претендовать на роль компетентного суда в рамках статьи 5(4). Тем не менее, Суд отказался признать его компетентным на основании того, что он не смог подтвердить или опровергнуть соответствие содержания заявителя под стражей целям пожизненного заключения.
- В деле **Chahal v United Kingdom (1996 г.)** решение о задержании и высылке из страны первого заявителя было принято на основании угрозы национальной безопасности. Ни одна из двух серий судебных разбирательств по обжалованию принятого решения не удовлетворяла требованиям статьи 5(4), поскольку не давала возможности пересмотреть существо решения о задержании и высылке.
- В деле **Von Bulow v United Kingdom (2003 г.)** в 1975 г. заявитель был приговорен к обязательному пожизненному заключению за убийство. Судья первой инстанции рекомендовал обязательный двадцатилетний срок заключения. Лорд-главный судья поддержал это решение. В 2000 г. Государственный секретарь письменно уведомил заявителя о продлении обязательного срока заключения до 23 лет. Поскольку обязательный срок заключения к тому времени уже истек, заявителю сообщили, что это никак не повлияет на оставшийся срок его заключения. Совет по условно-досрочному освобождению уведомил заявителя о своем намерении дать рекомендацию о его освобождении. Суд признал, что по истечении обязательного срока заключения, целесообразность продления срока зависела от степени риска и сохраняющейся опасности – факторов, подлежащих изменениям. Посему согласно статье 5(4) заявитель должен был иметь возможность *периодического* пересмотра законности его заключения в надлежащем порядке. В данном случае Совет по условно-досрочному освобождению не обладал полномочиями выносить решения об освобождении и не проводил ни одного судебного слушания. Таким образом, была нарушена статья 5(4).

4.3.3.2 *Состязательный характер судебных процедур*

Все судебные процедуры должны носить состязательный характер и обеспечивать равноправие сторон (т.е. прокуратуры/полиции и т.д. и задержанного лица). Суд признал, что в случае, если обвиняемый содержится под стражей по статье 5(1)(с), судебное слушание необходимо (см., напр., дело **Trzaska v Poland (2000 г.)**). В таких обстоятельствах задержанный имеет право присутствовать и выступать на слушании, при необходимости в сопровождении законного представителя. Когда затрагиваются сложные юридические вопросы, согласно статье 5(4) задержанному необходимо юридическое представительство, причем, в отсутствие у него собственных средств, ему должна быть оказана бесплатная правовая помощь. Ответственность за назначение законного представителя лицам с психическими расстройствами ложится на государство.

- В деле **Winterwerp v Netherlands (1979 г.)** государство-ответчик заявило, что по статье 5(4) в обязанности суда не входило лично заслушивать лицо, чье психическое состояние не позволяло ему давать сколько-нибудь значимые показания. Суд выразил свое несогласие с этим утверждением. По мнению Суда, статья 5(4) предусматривает выступление задержанного в суде – лично или через законного представителя. Психическое расстройство не должно лишать задержанного права на оспаривание законности его содержания под стражей.
- В деле **Bouamar v Belgium (1988 г.)** Суд признал, что заявитель, по причине своего несовершеннолетия, имел право на законное представительство.

- В деле **Megyeri v Germany (1992 г.)** заявитель совершил ряд насильственных преступлений, за которые не мог нести уголовную ответственность, поскольку страдал шизофреническим психозом с признаками паранойи. Суд признал, что на слушании по проверке законности его содержания под стражей заявитель должен был иметь законного представителя.
- В деле **Castravet v Moldova (2007 г.)** Суд установил, что нарушение статьи 5(4) могло стать результатом вмешательства во взаимоотношения клиента и адвоката. В данном случае причиной нарушения конфиденциальности стало наличие стеклянной перегородки в помещении центра предварительного заключения, где проходили встречи адвокатов с клиентами.

Как свидетельствуют дела **Megyeri** и **Winterwerp**, особые процессуальные гарантии необходимы в целях защиты интересов лиц, которые не могут быть признаны дееспособными в силу своего психического состояния. Лица, находящиеся на лечении с диагнозом «психическое расстройство», не обязаны проявлять инициативу в поиске законного представителя для обращения за помощью к суду.

4.3.3.3 *Задержанным должны быть доступны материалы по существу дела, имеющиеся в распоряжении государственных органов*

В целях обеспечения равноправия сторон адвокат задержанного лица должен иметь доступ к следственным документам, которые дают возможность эффективно оспорить законность его содержания под стражей. Иными словами, задержанный или его адвокат должны иметь на руках копии материалов, на которые опираются представители государственных органов в попытке продлить срок заключения данного лица (см. **Lamy v Belgium (1989 г.)**)

- В деле **Sanchez-Reisse v Switzerland (1986 г.)** заявитель оспорил законность своего содержания под стражей в ожидании выдачи. Согласно установленной процедуре, его прошение об освобождении было передано в управление федеральной полиции, которое, в свою очередь, направило свое мнение по существу дела в национальный суд для вынесения решения. Заявитель пожаловался на то, что не имел возможности ознакомиться с письменным текстом полицейских рекомендаций. Суд признал, что заявитель имел право выразить свое мнение по поводу этих рекомендаций, письменно или в личном выступлении перед национальным судом. По заявлению Суда, ввиду указанных причин, процесс судопроизводства не был состязательным в истинном смысле этого слова, а потому явился нарушением статьи 5(4).
- В деле **Lamy v Belgium (1989 г.)** заявитель был арестован по подозрению в мошенничестве. Он был лишен доступа к обвинительным документам, тогда как обвинение имело в своем распоряжении полный набор документов. Суд признал, что доступ к вышеупомянутым документам был необходим заявителю. Он дал бы его адвокату возможность выступить в национальном суде с заявлением по поводу показаний соответчика. В результате, адвокату не удалось оспорить основания, выдвинутые для продления срока содержания под стражей. В действиях обвинения Суд усмотрел нарушение статьи 5(4).
- В деле **Garcia Alva v Germany (2001 г.)** заявитель был лишен доступа к обвинительным документам, содержащим показания полицейского осведомителя. Суд признал, что процессы по статье 5(4) должны вестись в соответствии с требованиями статьи 6, провозглашающей право на справедливое слушание дела, в числе прочего, и в уголовном судопроизводстве. В частности, задержанный должен иметь доступ к заключениям обвинителя и реальную возможность высказать свое мнение по их поводу. В ходе следствия по уголовному делу может возникнуть необходимость сокрытия тех или иных улик с целью предотвращения вмешательства подозреваемых в процесс отправления правосудия. Однако Суд признал, что этой законной цели не

следует добиваться за счет столь существенного ограничения прав защиты. Вся информация, необходимая для оценки законности содержания под стражей, должна своевременно поступать к адвокату.

- В деле **Svipsta v Latvia (2006 г.)** адвокат заявителя не получил доступа к следственной документации, несмотря на то что в ней содержался целый ряд элементов, имевших большое значение для решения вопроса о продлении срока содержания под стражей. Следовательно, защите необходимо было ознакомиться с указанными документами, чтобы иметь возможность оспорить законность досудебного содержания заявителя под стражей, срок которого к тому времени составлял уже более шести месяцев.

4.3.3.4 *Бремя доказывания*

Бремя доказывания законности содержания под стражей в судебном разбирательстве целиком и полностью ложится на государственные власти.

- В деле **Hutchison Reid v United Kingdom (2003 г.)** заявитель был задержан по состоянию психического здоровья. Оспаривая законность своего содержания под стражей, он должен был доказать суду, что не страдает более психическим расстройством, потребовавшим его содержания в больнице для принудительного лечения. Однако, по мнению Суда, доказательство необходимости содержания заявителя под стражей, напротив, входило в обязанности властей. Суд указал, что первоначальное лишение свободы лица, страдающего психическими заболеваниями, а также продление срока его пребывания под стражей, считается законным по статье 5(1)(e), только при наличии «убедительных свидетельств того, что он или она страдает психическими расстройствами, достаточно серьезными, чтобы служить основанием для взятия под стражу». То есть в обоих случаях бремя доказывания ложится на государственные власти. Суд счел возложение бремени доказывания на задержанного нарушением статьи 5(4).

4.3.3.5 *Безотлагательное вынесение решения*

Необходимость безотлагательного вынесения решения при оспаривании законности по статье 5(4) объясняется тем, что лица, содержащиеся под стражей незаконно, подлежат немедленному освобождению. Понятие «безотлагательное вынесение решения» состоит из двух элементов: прежде всего, оно относится к периоду времени, в пределах которого задержанный должен иметь возможность оспорить законность своего содержания под стражей. Кроме того, оно требует, чтобы период рассмотрения иска национальным судом был, по возможности, сокращен до минимума. В обоих случаях понятие «безотлагательности» не может определяться абстрактно. Сроки возбуждения и рассмотрения дела должны устанавливаться с учетом существующих обстоятельств, например, его природы и сложности. Задержанный имеет право на безотлагательное вынесение решения по его прошению об освобождении, даже если результат будет для него отрицательным.

При определении разумных сроков отсчет ведется с момента начала судопроизводства до вынесения окончательного решения, включая апелляции (см. дело **Luberti v Italy (1984 г.)**).

- В деле **De Jong, Baljet and Van Den Brink v Netherlands (1984 г.)** заявители находились под стражей в течение 7, 11 и 6 дней, прежде чем смогли предстать перед военным судом. Другой возможности оспорить законность своего заключения у них не было. Суд признал, что даже с учетом сложностей армейской жизни, продолжительность содержания под стражей лишила заявителей права добиваться безотлагательного вынесения решения о законности их содержания под стражей.

- В деле **Sanchez-Reisse v Switzerland (1986 г.)** Суд счел период времени в 31 и 46 дней излишне долгим для вынесения решения о законности содержания под стражей в ожидании выдачи. Обстоятельства дела не представляли особой сложности и не требовали подробного исследования или длительного рассмотрения. Единственным новым фактором, возникшим уже после начала разбирательства, занявшего 31 день, было состояние здоровья заявителя. Оценка значимости данного фактора объективно не требовала 31 дня.
- В деле **Fox, Campbell and Hartley v United Kingdom (1990 г.)** заявители были освобождены через 44 часа после своего ареста. Суд постановил, что решение об освобождении было вынесено безотлагательно, а посему в рассмотрении дела по статье 5(4) нет необходимости.
- В деле **Letellier v France (1991 г.)** заявительница обвинялась в соучастии в убийстве своего мужа. В период предварительного содержания под стражей она подала 8 прошений об освобождении, шесть из которых рассматривались от 8 до 20 дней. Суд сделал оговорку в отношении длительности рассмотрения второго прошения, однако учел, что заявительница воспользовалась своим правом в любое время подавать дополнительные прошения. Второе обращение носило довольно сложный характер и, соответственно, не изобиловало фактами.
- В делах **G.B. v Switzerland (2000 г.)** и **M.B. v Switzerland (2000 г.)**, заявители были задержаны в сентябре 1994 г. В пятницу 21-го октября 1994 г. они подали прошения об освобождении. Их прокурор получил прошения в понедельник 24-го октября. Прощения были отклонены во вторник 25-го октября. Решение было доведено до сведения заявителей 26-го и 27-го октября. 31-го октября заявители подали апелляцию. Государственным органам было дано 7 дней, чтобы высказать свои замечания, затем заявителям были предоставлены 4 дополнительных дня. Апелляции были отклонены 21-го и 24-го ноября (после ожидания продолжительностью 32 и 34 дня). Суд признал, что в рассматриваемых делах не содержалось осложняющих обстоятельств. Составление замечаний не требовало десяти дней, учитывая то, что Федеральному прокурору для отказа в иске понадобился всего один день, а ведь заявители хорошо знали все обстоятельства своего дела! Кроме того, вынесение решения откладывалось на 10-12 дней. Общий срок рассмотрения дела был неоправданно долгим в нарушение статьи 5(4).
- В деле **Laidin v France (2002 г.)**, заявительница была задержана по состоянию психического здоровья. Она обратилась к прокурору с иском об опротестовании законности своего содержания под стражей. Прокурор получил ее заявление 8-го декабря 1997 г. На следующий день он запросил копию медицинского заключения о состоянии здоровья заявительницы. Заключение было получено 2-го января 1998 г., после чего прокурор обратился в компетентный суд по поводу незамедлительного освобождения заявительницы. Она была освобождена с испытательным сроком 14-го января 1998 г., а 26-го февраля того же года было принято решение об ее окончательном освобождении. Суд постановил, что в расчет следует принимать период времени, начиная со дня получения прокурором прошения об освобождении, до того дня, когда заявительница была освобождена с испытательным сроком. В общем, этот период составил пять месяцев. Суд счел его неоправданно долгим.

Статья 5(4) не гарантирует апелляцию решения о законности содержания под стражей, однако все доступные задержанному апелляции должны рассматриваться незамедлительно.

- В деле **Hutchison Reid v United Kingdom (2003 г.)** заявителю было отказано в удовлетворении ходатайства об освобождении из-под стражи. Он смог подать апелляции в три дальнейшие инстанции в попытке опротестовать отказ. Общая продолжительность разбирательства от первоначальной подачи заявления до последней апелляции составила три года и почти 10 месяцев. Суд отметил, что частичной причиной задержки стал сам заявитель, однако, главным

образом, ответственность за нее лежит на государственных органах. Суд признал, что заявление об освобождении не было рассмотрено в достаточно быстрые сроки.

4.3.4 Регулярный пересмотр правомерности заключения под стражу

В делах, где изменения фактических обстоятельств или вновь возникшие вопросы могут с течением времени повлиять на законность продления срока содержания под стражей, задержанный имеет право на регулярный пересмотр правомерности его содержания под стражей (см. дело **Hutchison Reid**, цитируемое выше, в пар. 69). К таким делам относится содержание лиц в психиатрических клиниках с целью лечения, пожизненное заключение осужденных преступников, если «пожизненный» приговор включает в себя обязательные и дискреционные элементы (как только срок заключения достигает дискреционной стадии, осужденный вправе обратиться в суд в попытке опротестовать мнение властей о правомерности его дальнейшего заключения). То же можно сказать и о содержании под стражей несовершеннолетних, особенно если они достигают совершеннолетия, находясь в заключении.

Подозреваемые, находящиеся в предварительном заключении, после первого пересмотра правомерности их содержания под стражей имеют право на регулярное повторение этой процедуры, соблюдая разумные промежутки времени.

- Смотрите, например, дело **Bezicheri v Italy (1989 г.)**, где заявитель был задержан на основании статьи 5(1)(с). Суд признал, что после первичного разбирательства в национальном суде заявитель имел право на регулярный пересмотр решения о содержании его под стражей. В данном случае пересмотр дела по статье 5(4) состоялся менее чем через месяц после первоначального слушания по статье 5(3). Государственные органы сочли подачу второго заявления в столь короткие сроки неоправданной, но Суд выразил свое несогласие, заявив (в пар. 21), что:

«Природа предварительного заключения диктует необходимость пересмотра его правомерности через короткие промежутки времени. Конвенция о защите прав человека предполагает строгие временные ограничения сроков предварительного заключения, поскольку само его предназначение неразрывно связано с требованиями, предъявляемыми к расследованию, которое должно вестись без лишних промедлений».

Вопросы

1. Предусматривает ли национальное законодательство право опротестовывать правомерность содержания под стражей в доступном, независимом, беспристрастном и эффективном суде, уполномоченном выносить решения об освобождении?
2. Разрешается ли в судах проведение состязательных процессов, гарантирующих равенство сторон?
3. Существуют ли в законе положения, гарантирующие задержанным право доступа к соответствующим государственным документам?
4. Доступна ли юридическая помощь особенно уязвимым группам населения, например, душевнобольным?
5. Существует ли доступная процедура, позволяющая заявителями регулярно опротестовывать продление срока их содержания под стражей, в частности, в свете изменившихся обстоятельств?
6. Возможно ли проведение подобных процедур при каждом повторном возобновлении решения о содержании под стражей?
7. Существуют ли судебные процедуры, позволяющие лицу, подлежащему высылке или выдаче, обжаловать справедливость принятого решения? Являются ли суды, рассматривающие такого рода иски, независимыми, и уполномочены ли они принимать решения об освобождении?

8. Существует ли, например, автоматическое право апелляции решения о высылке, выдаче или иной процедуре выдворения из страны?
9. Существуют ли судебные процедуры, позволяющие заявителю опротестовать срок заключения в ожидании высылки из страны? Являются ли суды, рассматривающие такого рода иски, независимыми, и уполномочены ли они принимать решения об освобождении?
10. Оказывается ли необходимая помощь иностранцам, с учетом языковых и образовательных сложностей, а также существующих культурных различий?

4.4 Право на компенсацию – статья 5(5)

Статья 5(5) предусматривает на национальном уровне реальное право на возмещение ущерба, связанного с неправомерным содержанием под стражей. Чтобы добиться реализации этого права, заявитель должен доказать факт нарушения одного из параграфов статьи 5. В этом отношении, Суд может полагаться на заключение национального суда о факте нарушения статьи 5 (в случае отказа в возмещении ущерба, связанного с данным нарушением). Либо при отсутствии подобного заключения Суд может самостоятельно исследовать вопрос о факте нарушения данной статьи.

Выполняя требования статьи 5(5), заявитель должен иметь возможность представить свой иск в национальный суд, после чего он вправе ожидать обеспеченного правовой санкцией решения дела в свою пользу. Нарушение требований статьи 5(5) отмечается в тех случаях, когда средство правовой защиты не может применяться принудительно, например, если оно предоставляется уполномоченным по рассмотрению жалоб или заключается в добровольных государственных выплатах. Европейская комиссия по правам человека предлагает рассматривать возмещение ущерба шире, нежели простые финансовые компенсации, однако не указывает, что именно может входить в это понятие (см. доклад Комиссии по делу **Bozano v France**). В настоящий момент под возмещением ущерба принято понимать финансовую компенсацию. Судебное решение об освобождении задержанного не отменяет необходимости выплаты компенсации, поскольку это отдельное право, гарантируемое статьей 5(4).

Статья 5(5) не запрещает государству производить возмещение убытков в зависимости от способности заинтересованного лица продемонстрировать объем ущерба, связанного с нарушением статьи (см. дело **Wassink v Netherlands (1990 г.)**). Понятие «потерпевший» может фигурировать в деле даже в отсутствие какого-либо ущерба, но вопрос о «возмещении» может стоять лишь в случае нанесения материального или нематериального ущерба. Такого рода ущерб может заключаться в следующем:

- Финансовый ущерб;
- Боль и страдания; а также
- Эмоциональное расстройство

Тем не менее, в своем решении о справедливом возмещении ущерба по статье 41 Конвенции Суд признал, что «факт нанесения отдельных форм нематериального ущерба, включая эмоциональные расстройства, по природе своей не может быть объективно доказан» (см. дело **Rakevich v Russia (2003 г.)**). В таких обстоятельствах Суд обычно удовлетворяет иск, если считает возможным предположить, что заявитель действительно понес ущерб, требующий финансовой компенсации.

Конвенция не содержит точных указаний в отношении объема компенсаций. Европейская комиссия в своих замечаниях по делу **X. v United Kingdom (1981 г.)**, среди прочего, указывает, что объем выплат должен отражать серьезность нарушения вышеупомянутой статьи.

Вопросы

1. Предусмотрено ли реальное право на возмещение ущерба, связанного с нарушением прав, предусмотренных статьей 5?
2. Если да, то отражает ли объем предоставляемых выплат серьезность нарушения?

5 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ СТАТЬИ 5

5.1 Лишение свободы лиц негосударственными субъектами

Вопрос о том, ответственно ли Государство за лишение свободы в рамках статьи 5 является довольно понятным в большинстве дел, рассматриваемых в Суде, поскольку обычно именно государственные органы напрямую участвуют в лишении свободы, к примеру, посредством уголовного судопроизводства, иммиграционной службы или через систему здравоохранения. В этих случаях применяются «негативные обязательства» Государства в рамках статьи 5.

Однако в некоторых делах остается неясным, может ли лишение свободы быть вменено в вину Государству, в особенности, когда за это напрямую отвечают негосударственные субъекты. В таких делах, даже если невозможно установить, что Государство несет ответственность за нарушение своих «негативных обязательств» в рамках статьи 5, на Государство могут быть возложены позитивные обязательства (в том числе процедурные обязательства), аналогичные его обязательствам в рамках статей 2 и 3 Конвенции. Также как и в случаях применения статей 2 и 3, такие обязательства вытекают из обязательства Государства в рамках статьи 1 Конвенции – обеспечивать права и свободы согласно Конвенции на уровне внутригосударственного права для каждого, находящегося в его юрисдикции.

В деле **Storck v Germany (2005 г.)**, Суд изложил несколько аспектов, которые могут повлечь ответственность Государства в рамках статьи 5. Речь в деле шла о женщине, которая по требованию своего отца содержалась в течение двадцати месяцев в частной психиатрической клинике, где ей было назначено интенсивное лечение. Суд решил, что, поскольку она не давала своего согласия на лечение и неоднократно пыталась бежать из клиники, то имел место факт лишения свободы. Основной задачей было определить, несет ли Государство ответственность в рамках статьи 5. Суд согласился со сторонами, что существовало три аспекта, которые могли повлечь ответственность Германии согласно Конвенции за содержание заявительницы в частной клинике в Бремене. Во-первых, лишение ее свободы могло быть вменено в вину Государству ввиду непосредственного участия официальных властей в содержании заявительницы под стражей. Во-вторых, можно было признать, что Государство нарушило статью 5(1) в том, что его суды не смогли правильно истолковать положения гражданского законодательства в отношении иска заявительницы о компенсации в духе статьи 5. В-третьих, Государство могло нарушить свое позитивное обязательство – обеспечить защиту заявительницы от посягательств на свободу со стороны частных лиц. Суд продолжил изучение каждого из этих аспектов:

- *Непосредственное участие официальных властей.* Очевидно, что заключение заявительницы не было санкционировано судом или иным государственным органом, и со стороны государственных органов не существовало системы контроля законности и условий заключения. Однако полиция помогла вернуть заявительницу назад в клинику после ее побега и отказалась провести расследование, в ответ на ее открытый протест против возвращения в клинику. В данных обстоятельствах, Государство несло прямую ответственность с того дня, как в дело была вовлечена полиция.
- *Неспособность истолковать национальное законодательство в духе статьи 5.* Суд отметил, что его задача состояла в том, чтобы понять, являлись ли последствия толкования внутреннего права совместимыми с Конвенцией. Государства-участники Конвенции, в частности, их суды, обязаны применять положения внутреннего законодательства в духе прав, гарантированных Конвенцией. В данном деле национальный апелляционный суд отклонил иск заявительницы о компенсации ущерба в связи со сроком давности, считая, что она обладала достаточной осведомленностью, чтобы подать иск, находясь в клинике. Суд сравнил строгое применение временных рамок со своими процессуальными нормами согласно статье 35(1), в которой

учитываются особые обстоятельства, оправдывающие перерыв или приостановление сроков исковой давности. В данном деле заявительницу лечили сильнодействующими препаратами, что должно было оправдать увеличение срока исковой давности, принятого в национальном законодательстве. Суд также установил, что решение апелляционного суда о том, что существовали договорные отношения, согласно которым заявительница была согласна со своим пребыванием и лечением в клинике, было произвольным и в нарушение статьи 5.

- *Соблюдение позитивных обязательств Государства.* Суд сослался на свою предыдущую судебную практику в связи с тем, что статьи 2, 3 и 8 Конвенции обязывают Государство не только воздерживаться от активного вмешательства своих представителей в права, являющиеся предметом судебного рассмотрения, но и предпринимать соответствующие шаги для обеспечения защиты от посягательств на такие права со стороны, как государственных агентов, так и частных лиц. С точки зрения суда, первое предложение статьи 5(1) должно однозначно толковаться как наложение позитивного обязательства на Государство – защищать свободу своих граждан. В рамках статьи 5 Государство обязуется: «принимать меры по эффективной защите уязвимых лиц, в том числе разумные шаги с целью предотвращения лишения свободы, о котором власти знали или должны были знать». В этом деле, ни один инспектор общественного здравоохранения не оценивал, было ли оправданным содержание заявительницы в клинике. Кроме того, Государство не контролировало законность ее заключения в течение примерно двадцати месяцев. Хотя в законодательстве Германии присутствовали средства правовой защиты, имеющие обратную силу, для находящихся в ситуации заявительницы, Суд не считал их достаточными. Суд заключил, что государство-ответчик нарушило свое существующее позитивное обязательство – обеспечивать защиту заявительницы от посягательств на свободу со стороны частных лиц – в нарушение первого предложения статьи 5(1), Конвенции.

5.2 «Юрисдикция государства» в рамках статьи 1

Каждая Договаривающаяся Сторона несет ответственность только за нарушения статьи 5, которые происходят в «пределах ее юрисдикции» в целях статьи 5 Конвенции. Однако нарушение статьи 5 за пределами территории Договаривающейся Стороны может считаться в «пределах ее юрисдикции» в целях Конвенции, если задействуются ее агенты.

- В деле **Ocalan v Turkey (2005 г.)**, власти Кении передали заявителя агентам Турции сразу после его прибытия в Кению. В своем иске он заявлял, что был лишен свободы Турцией незаконно, без соблюдения соответствующих процедур по экстрадиции, в нарушение статьи 5(1). Хотя рассматриваемые события произошли за пределами территории Турции и за пределами правового пространства (*espace juridique*) Европейской Конвенции о защите прав человека, Суд постановил, что заявитель находился в пределах «юрисдикции» Турции согласно значению статьи 1 Конвенции. В пункте 91 Суд отметил следующее:

«Общая позиция заключается в том, что сразу после передачи заявителя властями Кении представителям турецких властей, он находился в фактической власти турецкого государства, и потому под «юрисдикцией» этой страны в целях статьи 1 Конвенции, несмотря на то, что в данном случае Турция применила свою власть за пределами своей территории. Правда, что заявитель был насильственно принужден турецкими властями вернуться в Турцию, и находился под их властью и контролем после ареста и возвращения в Турцию (см., в этом отношении, вышеупомянутые решения по делам *Illich Ramirez Sánchez v. France* и *Freda v. Italy*; и, по обратному смыслу, решение по делу *Banković and Others v. Belgium and 16 Other Contracting States* ((dec.) [GC], no. 52207/99, ECHR 2001-XII).»

Также смотрите дело **Ilaşcu and Others v Moldova and Russia (2004 г.)**.

5.3 Отступления, предусмотренные статьей 15

Статья 15 Конвенции разрешает государству-участнику Конвенции отступать от своих обязательств в рамках статьи 5 в случае войны или другой чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни нации в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим его обязательствам по международному праву.

В последние годы возросла важность данного положения в отношении статьи 5 в связи с продолжающейся «войной с терроризмом». Например, в 2001 году Великобритания заявила Генеральному Секретарю Совета Европы об отступлении от своих обязательств по Конвенции относительно законодательства по предотвращению терроризма, которое разрешало задержание иностранных граждан, подозреваемых в причастности к международному терроризму. Предыдущее отступление, связанное с Северной Ирландией, принятое после судебного решения по делу **Brogan**, расширяло полномочия властей Великобритании по задержанию и заключению под стражу, позволяя содержание под стражей до 48 часов после ареста и, в случае санкционирования судебной властью, еще в течение 5 суток. Соответствие этого отступления статье 15 было подтверждено Судом в деле **Brannigan and McBride** (обсуждаемом ниже).

В делах, в которых Государство поднимает вопрос существования отступления, Суд сначала, как правило, решает, имело ли место нарушение права согласно Конвенции, и лишь затем, применимо ли такое отступление. Существуют два принципиальных условия применимости любого отступления – (1) существование войны или другой чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни нации, и (2) меры в отступление от обязательств должны требоваться крайней необходимостью ситуации.

Суд обычно предоставляет государству широкие пределы оценки существования угрозы и мер, необходимых для ее разрешения. Однако это усмотрение ограничено тем, что оно должно «требоваться крайней необходимостью ситуации». Дело **Brannigan** является наиболее известным случаем отступления от статьи 5.

- В деле **Brannigan and McBride v United Kingdom (1993 г.)** заявители удерживались под стражей в соответствии с антитеррористическим законодательством Великобритании, вскоре после того, как правительство Великобритании приняло отступление, касающееся содержания под стражей лиц, подозреваемых в терроризме, в рамках статьи 15 Конвенции. Они заявляли о нарушении статьи 5(3), согласно которой они должны были предстать незамедлительно перед судом. Правительство Великобритании, в целом, признало, что нарушение статьи 5 имело место, но заявляло, что это было оправдано отступлением от выполнения обязательств. Суд счел, что Государство обладает широкими пределами усмотрения в делах, связанных с отступлением от обязательств, которые, тем не менее, сопровождаются европейским контролем в отношении необходимости данных мер. С точки зрения Суда, несомненно, существовала чрезвычайная ситуация в Северной Ирландии в соответствующий период времени. Основным вопросом заключался в том, были ли меры, оспариваемые в суде, необходимыми. В этом отношении, Суд отметил, что судебный контроль над вмешательством исполнительной власти в осуществление права лица на свободу основан на одном из основополагающих принципов демократического общества, а именно принципе верховенства права.
 - o Во-первых, Суд продолжил расследование того, было ли отступление истинным ответом на чрезвычайность ситуации. Он установил, что право на арест и задержание сверх положенного срока считалось правительством необходимостью продолжительное время. Принятие правительством утверждения о том, что судебный контроль совместимый с положениями статьи 5(3) не может быть осуществим в связи с особыми трудностями,

связанными с расследованием и уголовным преследованием лиц, подозреваемых в терроризме, сделал отступление неизбежным.

- o Во-вторых, Суд рассмотрел, являлось ли отступление преждевременным, поскольку правительство еще рассматривало способы решений, не противоречащих статье 5(3), не прибегая к отступлению. Суд заключил, что правомерность отступления не может быть подвергнута сомнению единственно из-за того, что правительство решило изучить, возможно ли в будущем найти решение, которое в большей мере соответствовало бы обязательствам в рамках Конвенции. Такой процесс постоянного рассмотрения вопроса не только соответствует статье 15(3), которая требует постоянного пересмотра необходимости чрезвычайных мер, но и вытекает из сущности понятия пропорциональности.
- o В-третьих, Суд рассмотрел, было ли отсутствие судебного контроля над продлением срока содержания под стражей оправданным. Суд отметил, что существуют трудности расследования и уголовного преследования террористических преступлений, которые вызывают необходимость продления срока задержания, не подлежащего судебному контролю. С учетом пределов усмотрения, Суд был вынужден изменить свое мнение в пользу правительства.
- o В-четвертых, Суд изучил гарантии против злоупотребления со стороны Государства. Суд удовлетворило существование достаточных гарантий защиты от произвола и заключения с лишением права переписки и общения в этом деле, в частности, средство правовой защиты *habeas corpus* для проверки законности первоначального ареста и заключения под стражу, а также существование абсолютного и юридически действительного права на консультацию с адвокатом спустя сорок восемь часов после ареста.

Учитывая характер террористической угрозы в Северной Ирландии, ограниченные меры отступления и причины, побудившие к его принятию, также как и существование основных гарантий защиты против злоупотребления, Суд пришел к заключению, что правительство не превысило пределов усмотрения и что такое отступление требовалось крайней необходимостью ситуации.

Также см. дела **Lawless v Ireland (1961 г.)**; **Ireland v United Kingdom (1978 г.)**; **Aksoy v Turkey (1996 г.)** и **Elci and Others v Turkey (2003 г.)**.

5.4 Возмещение ущерба: статьи 41 и 46

В случае если Европейский суд выносит решение о нарушении Европейской Конвенции о защите прав человека, предоставляемое им средство правовой защиты, является, в первую очередь, декларативным: установление нарушения, подкрепленное вескими доводами. Суд также обладает дискреционным правом согласно статье 41 – «присудить справедливое удовлетворение пострадавшей стороне», которое толкуется, как право Суда выносить решение о компенсации материального ущерба и морального вреда, а также возмещения судебных издержек и расходов. Почти всегда Суд ограничивался данными рамками в контексте предоставления «справедливого удовлетворения». Потому процессуальные нормы Суда не требуют от государства предпринимать дальнейшие шаги, которые возможно могут логически следовать из решения о нарушении Конвенции и оснований, повлекших вынесение такого решения.

За редким исключением, в делах, касающихся нарушений статьи 5, Суд шел дальше и выносил предписание правительству-ответчику обеспечить освобождение заявителя, незаконно содержащегося под стражей. В двух делах в 2004 году Большая Палата Суда впервые вынесла предписание государствам-ответчикам освободить заявителей, остававшихся в заключении при обстоятельствах,

которые Суд счел незаконными, в соответствии с внутренним законодательством и Европейской Конвенцией о защите прав человека. Требование освободить заявителей было дополнено обязательством по выплате компенсации.

Заявитель по первому делу, **Assanidze v Georgia (2004 г.)**, бывший парламентарий, оставался в заключении на территории автономной республики Аджарии в течение трех лет после того, как Верховный Суд Грузии оправдал его и вынес решение об освобождении в 2001 году. Грузинское правительство предпринимало юридические и политические шаги по обеспечению его освобождения, но безуспешно. Большая Палата постановила, что продолжающееся заключение под стражей заявителя являлось актом произвола и в нарушение статей 5(1) и 6(1) Европейской Конвенции. В таких исключительных обстоятельствах и с учетом срочной необходимости прекратить продолжающиеся нарушения статей 5(1) и 6(1), Суд предписал государству-ответчику «обеспечить освобождение заявителя в кратчайший срок». Особым основанием для такого беспрецедентного решения Суда послужил тот факт, что «по своей сути, установленное в рассматриваемом деле нарушение не оставляет никакого другого выбора, кроме того, как предпринять меры, необходимые для его устранения».

Подобное решение было вынесено Большой Палатой в деле **Iascu and Others v Moldova and Russia (2004 г.)**, в котором Суд, в числе прочего, признал, что заявители были задержаны и продолжали незаконно оставаться в заключении на территории «Приднестровской Молдавской Республики», региона Молдовы, который провозгласил свою независимость в 1991 году, но не был признан международным сообществом. Заявители были осуждены «Верховным Судом Приднестровской Молдавской Республики», являющимся незаконным субъектом права согласно международному праву. При вынесении единогласного распоряжения об освобождении заявителя, Суд мотивировал свое решение следующим образом:

«Суд... считает, что любое дальнейшее незаконное и произвольное содержание под стражей трех заявителей, несомненно, повлечет за собой продолжение серьезного нарушения статьи 5, установленного Судом, и нарушение обязательств государств-ответчиков в рамках статьи 46(1) Конвенции исполнять постановления Суда».

«Учитывая основания, по которым Суд признал нарушение Конвенции..., государства-ответчики должны предпринять всевозможные меры по прекращению произвольного содержания под стражей заявителей, все еще находящихся в заключении, и обеспечить их незамедлительное освобождение».

Таким образом, Большая Палата пошла еще дальше в своем решении, чем это было в деле Assanidze, однозначно обозначив, что дальнейшее содержание под стражей заявителей нарушит обязательства государства в рамках статьи 46 – исполнять постановление Европейского Суда. Самое строгое обязательство государства заключалось в обеспечении *незамедлительного* освобождения заявителей, тогда как в деле Assanidze Суд наложил обязательство обеспечить освобождение «в кратчайший срок».

В деле **Yakisan v Turkey (2007 г.)** речь шла о непрерывном содержании заявителя под стражей в ожидании результата уголовного процесса, который длился в течение почти тринадцати лет. Суд решил, что статья 5(3) была нарушена, поскольку заявитель находился в предварительном заключении в течение одиннадцати лет и семи месяцев. Суд также установил нарушение статьи 6(1) вследствие продолжительности уголовного преследования заявителя. Кроме предписания выплатить компенсацию в размере 12000 Евро в качестве возмещения морального ущерба согласно статье 41, Суд также заявил, что считает, что соответствующим решением для прекращения нарушения будет рассмотрение дела заявителя в кратчайшие сроки, с учетом требований должного отправления правосудия, или его освобождение из предварительного заключения в соответствии с требованиями статьи 5(3).

6 ИЗБРАННЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

6.1 Лишение свободы

Guzzardi v Italy (1980 г.)

92. ...Провозглашая «право на свободу», пункт 1 статьи 5 подразумевает физическую свободу личности; его (суда) целью является обеспечение того, чтобы никто не мог быть лишен этой свободы произвольно. Для того, чтобы определить, был ли человек «лишен свободы» по смыслу статьи 5, отправной точкой должна служить конкретная ситуация, и должен учитываться целый ряд критериев, таких как вид, продолжительность, оказываемое воздействие и способ осуществления рассматриваемых мер.

93. Разница между лишением и ограничением свободы заключается только лишь в степени или строгости применяемых мер, а не в их сути или природе. Хотя процесс классификации по принадлежности к одной из этих категорий является зачастую непростой задачей, так как некоторые граничные случаи являются делом субъективного мнения, суд не может избежать этого выбора, от которого зависит применимость или неприменимость статьи 5.

Engel and Others v Netherlands (1976 г.)

59. Для того чтобы определить, был ли человек «лишен свободы» согласно значению статьи 5, отправной точкой должна служить его конкретная ситуация. Военная служба, существующая в государствах-участниках Конвенции, никоим образом не представляет собой лишение свободы согласно Конвенции, что четко оговорено в статье 4(3)(b). Кроме того, довольно широкие ограничения свободы передвижения военнослужащих вызваны особыми требованиями военной службы, поэтому обычные ограничения, сопутствующие этому, не подпадают под действие статьи 5. Каждое государство вправе устанавливать свою собственную систему военной дисциплины и в этом отношении обладает определенной свободой усмотрения. Рамки, за которые согласно требованиям статьи 5 государство не должно выходить, не являются идентичными для военнослужащих и гражданских лиц. Дисциплинарные взыскания или меры, которые рассматриваются как лишение свободы при применении их к гражданскому лицу, могут не обладать той же характеристикой, когда налагаются на военнослужащего. Тем не менее, такие взыскания или меры подпадают под статью 5, если они принимают форму ограничений, коренным образом отличающихся от обычных условий жизни военнослужащих в вооруженных силах государств-участников Конвенции. Для того, чтобы установить наличие такой характеристики, следует учитывать целый ряд факторов, таких как характер, продолжительность, последствия и способ исполнения данного наказания или дисциплинарной меры.

Ashingdane v United Kingdom (1985 г.)

44. Принципиальный вопрос в ходе рассмотрения данного заявления заключается в следующем: может ли, и если может, то в какой степени, выражение «законное заключение душевнобольного лица», толковаться не только в отношении фактического лишения свободы душевнобольных пациентов, но и с учетом обстоятельств заключения, таких как место, окружающая обстановка и условия заключения.

Несомненно, «законность» любого заключения под стражу необходима как при санкционировании, так и при применении меры в виде лишения свободы индивида. Такая «законность», в первую очередь, предполагает соответствие с внутренним законодательством, а также, согласно статье 18, соответствие с целями ограничений, предусмотренными статьей 5(1). В более общем смысле, она

вытекает из основной цели статьи 5(1), которая гласит, что никакое произвольное заключение под стражу ни в коем случае не может считаться «законным». Суд в дальнейшем признает, что должна существовать некая связь между основанием для правомерного лишения свободы и местом, а также условиями содержания под стражей. В принципе, «содержание под стражей» лица, признанного душевнобольным, будет «законным» с точки зрения подпункта (е) пункта 1 только том случае, если оно осуществляется в больнице, клинике или ином соответствующем учреждении, предназначенном для данной цели. Однако, с учетом вышеизложенного, в принципе, статья 5(1)(е) не затрагивает вопрос адекватности лечения или условий содержания.

....

47. Различия между режимами в больницах Broadmoor и Oakwood описаны выше. Хотя эти различия и имели жизненно важное значение для г-на Эшингдэйна и для его качества жизни в заключении, они не могли изменить характер лишения его свободы как душевнобольного пациента. И Broadmoor, и Oakwood являются психиатрическими клиниками, в которых... квалифицированный персонал проявлял постоянную заботу о здоровье и лечении пациента. Следовательно, хотя режим в больнице Oakwood был более свободным и, с точки зрения улучшения психического состояния заявителя, более подходящим для его полного выздоровления, место и условия содержания заявителя соответствовали «законному содержанию под стражей душевнобольных лиц». Поэтому нельзя сказать, что, в нарушение статьи 17, права заявителя на свободу и личную неприкосновенность были ограничены в степени, большей, чем обусловлено статьей 5(1)(е).

Amuur v France (1996 г.)

42. Провозглашая право на свободу, пункт 1 статьи 5 подразумевает физическую свободу личности. Цель данного положения – гарантировать, чтобы никто не был лишен свободы произвольно. С другой стороны, оно, в принципе не затрагивает простые ограничения свободы передвижения; такие ограничения регулируются статьей 2 Протокола № 4. Для определения того, был ли человек «лишен свободы» в значении статьи 5, отправной точкой должна служить данная конкретная ситуация, а также следует учитывать целый ряд факторов, таких как вид, продолжительность, оказываемое воздействие и способ осуществления рассматриваемых мер. Разница между лишением и ограничением свободы заключается только лишь в степени и интенсивности мер, но они не отличаются по сути или природе.

6.2 Исключения: допустимые основания для лишения свободы

6.2.1 Характер исключений

Quinn v France (1995 г.)

42. Суд повторяет, что перечень исключений, касающихся права на свободу, гарантированного в статье 5(1), является исчерпывающим, и только узкое толкование этих исключений допустимо в соответствии с целью и задачами этого положения – гарантировать, чтобы никто не был произвольно лишен свободы. Суд признает, что некоторое промедление при исполнении решения об освобождении задержанного понятно. Однако он отмечает, что в данном деле заявитель оставался в заключении одиннадцать часов после того, как Обвинительная Палата приняла решение о его «незамедлительном» освобождении, причем он не был проинформирован об этом решении, и не было предпринято никаких шагов по исполнению этого решения.

Непрерывное содержание под стражей г-на Куинна 4 августа 1989 года явно не соответствовало подпункту (с) пункта 1 статьи 5 и не подпадало ни под один подпункт этого положения.

43. Следовательно, в этом отношении имело место нарушение статьи 5(1).

Eriksen v Norway (1997 г.)

76. Суд повторяет, что статья 5(1) Конвенции содержит исчерпывающий перечень допустимых оснований для лишения свободы. Однако применимость одного основания необязательно исключает применение другого: заключение под стражу может, в зависимости от обстоятельств, быть оправдано в соответствии с несколькими подпунктами.

6.2.2 «В порядке, установленном законом» и «законный»

Bizzotto v Greece (1996 г.)

31. Суд повторяет, что для того, чтобы соответствовать статье 5(1), рассматриваемое заключение под стражу должно происходить «в соответствии с процедурами, предписанными законом» и быть «законным». Здесь Конвенция ссылается существенным образом на национальное право и устанавливает обязательство следовать материально-правовым и процессуальным нормам национального права, но, в то же время, требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5 – гарантировать защиту личности от произвола.

Scott v Spain (1996 г.)

56. Здесь Конвенция главным образом отсылает к национальному праву и устанавливает обязательство следовать его материально-правовым и процессуальным нормам, но в то же время требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5(1) – гарантировать защиту личности от произвола.

57. Именно государственные органы власти, и, в первую очередь суды, должны толковать и изменять национальный закон. Однако, поскольку несоблюдение национального закона согласно статье 5(1) является нарушением Конвенции, из этого следует, что суд может и должен обладать определенной властью для рассмотрения данного закона на предмет соответствия.

Amuur v France (1996 г.)

50. ... Утверждая, что любое лишение свободы должно осуществляться «в порядке, установленном законом», статья 5(1), прежде всего, требует, чтобы любой арест или заключение под стражу имели под собой правовое основание в национальном законодательстве. Однако эти слова не просто отсылают к национальному законодательству, как выражения «в соответствии с законом» и «предусмотрено законом» во втором пункте статей 8-11. Эти слова также относятся к качеству закона, требуя от него соответствия принципу верховенства права, который присущ всем статьям Конвенции. Для того чтобы удостовериться в том, соответствовал ли факт лишения свободы принципу совместимости с национальным законом, суд должен не только оценить действующее законодательство в рассматриваемой области, но и оценить качество других правовых норм, применимых в отношении рассматриваемых лиц. В этом смысле, качество подразумевает, что, если национальный закон требует лишения свободы, особенно в отношении иностранных лиц, просящих о предоставлении политического убежища, то он должен в достаточной степени быть доступным и точным во избежание риска произвола. Эти характеристики являются крайне важными в отношении лиц, просящих о предоставлении политического убежища, в аэропортах, особенно с точки зрения необходимости увязать гарантию защиты основных прав с требованиями иммиграционной политики государств.

53. Суд подчеркивает, что в период с 9 по 29 марта 1992 года заявители находились в положении лиц, просящих о предоставлении политического убежища, чьи заявления на тот момент находились на стадии рассмотрения. В связи с этим, ни Постановление от 27 мая 1982 года, ни неопубликованный

циркуляр от 26 июня 1990 года (единственный документ на тот момент, устанавливавший процедуры в отношении иностранцев в транзитной зоне) не представляли собой «закон» достаточного «качества» с точки зрения прецедентного права суда. Национальное законодательство должно предоставлять соответствующую правовую защиту от произвольного вмешательства властей в права, гарантированные Конвенцией. В любом случае, Постановление от 27 мая 1982 года не имело отношение к задержанию иностранцев в международной зоне. Вышеупомянутый циркуляр по своей сути состоял из инструкций министра внутренних дел выданных префектам и начальникам полиции, в отношении иностранцев, которым было отказано на границе в разрешении на въезд. Задача документа заключалась в предоставлении руководства по иммиграционному контролю в портах и аэропортах. Кроме того, небольшая часть документа, посвященная задержанию в международной зоне и правам иностранцев, не содержит гарантий, сопоставимых с гарантиями, представленными Законом от 6 июля 1992 года. В то время ни один из этих документов не разрешал судам ординарной юрисдикции пересматривать условия, в которых содержались иностранцы, или, в случае необходимости, налагать ограничения на административные органы власти в отношении продолжительности срока их содержания под стражей. Они не предусматривали меры правовой, гуманитарной и социальной защиты, и не устанавливали процедуры и временные рамки для доступа к такой защите с тем, чтобы лица, ходатайствующие о предоставлении политического убежища, такие как заявители, могли предпринять необходимые шаги.

Кепенеров v Bulgaria (2003 г.)

35. В деле **Varbanov** суд сделал следующие заключения, применимые к настоящему делу (см. пункты 43–53 данного заключения):

«[Д]ействовавший [до февраля 1997] Закон об общественном здравоохранении», не содержал положений, наделяющих обвинителей властью принудительно помещать человека в психиатрическую больницу для психиатрического освидетельствования.

Более того, применимое законодательство, действовавшее в то время, и даже после внесения поправок в 1997 году, не предусматривает получение медицинского заключения в качестве предварительного условия для заключения под стражу с целью принудительного психиатрического освидетельствования, и потому не соответствует требуемым стандартам защиты от произвола.

Таким образом, Суд устанавливает факт нарушения статьи 5(1) Конвенции по причине того, что лишение свободы заявителя не было обоснованным с точки зрения подпункта (е) данного положения и не имело оснований в национальном законодательстве, которое, кроме того, не предоставляет гарантий защиты против произвола, так как не требует получения медицинского заключения».

36. Суд не видит существенного различия в настоящем деле. Заявитель удерживался под стражей в период с 22 февраля по 22 марта 1996 года решением прокурора, который не имел полномочий распоряжаться о заключении заявителя под стражу и не запрашивал предварительной медицинской оценки для выявления необходимости заключения заявителя под стражу. Не существовало возможности получить независимое расследование законности этой меры. Более того, в данном деле в ордере и предписаниях прокурора даже не был указан срок заключения заявителя под стражу.

37. Соответственно, суд признает, что содержание заявителя под стражей не имело оснований согласно внутреннему законодательству, которое, более того, не предоставляло необходимых гарантий защиты против произвола.

38. Следовательно, в этом деле имело место нарушение статьи 5(1) Конвенции.

Menesheva v Russia (2006 г.)

87. Во-первых, Суд отмечает, что впоследствии не было найдено документов, имеющих отношение к первоначальному аресту заявительницы и ее пребыванию в отделении милиции в течение ночи. ... Из этого следует, что в течение приблизительно 20 часов после ареста заявительницы не существовало записей о личности заявительницы, о причинах задержания и предполагаемой длительности заключения. Даже если предположить, что милиция намеревалась предъявить обвинение в административном правонарушении, это не избавляло их от выполнения таких основных формальностей до того, как посадить ее в тюрьму. Сам по себе этот факт должен рассматриваться как самое серьезное нарушение, поскольку согласно традиционному мнению Суда, негласное задержание лиц является полным отрицанием важных основополагающих гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и представляет собой самое серьезное нарушение этого положения. Отсутствие записи таких данных как день, время и место задержания, имя задержанного, причины задержания и имя человека, осуществившего задержание, должно рассматриваться как несоответствие требованию законности и самой цели статьи 5 Конвенции. ...

6.2.3 Законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом – статья 5(1)(а)

Van Droogenbroeck v Belgium (1982 г.)

35. Суд должен определить, имели ли место данные периоды заключения под стражу «после обвинительного приговора», вынесенного Апелляционным судом Гента. Учитывая французский текст, словосочетание «обвинительный приговор» для целей статьи 5(1)(а) следует понимать в значении «признание виновным» после того, как «было установлено, в соответствии с законом, что имело место правонарушение», а также назначение наказания или другой меры, включая лишение свободы. Эти условия были удовлетворены в данном деле. Слово «после» не просто означает, что «заключение под стражу» должно следовать вслед за «вынесением обвинительного приговора» с точки зрения времени, но и «заключение под стражу» должно происходить «после и в зависимости от» или «в силу» «вынесения обвинительного приговора».

Eriksen v Norway (1997 г.)

78. Бесспорно, если суд решает продлить срок превентивного заключения в качестве меры безопасности до истечения установленного срока содержания под стражей (он был приговорен к 120-дневному сроку из максимально возможных 5 лет), то такое продление, в целом, подпадает под определение статьи 5(1)(а) как «содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом». Следует признать, что, с течением времени, связь между первоначальным приговором и продлением срока содержания под стражей может стать слабее и в конечном итоге исчезнуть там, где продление более не имеет связи с целями первоначального решения или было основано на определении, которое являлось неоправданным исходя из этих целей.

Bozano v France (1986 г.)

53. ... Вопрос, подлежащий рассмотрению судом – не приговор к пожизненному заключению г-на Бозано, отбывающего наказание в Италии после «осуждения компетентным судом» в рамках значения подпункта (а), а его лишение свободы во Франции в ночь с 26 по 27 октября 1979 года. Оспоренная принудительная высылка из страны произошла «после» вынесения вышеуказанного приговора только в хронологическом смысле. Однако, в контексте статьи 5(1)(а) предлог «после» указывает на каузальную связь в дополнение к последовательности событий во времени. Он служит для обозначения заключения под стражу «логически вытекающего из», а не просто «последующего за» решением уголовного суда. В данном деле это было не так, поскольку исполнение судебного

решения, вынесенного выездной сессией апелляционного суда Генуи 22 мая 1975 года, не возлагалось на французские власти.

Также в обязанность французских властей не входило обеспечение исполнения судебного решения, поскольку Обвинительная Палата Апелляционного суда Лиможа своим отрицательным решением от 15 мая 1979 года отказала Италии в выдаче заявителя. Следовательно, оспариваемое лишение свободы было не «действием ... с целью выдачи», напротив, оно явилось средством, выбранным для приведения в действие министерского приказа от 17 сентября 1979 года, окончательной стадией «действия ... с целью высылки». Поэтому подпункт (f) применим только в отношении последних слов.

6.2.4 Неисполнение законного решения суда и гарантия исполнения обязательства, предписанного законом – статья 5(1)(b)

6.2.4.1 Гарантия исполнения обязательства, предписанного законом

Engel and Others v Netherlands (1976 г.)

69. ... Слова «с целью гарантии исполнения любого обязательства, предписанного законом» относятся лишь к тем случаям, когда закон разрешает заключать лицо под стражу с целью принудить его к выполнению особого и конкретного обязательства, которое оно на данный момент выполнить не смогло. Широкое толкование повлекло бы за собой последствия, несовместимые с понятием принципа верховенства права, лежащим в основе Конвенции. К примеру, оно оправдало бы административное интернирование с целью принудить гражданина к выполнению любого требования на основании его общей обязанности подчиняться закону. Однако, из судебной практики Европейского Суда, очевидно, что зачет предварительного заключения (*Untersuchungshaft*) как составной части назначенного позднее наказания, не может устранить нарушение пункта 3 статьи 5, но может иметь последствия только в рамках статьи 50, исходя из того, что эта мера ограничивает причиненный ущерб.

Nowicka v Poland (2002 г.)

62. ... В первую очередь, суд отмечает, что согласно общему мнению заключение заявительницы под стражу подпадает под статью 5(1)(b) Конвенции и является «законным». Учитывая тот факт, что заключение заявительницы осуществлялось во исполнение предписания суда для выполнения ее обязательств по прохождению психиатрического освидетельствования, у суда нет оснований считать иначе.

63. Что касается предварительного содержания под стражей заявительницы, суд отмечает, что, в первом случае, она провела в заключении восемь дней до того, как ей была назначена встреча с психиатрами 2 ноября 1994 года. Ее обследование было завершено в тот же день. Повторному обследованию заявительницы в период с 19 по 26 мая 1995 года предшествовало двадцатисемидневное заключение. Суд считает, что оба периода предварительного заключения не могут быть увязаны с желанием властей обеспечить незамедлительное исполнение обязательств заявительницы. Более того, «чисто технические причины», на которые опирается Государство в контексте срока содержания под стражей, предшествовавшего первому освидетельствованию, не может оправдать содержание заявительницы в заключении в течение восьми дней перед назначением ей краткого осмотра. Учитывая период заключения, суд считает, что власти не смогли сохранить равновесие между важностью обеспечить незамедлительное исполнение рассматриваемых обязательств и важностью права на свободу.

6.2.5 Арест и заключение под стражу лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления – статья 5(1)(с)

6.2.5.1 Уровень подозрения

Fox, Campbell and Hartley v United Kingdom (1990 г.)

32. «Обоснованность» подозрения, на которой должен основываться арест, является неотъемлемой частью гарантии, против произвольного ареста и заключения под стражу, что сформулировано в статье 5(1)(с). ...наличие «обоснованного» подозрения предполагает существование фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что данное лицо могло совершить преступление. Однако то, что может считаться «обоснованными», зависит от всех обстоятельств дела. Об «обоснованности» подозрения, оправдывающей подобные аресты, не всегда можно судить, используя те же принципы, что и в общеуголовных преступлениях. Тем не менее, крайняя необходимость решения дел, связанных с терроризмом, не может оправдывать расширение понятия «обоснованности» до искажения сути гарантии, установленной в статье 5(1)(с).

34. ...Статья 5(1)(с) Конвенции не должна использоваться для установления несоразмерных трудностей на пути полицейских властей государств-участников Конвенции в принятии эффективных мер для противодействия организованному терроризму. Из этого следует, что нельзя просить государства-участников Конвенции доказать обоснованность подозрения, подтверждающего арест подозреваемого террориста, путем раскрытия конфиденциальных источников подтверждающей информации или даже фактов, способствующих установлению таких источников или их идентификации. Тем не менее, суд должен иметь возможность удостовериться в том, была ли обеспечена сущность гарантии права, предусмотренная статьей 5(1)(с). Следовательно, государство-ответчик должно представить, по меньшей мере, какие-либо факты или информацию, способные убедить суд в том, что арестованный обоснованно подозревается в совершении предполагаемого преступления. Это более чем необходимо в тех случаях, в которых, как в данном деле, внутренний закон не требует обоснованного подозрения, а устанавливает более низкий порог, требуя лишь добросовестного подозрения.

Demir and Others v Turkey (1998 г.)

41. Надо сказать, суд уже неоднократно признавал, что расследование террористических преступлений, бесспорно, представляет для властей особые проблемы. Однако это не означает, что власти обладают полной свободой действий в рамках статьи 5 – арестовывать подозреваемых и заключать их под стражу, без эффективного контроля со стороны местных судов, и, в последней инстанции, наблюдательных органов Конвенции, в любой момент, когда бы они не решили, что совершено террористическое преступление.

Margaret Murray v United Kingdom (1994 г.)

55. Целью допроса в ходе задержания согласно подпункту (с) статьи 5 является дальнейшее продвижение уголовного расследования путем подтверждения или опровержения конкретного подозрения, явившегося основанием для ареста. Таким образом, факты, вызывающие подозрение, не должны быть такого же уровня, что и факты, необходимые для обоснования осуждения или даже для предъявления обвинения, которое происходит на следующем этапе процесса расследования уголовного преступления.

56. Возможная продолжительность срока лишения свободы также может быть существенным фактором при определении необходимого уровня подозрения.

57. Что касается непосредственно «обоснованности» подозрения, то принципы, изложенные в решении суда по делу *Fox, Campbell and Hartley*, должны быть применимы в настоящем деле, хотя, как было подчеркнуто в том судебном решении, наличие или отсутствие обоснованного подозрения в конкретном деле целиком зависит от конкретных фактов.

58. ...Использование конфиденциальной информации является важным элементом в борьбе с терроризмом и угрозой, которую представляет организованный терроризм для жизни граждан и демократического общества в целом. Однако это не означает, что следственные власти обладают полной свободой действий согласно статье 5 для ареста подозреваемых с целью допроса, без эффективного контроля со стороны национальных судов или, наблюдательных органов Конвенции, всякий раз, когда они решат удостовериться в причастности к терроризму.

6.2.5.2 Правонарушение

Guzzardi v Italy (1980 г.)

102. ... На первый взгляд, более вероятна гипотеза того, что обжалованная мера была принята, потому что «обоснованно считалось необходимым предотвратить совершение преступления [г-ном Гуццарди]» или, с другой стороны, «побег после совершения преступления». Однако, в этом случае также возникает вопрос о «законности» данной меры, так как исключительно на основании актов 1956 и 1965-х годов, распоряжение о принудительном поселении по существу, не говоря уже о способе его осуществления, не является лишением свободы. Также было необходимо рассмотреть, были ли учтены требования пункта 3 статьи 5. В любом случае, рассматриваемая фраза не применима к политике общего предупреждения, направленной против личности или группы личностей, которые, как мафиози, представляют опасность из-за склонности к совершению преступления. Она лишь предоставляет государствам-участникам Конвенции средства для предотвращения конкретных и специфических правонарушений. Это положение можно рассматривать как с точки зрения использования единственного числа («правонарушение», «celle-ci» во французском тексте), так и с точки зрения цели статьи, а именно, – гарантировать, чтобы никто не был лишен свободы произвольно.

6.2.6 Заключение под стражу несовершеннолетних – статья 5(1)(d)

Nielsen v Denmark (1988 г.)

58. Согласно формулировке, статья 5 применима «к любому лицу». Защита, гарантированная этим положением, безусловно, распространяет свое действие также и на несовершеннолетних, что подтверждено, в числе прочего, в подпункте (d) пункта 1. Этот вопрос не оспаривался в суде.

6.2.6.1 Законное постановление для воспитательного надзора

Bouamar v Belgium (1988 г.)

50. ... Заключение несовершеннолетнего лица в следственную тюрьму необязательно противоречит подпункту (d), даже если оно не является само по себе заключением в целях «воспитательного надзора». Как следует из слов «в целях» («pour»), «заключение под стражу», используемое в тексте, является средством обеспечения того, что рассматриваемое лицо помещается под «воспитательный надзор», но такое помещение не обязательно должно быть немедленным. Также как статья 5(1) признает, в подпунктах (c) и (a), различие между досудебным заключением и заключением после вынесения приговора, так и подпункт (d) не исключает временное заключение под стражу в качестве меры, предваряющей режим воспитательного надзора, причем сама по себе эта мера не включает какую-либо форму воспитательного надзора. Однако, в таких обстоятельствах тюремное

заклучение должно в кратчайший срок сменяться указанным режимом в (открытом или закрытом) учреждении, в котором предусмотрены необходимые условия и ресурсы для этой цели».

52. Заключение несовершеннолетнего лица в следственной тюрьме в условиях фактической изоляции и без поддержки сотрудников, имеющих воспитательную подготовку, нельзя рассматривать как содействие достижению какой-либо воспитательной цели.

D.G. v Ireland (2002 г.)

79. Суд отмечает, что распоряжения о заключении под стражу, оспоренные в настоящем деле, были вынесены после продолжительных и значительных усилий властей различного уровня, обеспечить наилучшие условия для содержания и воспитания заявителя. Тем не менее, прецедентное право суда, изложенное выше, предусматривает, что если государство Ирландии выбрало конституционную систему воспитательного надзора, реализуемого через постановления суда для борьбы с подростковой преступности, то оно было обязано создать соответствующие учреждения, которые отвечали бы требованиям безопасности и воспитательным потребностям такой системы, чтобы соответствовать предписаниям статьи 5(1)(d).

80. Также принято считать, что в контексте заключения под стражу несовершеннолетних, слова «воспитательный надзор» не должны быть приравнены к понятию обучения в школе: говоря о молодом человеке, находящемся под опекой местных властей, воспитательный надзор должен охватывать различные аспекты осуществления родительского права, со стороны местных властей, на благо и для защиты данного лица.

6.2.7 Заключение под стражу с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг – статья 5(1)(e)

Litwa v Poland (2000 г.)

60. Суд отмечает, что слово «алкоголики», в его узком значении, обозначает лиц, имеющих алкогольную зависимость. С другой стороны, в статье 5(1) Конвенции, этот термин употребляется в контексте наряду с некоторыми другими категориями лиц, а именно: лицами, распространяющими инфекционные заболевания, душевнобольными, наркоманами и бродягами. Между всеми этими лицами существует взаимосвязь: они могут быть лишены свободы либо для получения медицинского лечения, либо в целях, продиктованных общественной политикой, либо как на медицинском, так и на общественном основаниях. Таким образом, можно сделать логическое заключение в данном контексте, что основной причиной, по которой Конвенция разрешает лишать свободы лиц, упомянутых в пункте 1(e) статьи 5, является не только угроза общественной безопасности, но также их собственные интересы могут вызывать необходимость их заключения под стражу.

6.2.7.1 Заключение под стражу душевнобольных

Winterwerp v Netherlands (1979 г.)

37. Конвенция не определяет, что нужно понимать под словами «душевнобольные лица». Этот не тот термин, которому можно дать окончательное определение. Как было отмечено Комиссией, Государством и заявителем, это термин, значение которого постоянно меняется вместе с развитием исследований в области психиатрии; методы лечения становятся более гибкими, и меняется отношение общества к душевным заболеваниям, в частности, при этом в обществе растет понимание проблем душевнобольных пациентов.

В любом случае, очевидно, что подпункт (е) статьи 5(1) не допускает заключение лица под стражу только потому, что его взгляды или поведение не соответствуют нормам, преобладающим в данном обществе. Любая другая позиция несовместима со статьей 5(1), которая определяет исчерпывающий перечень исключений, требующих узкой интерпретации, и не соответствует цели и предмету статьи 5(1), а именно, – гарантировать, чтобы никто не был лишен свободы посредством произвола. Более того, такая позиция не принимает во внимание важность права на свободу в демократическом обществе.

39. Комиссия также подчеркивает, что не должно быть никакого элемента произвола; она делает вывод о том, что никто не может быть лишен свободы как «душевнобольное лицо» без медицинского освидетельствования, устанавливающего, что его душевное состояние оправдывает принудительную госпитализацию. Заявитель и Государство выражают схожее мнение. Суд полностью согласен с этим ходом рассуждений. По мнению суда, за исключением случаев крайней необходимости, лицо, имеющее отношение к делу, не должно лишаться свободы до тех пор, пока не будет убедительных доказательств его «психического расстройства». Сама сущность того, в чем следует убедить компетентные государственные органы – наличие психического расстройства, – требует объективной медицинской экспертизы. Кроме того, душевное расстройство должно быть такого рода или такой степени, которые оправдывали бы обязательное лишение свободы. И, более того, обоснованность длительного лишения свободы зависит от стойкости такого расстройства.

Varbanov v Bulgaria (2000 г.)

45. Суд вновь обращается к своему действующему прецедентному праву, согласно которому, лицо не может считаться «душевнобольным» и лишаться свободы, пока не будут соблюдены три следующих минимальных условия: во-первых, должно быть достоверно доказано, что лицо является душевнобольным; во-вторых, психическое расстройство должно быть такого рода или такой степени, которые оправдывало бы принудительное заключение; в-третьих, обоснованность длительного срока заключения зависит от стойкости такого расстройства.

46. Суд далее повторяет, что необходимый элемент «законности» заключения под стражу в значении 5(1)(е) – отсутствие произвола. Поскольку лишение свободы – весьма суровая мера, оно может быть оправдано лишь в том случае, когда после рассмотрения вопроса о прочих, менее суровых мерах, они были признаны недостаточными для защиты интересов данного лица или общества, которые могут потребовать заключения данного лица под стражу. Надлежит доказать, что в данных обстоятельствах заключение под стражу обусловлено необходимостью.

Johnson v United Kingdom (1997 г.)

61. ...С точки зрения [суда], если экспертный орган установил, что психическое расстройство, повлекшее принудительное заключение пациента, больше не сохраняется, то это отнюдь не означает, что последний должен быть немедленно и безусловно возвращен в общество. Такой негибкий подход к толкованию данного условия оказывал бы неприемлемое давление на осуществление права органов власти определять, в каждом конкретном случае, и на основании сопутствующих обстоятельств, были ли учтены все интересы, как пациента, так и сообщества, в которое он будет возвращен в ходе выполнения такого решения. Также необходимо отметить, что когда речь идет о психическом расстройстве, определение того, служит ли исчезновение симптомов болезни подтверждением полного выздоровления, не является точной наукой. Является ли выздоровление в конкретном случае психического расстройства, ставшего причиной тюремного заключения, полным и определенным, или лишь временным, не может быть установлено с полной уверенностью во всех случаях. Поведение пациента в период нахождения на свободе вне психиатрического учреждения будет решающим в этом деле.

62. В этом отношении стоит напомнить, что суд в своем решении по делу *Luberti* признал, что окончание содержания под стражей лица, которое ранее было признано судом душевнобольным и представляющим опасность для общества – дело, которое касается как вышеупомянутого лица, так и общества, в котором он будет жить в случае своего освобождения. Принимая во внимание насущные интересы, находящиеся под угрозой, и, в частности, серьезную природу преступления, совершенного г-ном Луберти, будучи душевнобольным человеком, в данном деле было признано, что ответственные власти имели полномочия осуществлять процессуальные действия с осторожностью, и им потребовалось некоторое время для принятия решения об окончании содержания его под стражей, даже после получения медицинского заключения о его выздоровлении.

Aerts v Belgium (1998 г.)

46. Суд повторяет, что для того, чтобы соответствовать статье 5(1), заключение под стражу в рассматриваемом деле должно осуществляться «согласно процедуре, предписанной законом» и должно быть «законным». Конвенция в данном случае отсылает существенным образом к национальному законодательству и устанавливает обязательство следовать материально-правовым и процессуальным нормам национального права, а также требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало основной цели статьи 5 – гарантировать защиту человека от произвола.

Далее, должна существовать некая взаимосвязь между основаниями допустимого лишения свободы, на которые опирались в данном случае, и местом, а также условиями заключения под стражу. В принципе, «заключение под стражу» лица в качестве душевнобольного пациента может быть «законным» в целях подпункта (е) пункта 1 лишь в том случае, если оно осуществляется в больнице, клинике или ином соответствующем учреждении.

Litwa v Poland (2000 г.)

60. Суд отмечает, что слово «алкоголики», в его узком значении, обозначает лиц, имеющих алкогольную зависимость. С другой стороны, в статье 5(1) Конвенции, этот термин употребляется в контексте наряду с некоторыми другими категориями лиц, а именно: лицами, распространяющими инфекционные заболевания, душевнобольными, наркоманами и бродягами. Между всеми этими лицами существует взаимосвязь: они могут быть лишены свободы либо для получения медицинского лечения, либо в целях, продиктованных общественной политикой, либо как на медицинском, так и на общественном основаниях. Таким образом, можно сделать логическое заключение в данном контексте, что основной причиной, по которой Конвенция разрешает лишать свободы лиц, упомянутых в пункте 1(е) статьи 5, является не только угроза общественной безопасности, но также их собственные интересы могут вызывать необходимость их заключения под стражу.

61. Такое основание закона (*ratio legis*) указывает на то, каким образом термин «алкоголики» должен пониматься в свете предмета и цели статьи 5(1)(е) Конвенции. Он указывает на то, что предмет и цель этого положения не могут толковаться только как разрешающее заключение под стражу «алкоголиков» в ограниченном смысле этого слова, т.е. лиц находящихся в клинической стадии «алкоголизма». Суд указывает, что согласно статье 5(1)(е) Конвенции лица, которым не поставлен диагноз «алкоголизм», но чье поведение и действия в состоянии алкогольного опьянения представляют угрозу общественному порядку или же им самим, могут быть заключены под стражу для защиты общества или их собственных интересов, таких как здоровье и личная безопасность.

62. Это не означает, что статья 5(1)(е) Конвенции может быть интерпретирована как разрешающая заключение под стражу лица исключительно на основании алкогольного опьянения. Однако суд считает, что в тексте статьи 5 нет ничего такого, что говорит о том, что это положение препятствует

применению данной меры Государством в отношении лица, злоупотребляющего алкоголем, с целью предотвращения вреда, который причиняет этот человек сам себе и обществу в состоянии алкогольного опьянения; либо для предотвращения опасного поведения после употребления алкоголя. Виду этого, суд отмечает, что, без сомнения, злоупотребление алкоголем представляет угрозу обществу и что лицо, находящееся в состоянии интоксикации, может представлять опасность для самого себя и других лиц, вне зависимости от того, является ли он алкоголиком или нет.

6.2.7.2 Бродяги

De Wilde, Ooms and Versyp (“Vagrancy”) v Belgium (1971 г.)

68. Конвенция не содержит определения термина «бродяга». Определение статьи 347 Уголовного кодекса Бельгии гласит: «бродяги – это лица, не имеющие постоянного места жительства, средств к существованию, постоянного занятия или профессии». Когда выполняются эти три условия, компетентные органы могут распорядиться о том, чтобы данное лицо было отдано в распоряжение государства как бродяга. Процитированное определение никоим образом не противоречит обычному значению термина «бродяга», и суд полагает, что лицо, признанное бродягой в соответствии со статьей 347, в принципе, подпадает под исключение, предусмотренное в статье 5(1)(e) Конвенции.

6.2.8 Заключение под стражу лиц, ожидающих высылки или выдачи – статья 5(1)(f)

Quinn v France (1995 г.)

42. Суд признает, что некоторая отсрочка в исполнении решения об освобождении лица, находящегося под стражей, объяснима. Однако он отмечает, что в данном деле заявитель оставался в заключении одиннадцать часов после того, как Обвинительная Палата приняла решение о его «незамедлительном» освобождении, причем он не был проинформирован об этом решении, и не было предпринято никаких шагов по исполнению этого решения. Непрерывное содержание под стражей г-на Куинна 4 августа 1989 года явно не соответствовало подпункту (c) пункта 1 статьи 5 и не подпадало ни под один подпункт этого положения

Chahal v United Kingdom (1996 г.)

112. Статья 5(1)(f) не требует, чтобы заключение под стражу лица, против которого предпринимаются меры по его высылке, оправданно считалось необходимым, например, для того, чтобы предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться; в этом отношении статья 5 (1)(f) предусматривает иной уровень защиты, чем статья 5(1)(c). Действительно, единственное, что требуется в соответствии с этим положением, – это, чтобы «предпринимались меры по высылке». Поэтому, с точки зрения статьи 5(1)(f) несущественно, будет ли выносимое решение о высылке оправдано с точки зрения национального права или Конвенции.

113. Однако Суд напоминает, что любое лишение свободы в соответствии со статьей 5(1)(f) оправдано только на время рассмотрения дела о высылке. Если такое рассмотрение не выполняется с соблюдением надлежащих процедур, то задержание перестает быть допустимым в соответствии со статьей 5(1)(f).

Amuur v France (1996 г.)

41. Суд, в первую очередь, отмечает, что в четвертом пункте Преамбулы к своей Конституции от 27 октября 1946 (включенной в нее 4 октября 1958), Франция провозгласила право на убежище «на территориях республики» для «каждого, преследуемого за его действия ради свободы». Франция

также является участницей Женевской Конвенции 1951 года о статусе беженцев, статья 1 которой определяет термин «беженец» как «любое физическое лицо, которое [имеет] обоснованный страх быть преследуемым по расовой, религиозной, национальной причинам, по причине принадлежности к какой-либо социальной группе или политическому убеждению». Суд также отмечает, что многие государства-члены Европейского Совета сталкиваются уже на протяжении нескольких лет с увеличивающимся потоком лиц, просящих о предоставлении убежища. Он осознает трудности, связанные с принятием лиц, просящих убежища, в большинстве крупных европейских аэропортов, и в рассмотрении заявлений беженцев. Государства-участники имеют неопровержимое суверенное право контролировать въезд иностранцев и проживание на их территории. Однако Суд подчеркивает, что это право должно использоваться в соответствии с положениями Конвенции, в том числе в соответствии со статьей 5.

....

43. Содержание иностранцев в международной зоне действительно подразумевает ограничение свободы, но оно несопоставимо с тем ограничением свободы, которое существует в центрах для содержания лиц, ожидающих высылки. Подобное содержание под стражей, с соблюдением необходимых гарантий защиты лиц, о которых идет речь, приемлемо только для того, чтобы государства могли предотвратить незаконную иммиграцию, не нарушая своих международных обязательств, в частности, в рамках Женевской Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Европейской Конвенции о защите прав человека. Законный интерес государств – противостоять возрастающему числу попыток обойти иммиграционные предписания – не должен лишать лиц, просящих убежища, защиты, предусмотренной этими конвенциями. Подобное содержание под стражей не должно чрезмерно продлиться, иначе возникнет риск превращения простого ограничения свободы, – неизбежного в целях практической реализации возвращения иностранца на родину, или во время рассмотрения заявления о въезде на территорию страны, если он подал прошение о предоставлении убежища, – в фактическое лишение свободы. В этой связи, необходимо учитывать, что речь идет о мере, принимаемой не по отношению к тем, кто совершил уголовное преступление, а в отношении иностранцев, которые, зачастую опасаясь за свою жизнь, вынуждены были покинуть свою страну. Хотя, в силу обстоятельств, распоряжение о заключении под стражу должно выдаваться административными или полицейскими властями, продление срока содержания под стражей требует скорейшего рассмотрения судами – традиционными блюстителями личных свобод. Главным образом, подобное содержание под стражей не должно лишать лица, просящего убежища, права получить беспрепятственный доступ к процедуре по определению статуса беженца.

...

48. Сам по себе факт, что у просителей убежища есть возможность добровольно покинуть страну, где они хотят получить убежище, не может исключить ограничение свободы, поскольку право покидать любую страну, включая свою собственную, гарантируется Протоколом № 4 к Конвенции. Более того, такая возможность становится теоретической, если никакая другая страна, предлагающая защиту сравнимую с той, что они надеются получить в государстве, где просят убежища, склонна или готова их принять. Возврат заявителей в Сирию стал возможным, не говоря о практических сложностях организации поездки, после переговоров между французскими и сирийскими властями. Гарантии последних зависели от особенностей дипломатических отношений, учитывая тот факт, что Сирия не была связана обязательствами в рамках Женевской Конвенции о статусе беженцев.

6.3 Процессуальные гарантии

6.3.1 Арест и предъявление обвинений

van der Leer v Netherlands (1990 г.)

27. Суд не забывает о дополнительном значении слов, используемых в уголовном праве, в статье 5(2). Однако он согласен с Комиссией, что их следует толковать «автономно», в частности, в соответствии с целью и задачей статьи 5 – гарантировать каждому защиту от произвольного лишения свободы. Таким образом, слово «арест» в пункте 2 статьи 5 выходит за рамки мер уголовного закона. Подобно этому, употребляя слова «любое предъявленное обвинение» («toute accusation») в этом положении, составители документа имели намерение не сформулировать условие для его применимости, а указать на возможные случаи, которые он принимает во внимание.

6.3.2 Незамедлительное сообщение лицу на понятном ему языке причин его ареста и предъявленных ему обвинений (статья 5(2))

Fox, Campbell and Hartley v United Kingdom (1990 г.)

40. Пункт 2 статьи 5 содержит основные гарантии того, что любое арестованное лицо должно знать, по какой причине его лишают свободы. Это положение является неотъемлемой частью схемы защиты, гарантированной статьей 5 (Ст. 5). На основании пункта 2, каждому арестованному сообщаются на простом, не технико-юридическом языке, который он может понять, существенные законные и фактические основания для его ареста, с целью предоставить ему возможность, если он сочтет нужным, обратиться в суд, чтобы оспорить законность ареста в соответствии с пунктом 4.

Conka v Belgium (2002 г.)

50. Что касается существа дела, суд повторяет, что пункт 2 статьи 5 содержит основные гарантии того, что любое арестованное лицо должно знать, по какой причине его лишают свободы. Это положение является неотъемлемой частью схемы защиты, гарантированной статьей 5 (Ст. 5). На основании пункта 2, каждому арестованному сообщаются на простом, не технико-юридическом языке, который он может понять, существенные законные и фактические основания для его ареста, с целью предоставить ему возможность, если он сочтет нужным, обратиться в суд, чтобы оспорить законность ареста в соответствии с пунктом 4... Хотя эта информация должна быть сообщена «незамедлительно» (по-французски «dans le plus court délai»), офицер, производящий арест, необязательно должен изложить ее полностью в момент ареста. Было ли переданное содержание и незамедлительность переданной информации достаточными должно оцениваться в каждом конкретном случае в соответствии с его особенностями.

Fox, Campbell and Hartley v United Kingdom (1990 г.)

40. ... Хотя эта информация должна быть сообщена «незамедлительно» (по-французски «dans le plus court délai»), офицер, производящий арест, необязательно должен изложить ее полностью в момент ареста. Было ли переданное содержание и незамедлительность переданной информации достаточными должно оцениваться в каждом конкретном случае в соответствии с его особенностями.

6.3.3 Право быть незамедлительно доставленным к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и на судебное разбирательство или освобождение в течение разумного срока (статья 5(3))

6.3.3.1 Природа права

Duinhof and Duijf v Netherlands (1984 г.)

36. Заявители предстали перед военным судом спустя пять и три дня, соответственно, после их ареста. В представлении заявителей военный суд не обладал необходимой независимостью судебной власти согласно статье 5(3). Суд не должен рассматривать этот вопрос в данном контексте, так как, в любом случае, факт того, что задержанное лицо имеет доступ к судебной власти, не является достаточным для того, чтобы соответствовать вводной части статьи 5(3). Цель текста – гарантировать незамедлительный и автоматический судебный контроль полицейского или административного заключения под стражу в соответствии с положениями пункта 1(с). Язык пункта 3 («незамедлительно доставляется к»), читаемый в свете его предмета и цели, делает очевидным его неотъемлемое «процессуальное требование»: «судья» или иное судебное «должностное лицо» обязаны действительно выслушать задержанное лицо и принять соответствующее решение...

Wemhoff v Germany (1968 г.)

4. Суд считает, что чрезвычайно важно четко установить рамки применения данного положения. Так как значение слова «разумный» применяется к сроку, в течение которого лицо имеет право предстать перед судом, чисто грамматическое понимание термина ставило бы судебные власти перед выбором между двумя обязательствами – осуществление рассмотрения дела в суде до вынесения приговора в течение разумного срока или освобождение обвиняемого до суда в случае необходимости, при предоставлении определенных гарантий.

5. Суд твердо убежден, что подобное толкование не отвечало бы намерению Высоких Договаривающихся Сторон. Трудно представить, что они намеревались разрешить судебным властям, ценой освобождения обвиняемого, затягивать судебное разбирательство, выходя за рамки разумного времени. Кроме того, это прямо противоречило бы положению статьи 6(1)....

Neumeister v Austria (1968 г.)

4. Суд придерживается мнения, что данное положение не может пониматься как предоставление судебным властям выбора между привлечением обвиняемого к суду в течение разумного срока или предоставлением ему условного освобождения, даже с учетом предоставления гарантий. Разумность срока, проведенного обвиняемым в заключении до начала суда, должна оцениваться в связи с самим фактом его заключения под стражу. До вынесения приговора, он должен считаться невиновным, и цель рассматриваемого положения – требовать его условного освобождения, как только продолжительность его заключения выйдет за рамки разумного. Более того, это намерение отражено в австрийском законодательстве (Статья 190(1) Уголовно – процессуального кодекса).

5. Суд, подобным образом, придерживается мнения, что при определении в данном деле того, превышает ли срок заключения обвиняемого под стражу разумный предел, именно национальные судебные органы должны выявлять все факты, за и против, существования истинного общественного интереса, оправдывающего отступление от положения об уважении личной свободы. Необходимо призвать суд для вынесения решения о том, имело ли место нарушение Конвенции, на основании причин, приводимых в решениях по ходатайствам об освобождении до суда, и действительных фактов, упомянутых заявителем в его обращениях к суду.

6.3.3.2 Автоматическое применение права в соответствии с его природой

Duinhof and Duijf v Netherlands (1984 г.)

36. Заявители предстали перед военным судом спустя пять и три дня, соответственно, после их ареста. В представлении заявителей военный суд не обладал необходимой независимостью судебной власти согласно статье 5(3). Суд не должен рассматривать этот вопрос в данном контексте, так как, в любом случае, факт того, что задержанное лицо имеет доступ к судебной власти, не является достаточным для того, чтобы соответствовать вводной части статьи 5(3). Цель текста – гарантировать незамедлительный и автоматический судебный контроль полицейского или административного заключения под стражу в соответствии с положениями пункта 1(с). Язык пункта 3 («незамедлительно доставляется к»), читаемый в свете его предмета и цели, делает очевидным его неотъемлемое «процессуальное требование»: «судья» или иное судебное «должностное лицо» обязаны действительно выслушать задержанное лицо и принять соответствующее решение...

Соответственно, сама по себе передача дел заявителей на рассмотрение в суд не обеспечивает гарантии, предусмотренные в рамках статьи 5(3).

6.3.3.3 Незамедлительно

Brogan and Others v United Kingdom (1988 г.)

58. Тот факт, что задержанному лицу не предъявлено обвинение или он не предстал перед судом, сам по себе не является нарушением первой части статьи 5(3). Нарушение статьи 5(3) не может возникнуть, если арестованный освобожден «незамедлительно», до того, как стало возможным осуществление какого-либо судебного контроля в отношении его задержания. Если арестованный не освобожден незамедлительно, он имеет право быть незамедлительно доставленным к судье или иному должностному лицу, наделенному судебной властью. Оценка «незамедлительности» должна производиться в свете цели и предмета статьи 5. Суд принимает во внимание важность этой статьи в системе Конвенции, так как она закрепляет фундаментальное право человека, а именно, – защиту личности от произвольного вмешательства государства в ее право на свободу. Судебный контроль над вмешательством исполнительной власти в право личности на свободу является важным элементом гарантии, содержащейся в статье 5(3), цель которой – свести к минимуму риск произвола. Судебный контроль вытекает из принципа верховенства права – «одного из фундаментальных принципов демократического общества...», на который непосредственно ссылается Преамбула Конвенции» и «из которого вся Конвенция черпает свое вдохновение».

59. Требование «незамедлительно», выраженное в английском тексте словом «promptly» и во французском – «aussitôt», заметно отличается от менее строгого требования, выраженного во второй части пункта 3 словами «разумный срок» («reasonable time»/ «délai raisonnable»), и даже от требования, выраженного словом «безотлагательно» в пункте 4 статьи 5 («speedily»/«à bref délai»). Термин «незамедлительно» также встречается в английском тексте пункта 2, в то время как текст на французском здесь использует слова «в кратчайший срок» («dans le plus court délai»). Употребление во французском тексте слова «aussitôt», имеющего более узкое значение немедленности, подтверждает, что степень гибкости значения, присущая понятию «незамедлительность», ограничена, даже если сопутствующие обстоятельства не могут быть проигнорированы в целях проведения оценки в рамках пункта 3. Хотя степень незамедлительности должна оцениваться в каждом деле в соответствии с его характерными особенностями, значение, придаваемое этим особенностям, не может достигать такой степени, когда умаляется суть права, гарантированного пунктом 3 статьи 5, т.е. когда полностью отрицается обязательство государства – гарантировать незамедлительное освобождение или незамедлительное доставление в судебный орган.

...

61. Расследование террористических преступлений, несомненно, представляет для властей особые проблемы, частичное упоминание которых было сделано в отношении статьи 5(1). Суд согласен, что при условии существования надлежащих гарантий защиты, наличие угрозы терроризма в Северной Ирландии оправдывает продление срока, в течение которого власти могут, не нарушая пункт 3 статьи 5, содержать под стражей лицо, подозреваемое в серьезных террористических преступлениях, до того, как доставят его к судье или иному должностному лицу, выполняющему судебные функции. Трудности судебного контроля над постановлениями об аресте и задержании подозреваемых в терроризме, на которые указало Правительство, могут повлиять на способ реализации пункта 3 статьи 5, например, требуя предпринять соответствующие процессуальные меры предосторожности, принимая во внимание характер предполагаемых преступлений. Однако применительно пункта 3 статьи 5 они не могут оправдать полный отказ от «незамедлительного» судебного контроля.

Aksoy v Turkey (1996 г.)

76. Суд подчеркивает важность статьи 5 в системе Конвенции: она закрепляет фундаментальное право человека, а именно, право на защиту личности от произвольного вмешательства государства в его или ее право на свободу. Судебный контроль над вмешательством исполнительной власти в право лица на свободу – это неотъемлемая часть гарантии, воплощенной в статье 5(3), цель которой – свести к минимуму риск произвола и гарантировать верховенство права. Более того, незамедлительное судебное вмешательство может привести к выявлению и предотвращению жестокого обращения, которое, как было сказано выше, абсолютно и безоговорочно запрещено Конвенцией.

77. В судебном решении по делу *Brannigan and McBride*, суд признал, что Правительство Соединенного Королевства не превысило границы свободы своего усмотрения, отступив от своих обязательств по статье 5 Конвенции, разрешая задерживать до семи дней без судебного контроля лиц, подозреваемых в террористических преступлениях. В данном деле, заявитель был задержан, по крайней мере, на четырнадцать дней, не имея возможности предстать перед судьей или иным судебным должностным лицом. Правительство пыталось оправдать эту меру, ссылаясь на особую необходимость проведения на географически обширной территории расследования органами правопорядка, столкнувшимися с террористической организацией, получающей поддержку извне.

78. Хотя суд придерживается мнения, которое он уже неоднократно высказывал в прошлом, что расследование террористических правонарушений, несомненно, представляет для властей особые трудности, он не может согласиться с необходимостью задержания подозреваемого в течение четырнадцати дней без судебного вмешательства. Этот чрезвычайно долгий срок делал заявителя уязвимым не только перед произвольным вмешательством в его право на свободу, но также и перед пытками. Более того, Правительство не представило суду никаких веских оснований того, почему борьба с терроризмом на юго-востоке Турции делала судебное вмешательство неосуществимым.

83. ... Суд считает, что в данном деле заявитель, который содержался под стражей столь длительный срок, имел в распоряжении недостаточные гарантии защиты. В частности, отказ в доступе к адвокату, доктору, родственнику или другу, и отсутствие какой-либо реальной возможности предстать пред судом для проверки законности задержания, означало, что он был полностью предоставлен на милость тех, кто его содержал под стражей.

McKay v United Kingdom (2006 г.)

48. Суд напоминает, что заявитель был арестован 6 января 2001 года в 22.00 по подозрению в совершении ограбления на автозаправочной станции. В 12.37 следующего дня ему было предъявлено

обвинение. 8 января 2001 года в 10.00 утра, заявитель впервые предстал перед судом магистрата, который оставил его под стражей. В данном деле не оспаривается, что магистрат имел полномочия рассматривать законность ареста и заключения под стражу, а также существование обоснованного подозрения и, более того, имел право потребовать освобождения, если эти условия не были выполнены. Все это в достаточной мере обеспечивало необходимые гарантии против злоупотребления властей и соответствие с первой частью статьи 5 пункта 3 Конвенции, то есть непреложность, срочность и исполнение наделенным достаточными полномочиями судебным должностным лицом.

49. Вопрос об освобождении до суда был индивидуальным и отдельным предметом рассмотрения, который стал логически обоснованным лишь после установления существования законного основания для заключения под стражу и его соответствия Конвенции. В деле заявителя это вопрос был рассмотрен спустя примерно 24 часа, 9 января 2001 года, когда Верховный Суд постановил освободить его из-под стражи. Никаких фактов возможного злоупотребления или произвола не возникает из того, что это было другое судебное учреждение или другой судья, который издал такое постановление, или из того, что рассмотрение зависело от подачи ходатайства заявителя. Адвокат заявителя подал данное ходатайство без каких-либо препятствий или трудностей. В этом деле далеко не очевидно, так же как оно и не наводит на мысль о том, что действующая система препятствует слабым или незащищенным пользоваться такой возможностью.

50. Несмотря на то что, действительно, правоохранительные органы не имели возражений против освобождения под залог, и если бы магистрат имел право на освобождение из-под стражи под залог, заявитель был бы освобожден на день раньше, Суд все же считает, что процессуальные нормы были приведены в действие с надлежащей оперативностью, в результате чего заявитель был освобожден уже через три дня после ареста.

51. Соответственно, в настоящем деле не было нарушения статьи 5 п.3 Конвенции.

6.3.3.4 Судья или иное должностное лицо, наделенное, согласно закону, судебной властью

Ireland v United Kingdom (1978 г.)

199. Что касается пункта 3, рассматриваемого совместно с пунктом 1(с), суд находит, что вынесенные на рассмотрение суда меры не осуществлялись с целью того, чтобы заинтересованное лицо «незамедлительно» предстало перед «компетентным юридическим органом», а именно «судьей или иным должностным лицом, наделенным, согласно закону, судебной властью». Лица, изначально взятые под стражу, например, по Постановлению 11(2), в действительности, иногда представляли перед судом ординарной юрисдикции, но пункты 1(с) и 3 статьи 5 Конвенции в некоторых делах не удовлетворяются в части «предстать перед компетентным юридическим органом» из-за того, что возможность предстать перед судом обязательна в каждом деле, регулируемом этими пунктами. В свою очередь, консультативный комитет, перед которым представляли лица (в случаях, когда они давали на это свое согласие), задержанные на основании Постановления 12 (1), не имел права распоряжаться об их освобождении и, соответственно, не являлся «компетентным юридическим органом».

Schiesser v Switzerland (1979 г.)

27. Предусматривая, что арестованное лицо должно быть незамедлительно доставлено к «судье» или «иному должностному лицу, наделенному судебной властью», статья 5(3) оставляет государствам-участникам право выбора между двумя категориями органов, наделенных судебной властью. В таком выборе подразумевается, что эти категории не являются идентичными. Однако Конвенция упоминает их в одной фразе и предполагает, что эти полномочные органы выполняют схожие

функции. Она, таким образом, явно признает существование определенного сходства между «судьей» и «должностным лицом». Кроме того, если это было бы не так, то вряд ли существовало бы какое-либо объяснение включения прилагательного «иной».

28. ...Осуществление «судебной власти» не всегда ограничено вынесением решения по разногласиям юридического характера. Во многих Государствах-участниках Конвенции должностные лица (магистраты) и даже судьи осуществляют судебную власть без вынесения решения, например, сотрудники прокуратуры или судьи, ведущие судебное следствие. Таким образом, буквальный анализ текста предполагает, что статья 5(3) включает представителей органов власти, таких как сотрудников государственной прокуратуры, а также судей, заседающих в судах (*les magistrats du parquet comme ceux du siège*).

...

31. Первое из таких условий (*о гарантиях, предоставляемых арестованным лицам*) – независимость исполнительной власти и сторон. Это не означает, что «должностное лицо» не может в какой-то мере подчиняться другим судьям или должностным лицам, если они сами пользуются такой же независимостью. Кроме того, по статье 5(3), имеет место как процессуальное, так и материально-правовое требование. Процессуальное требование ставит «должностному лицу» в обязанность провести слушание по делу лица, представшего перед ним, самому, материально-правовое требование возлагает на него обязанность пересмотреть обстоятельства, свидетельствующие за или против заключения под стражу, и принять, учитывая правовые критерии, решение о существовании оснований для заключения под стражу или приказа об освобождении, если таковых нет. Проводя рассмотрение на предмет удовлетворения различным условиям, суд не должен рассматривать вопросы, которые не относятся к данному делу, например, может ли должностное лицо, в силу его подготовки и опыта, исполнять судебную власть.

Brincat v Italy (1992 г.)

20. ... Судебное должностное лицо, которое вполне компетентно принимать решение о заключении под стражу, может также исполнять другие обязанности, но существует риск того, что его беспристрастность может вызывать законное сомнение у тех, в отношении кого он принимает решения, если в последующем производстве он вправе выступать как представитель обвинения.

21. ... Только объективные признаки во время вынесения решения о заключении под стражу являются существенными. Если затем окажется, что «должностное лицо, уполномоченное исполнять судебную власть», может выступать в последующих процессах как представитель обвинения, то существует риск того, что его беспристрастность может вызвать сомнения, которые должны рассматриваться как объективно обоснованные.

6.3.3.5 Какой срок содержания под стражей считается частью срока предварительного заключения в рамках статьи 5(3)?

Wemhoff v Germany (1968 г.)

9. Остается установить, является ли концом срока содержания под стражей, о котором идет речь в статье 5(3), день, в который происходит окончательное вынесение приговора, или день, в который предъявляется обвинение, хотя бы судом первой инстанции. Суд решает в пользу последнего.

Одно основание оказалось решающим, а именно, положение лица, осужденного судом первой инстанции, независимо от того, находился ли он под стражей или нет до данного момента, предусматривается в статье 5(1)(а), которая разрешает лишение свободы «после вынесения приговора». Эта последняя фраза не может толковаться только как относящаяся к вынесению заключительного

обвинения, потому как это бы исключало арест на время слушания дел обвиняемых лиц, которые представляли перед судом, все еще находясь на свободе, независимо от доступных им средств защиты. В настоящее время такая практика часто используется во многих Государствах-участниках Конвенции, и нельзя полагать, чтобы они намеревались от нее отказаться. Более того, нельзя не заметить, что вина лица, находящегося под стражей во время слушания дела или повторного рассмотрения, была установлена в ходе судебного разбирательства, проводимого в соответствии с требованиями статьи 6 (ст. 6). В этом отношении несущественно, происходило ли содержание под стражей после вынесения приговора на основании решения суда или, как в ФРГ, на основании специального решения, подтверждающего приказ о предварительном заключении. Лицо, имеющее основание для подачи жалобы о продолжительности содержания под стражей после вынесения приговора из-за задержек в рассмотрении своего заявления, не может воспользоваться статьей 5(3), но, возможно, может указать на пренебрежение понятием «разумный срок», предусмотренным статьей 6 (1).

...

6.3.3.6 Продолжительность предварительного заключения

Chraidi v Germany (2006 г.)

37. Суд вначале отмечает, что настоящее дело связано с крупномасштабной преступной деятельностью в контексте международного терроризма. Государства, ведущие борьбу с этой формой терроризма, могут сталкиваться с чрезвычайными трудностями. Суд, чья роль – рассматривать меры, принимаемые государствами-участниками Конвенции, на предмет их соответствия Конвенции, не забывает об этих трудностях. Он не видит причин отходить от общего подхода в отношении предыдущих дел подобного рода (см. *Klass and Others v. Germany*, решение от 6 сентября 1978, Серия А т. 28, стр. 23 и 27-28, § 48-49 и 59; *Brogan and Others v. United Kingdom*, решение от 29 ноября 1988, Серия А т. 145-В, стр. 27-28, § 48; *Murray v. United Kingdom*, решение от 28 октября 1994, Серия А т. 300-А, стр. 23-24, § 47; *Pantano v. Italy*, т. 60851/00, § 70, 6 ноября 2003; и *Van der Tang v. Spain*, решение от 13 июля 1995, Серия А т. 321, стр. 21, § 75). Однако, в контексте рассматриваемых вопросов, возникающих в настоящем деле, Суд считает, что особая природа этих правонарушений и, в частности, трудности, свойственные расследованию правонарушений, совершенных преступными группировками, действующими в глобальном масштабе, требуют особого рассмотрения. Суд принимает во внимание этот контекст, оценивая обоснованность срока непрерывного содержания заявителя под стражей, в частности, основания для его задержания и проведение расследования в свете сложного характера дела.

6.3.3.7 Основания для отказа в освобождении под залог или для продления срока содержания под стражей

Pijkov v Bulgaria (2001 г.)

79. Что касается оснований для продления содержания под стражей, внутригосударственные суды применили закон и нормы, которые допускали, что предварительное заключение было необходимо в делах, в которых возможное наказание превысило определенный предел суровости (десять лет тюремного заключения согласно закону, действовавшему до июня 1995, и пять лет заключения после этой даты).

80. Строгость возможного наказания является существенным элементом при оценивании риска скрытия от правосудия или повторного правонарушения. Суд соглашается, что учитывая серьезность обвинений против заявителя, власти оправданно полагали, что такой риск существовал.

81. Однако суд неоднократно признавал, что серьезность обвинений сама по себе не может служить основанием длительного срока заключения под стражу. Это особенно наглядно продемонстрировано в данном деле, в котором, согласно применимому национальному закону и нормам, доказательство фактов и, соответственно, вынесение заявителю приговора, осуществлялось органами прокуратуры без судебного контроля по вопросу существования доказательств, подтверждающих обоснованность подозрения в том, что обвиняемый совершил правонарушение, требующее заключения на соответствующий срок.

82. Единственным другим основанием для длительного содержания под стражей заявителя послужил тот факт, что национальные суды не обнаружили каких-либо исключительных обстоятельств, оправдывающих освобождение.

83. Однако этот вывод не был основан на анализе всех фактов, относящихся к делу. Власти сочли несущественными аргументы заявителя о том, что он никогда не привлекался к суду, что у него была семья и стабильный образ жизни, и что, по прошествии времени, опасность сговора и скрывания от правосудия снижается. Они поступили так потому, что на основании статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса и практики Верховного Суда, презумпция в соответствии с этим положением была опровержима лишь в исключительных обстоятельствах, в которых даже гипотетическая возможность скрывания от правосудия, повторного правонарушения или сговора были исключены из-за серьезной болезни или других особых факторов. Более того, именно задержанный должен был доказать существование таких особых обстоятельств. Неспособность представить доказательства таких особых обстоятельств, привела к тому, что он оставался в предварительном заключении на протяжении всего судебного разбирательства.

84. Суд повторяет, что непрерывное содержание под стражей может быть оправдано в данном деле, только при наличии четких указаний, что, невзирая на презумпцию невиновности, подлинные интересы общества превосходят по значимости положение об уважении свободы личности. Любая система обязательного предварительного заключения является сама по себе несовместимой со статьей 5(3) Конвенции.

Yagci and Sargin v Turkey (1995 г.)

50. В первую очередь, национальные судебные органы должны обеспечивать, чтобы в данном деле содержание под стражей обвиняемого до суда не превышало разумного срока. Для этого они должны изучить все факты, за и против, существования подлинного интереса общества, оправдывающего, с надлежащим соблюдением принципа презумпции невиновности, отступление от положения об уважении личной свободы, и изложить их в своих решениях по прошениям об освобождении. Необходимо, на основании причин, указанных в этих решениях и действительных фактов, упомянутых заявителем в своих прошениях, чтобы был созван суд для вынесения решения о том, имело ли место нарушение статьи 5 (3) Конвенции.

Demirel v Turkey (2003 г.)

58. В данном случае из материалов дела следует, что суд по делам о государственной безопасности предписал содержание под стражей заявительницы, используя практически одинаковые, мягко говоря, шаблонные формулировки, такие как «учитывая характер вменяемого в вину преступления и имеющиеся доказательства», и, в семи случаях пересмотра дела, без указания каких-либо мотивов.

Наличие правдоподобных оснований подозревать задержанное лицо в совершении преступления является непременным условием законности содержания его под стражей. С другой стороны, по истечении определенного времени оно перестает быть достаточным. В этом случае Суд должен

установить, продолжают ли другие мотивы, признаваемые судебными органами, придавать законную силу лишению свободы. Если они оказываются «существенными» и «достаточными», суд, кроме того, старается выяснить, проявили ли компетентные государственные органы «особое усердие» в ведении дела.

59. Суд также не разделяет доводов, приводимых Правительством, касающихся угрозы побега, отсутствия постоянного места жительства, уничтожения доказательств, террористических актов, в которых, предположительно, участвовала заявительница, а также количества арестованных лиц. К тому же, подобные аргументы не могут оцениваться только исходя из серьезности назначенного наказания. Они должны анализироваться с точки зрения всего комплекса относящихся к делу дополнительных материалов, способных либо подтвердить их существование, либо выявить его в такой малой степени, что оно не сможет обосновать предварительное заключение под стражу. Суд считает, что подобные опасности, на которые ссылается Правительство, по-видимому, не были приняты во внимание внутренними судебными органами.

[Возможная неявка в суд]

Stogmuller v Austria (1969 г.)

15. ... В этом отношении следует отметить, что опасность скрытия обвиняемого от правосудия существует не только потому, что он имеет возможность пересечь границу или это легко осуществимо (в этом случае, было бы достаточным попросить Стогмюллера сдать свой паспорт). Должен существовать целый ряд обстоятельств, в частности, ожидаемый суровый приговор, конкретные обстоятельства содержания обвиняемого под стражей, или отсутствие установленных связей в стране, которые дают основание предполагать, что опасные последствия побега покажутся обвиняемому меньшим злом по сравнению с продлением срока заключения.

Но поведение Стогмюллера ясно показывает, что он не склонен к скрытию от правосудия в своей ситуации. В любом случае, следует отметить в этой связи, что Апелляционный суд Вены постановил, в своем решении от 10 ноября 1961 года, что не было никакой опасности уклонения обвиняемого от правосудия. Верно и то, что условное освобождение Стогмюллера произошло только вследствие предоставления гарантии, тогда как заявитель предлагал внесение залога еще 6 декабря 1961 года. В этих обстоятельствах, суд считает, что по меньшей мере с того дня не существовало никакой опасности скрытия от правосудия, которая могла бы оправдать продление срока содержания Стогмюллера под стражей.

Tomasi v France (1992 г.)

98. ... Кроме того, суд обращает внимание, что опасность скрытия от правосудия не может оцениваться только на основании вероятности вынесения сурового приговора: она должна рассматриваться с учетом ряда других соответствующих факторов, которые могут либо подтвердить существование опасности скрытия от правосудия, либо показать, что она настолько незначительна, что не может оправдывать содержание под стражей в ожидании суда. В этом деле решения органов судебного следствия не содержали веских причин, объясняющих, почему, невзирая на доводы, предоставленные обвиняемым в своих прошениях об освобождении, они сочли существование риска его скрытия от правосудия определяющим, и не пытались сочетать его, например, с использованием таких средств, как внесение залога и режим судебного контроля

[Возможное вмешательство в процесс отправления правосудия]

Clooth v Belgium (1991 г.)

43. Суд признает, что это дело было очень трудным и предполагало сложное расследование обстоятельств дела. Своим поведением, г-н Клоот значительно препятствовал ходу расследования и, действительно, задержал его. Вполне понятно решение властей оставить его под стражей, чтобы предотвратить его дальнейшее вмешательство в ход расследования, по крайней мере, на начальном этапе. Однако в долгосрочной перспективе, требований расследования недостаточно для того, чтобы оправдать содержание под стражей подозреваемого: в случае нормального развития событий, предполагаемые риски снижаются со временем, по мере осуществления расследования, вынесения и подтверждения решений.

Tomasi v France (1992 г.)

92. Некоторые судебные решения по данному делу основывались на риске возможного оказания давления на свидетелей – обвинительная палата города Пуатье даже заявляла о «кампании запугивания» – и на риске возможного сговора между всеми обвиняемыми по делу. Однако они не предоставили никаких подробностей, касающихся возможности существования таких рисков.

93. По мнению Правительства, угрозы в адрес [сообвиняемого] сделали невозможным освобождение г-на Томази. Г-н Томази мог бы способствовать усилению давления на [сообвиняемого], который был тем лицом, с которого началось уголовное преследование, и который пытался покончить с собой.

...

95. По мнению суда, с самого начала существовала реальная опасность оказания давления на свидетелей. Она постепенно снизилась, не исчезнув, однако, полностью.

[Возможность совершения повторных правонарушений]

Clooth v Belgium (1991 г.)

40. Суд считает, что серьезность обвинения может заставить судебные власти поместить подозреваемого под стражу и содержать его в предварительном заключении для того, чтобы предотвратить любые попытки дальнейших правонарушений. Однако, необходимо, помимо прочих условий, чтобы такая опасность была действительно вероятной и мера пресечения соответствующей в свете обстоятельств дела, и, в частности, биографии и личности подозреваемого. В настоящем деле, правонарушения, ставшие причиной прошлых обвинительных приговоров заявителя, не могут сравниться по степени своей серьезности и по своей сути с обвинениями, выдвинутыми против него в оспоренном производстве. Помимо прочего, тот же самый эксперт подготовил отчет от 21 июня 1985 года, в котором г-н Клоот описывался как опасный человек, упомянув необходимость оказания ему психиатрической помощи. Такие выводы, представленные на рассмотрение более чем девять месяцев спустя после заключения под стражу, должны были убедить компетентные суды не продлевать срок заключения без оказания соответствующей медицинской помощи.

Основание, опирающееся на опасность повторения правонарушения, само по себе не оправдывает продление срока содержания под стражей после 21 июня 1985 года.

[Возможное нарушение общественного порядка]

Letellier v France (1991 г.)

51. Суд признает, что по причине особой тяжести и общественной реакции, некоторые правонарушения могут привести к нарушению общественного порядка, что может оправдать предварительное заключение под стражу, по крайней мере, временно. Поэтому в исключительных обстоятельствах такой фактор может быть принят во внимание с точки зрения Конвенции, во всяком случае, в той мере, в какой внутреннее право – в статье 144 Уголовно-процессуального кодекса – признает понятие «нарушения общественного порядка» вследствие совершения преступления. Однако такое основание может считаться оправданным и достаточным, только если оно основывается на фактах, способных подтвердить, что освобождение обвиняемого может, действительно, нарушить общественный порядок. Кроме того, предварительное заключение можно будет и впредь считать законным, только при условии сохранения угрозы общественному порядку. Продление срока содержания под стражей нельзя использовать в попытке предвосхитить наказание в виде лишения свободы

В этом деле данные условия не выполнены. Обвинительные палаты оценили необходимость продлить заключение под стражей с чисто абстрактной точки зрения, учитывая лишь тяжесть преступления. Это произошло, несмотря на то, что заявительница неоднократно подчеркивала в своих объяснениях от 16 января 1986 года, 3 марта и 10 апреля 1987 года, что мать и сестра жертвы не возражали против поданных ею ходатайств об освобождении из-под стражи, тогда как они категорически оспаривали прошения, поданные г-ном Мойсаном. Французские судебные органы это не оспаривали.

6.3.3.8 Гарантии явки в суд

Stogmuller v Austria (1969 г.)

15. ... В этом отношении следует отметить, что опасность скрывания обвиняемого от правосудия существует не только потому, что он имеет возможность пересечь границу или это легко осуществимо (в этом случае, было бы достаточным попросить Стогмюллера сдать свой паспорт): ...

Neumeister v Austria (1968 г.)

14. Несмотря на то, что принцип освобождения при условии предоставления гарантий казался приемлемым, исключительно размер убытков определил необходимую сумму залога, установленную последовательно в размере 2 000 000, 1 750 000 и 1 250 000 шиллингов, и, в итоге, уменьшенную до одного миллиона шиллингов 3 июня 1964 года, которые Ноймайстер смог внести только 16 сентября. Вопрос об установлении суммы залога, которую должен предоставить задержанный, единственно на основании размера причиненных убытков, вменяемых ему, не соответствует статье 5(3) Конвенции. Гарантия, предусмотренная данной статьей, создана для того, чтобы обеспечить не возмещение убытков, а присутствие обвиняемого на слушании дела. Поэтому их размер должен оцениваться только в отношении него самого, его имущества и связей с людьми, вносящими залог, другими словами, в отношении степени уверенности в том, что перспектива потери залога или действий против поручителей, в случае его неявки в суд, послужат достаточным сдерживающим фактором, рассеивающим любое желание с его стороны скрыться от правосудия.

6.3.4 Право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности заключения под стражу и его продолжительности – статья 5(4)

6.3.4.1 *Право на обжалование «правомерности» решения о заключении под стражу*

Al-Nashif v Bulgaria (2002 г.)

94. В соответствии с относящимся к делу законом и практикой, принятие решения о том, является ли высылка и ордер на арест в интересах национальной безопасности, что автоматически исключает любое судебное рассмотрение законности, полностью находится в ведении Министерства внутренних дел. Ни один суд не уполномочен расследовать законность заключения под стражу. Сам ордер на арест, такой, как в настоящем деле, не указывает на причины заключения. Более того, г-н Аль-Нашиф находился в заключении без права переписки, и был лишен права встретиться с адвокатом для обсуждения возможного законного обжалования применяемых против него мер.

95. Эта ситуация противоречит статье 5(4) Конвенции и ее основополагающему принципу – обеспечить защиту от произвола. Национальные органы власти не могут обойтись без эффективного контроля внутренними судами законности содержания под стражей, даже в случаях, когда дело касается государственной безопасности и терроризма.

6.3.4.2 *Сфера применения судебного контроля*

Brogan and Others v United Kingdom (1988 г.)

65. Согласно предыдущим решениям суда понятие «законности» в пункте 4 имеет такое же значение, что и в пункте 1, и может ли «арест» или «задержание» считаться «законным» должно решаться с точки зрения не только внутреннего права, но и в контексте Конвенции, основных изложенных в ней принципов и той цели, которую преследуют ограничения, допускаемые статьей 5 пунктом 1 (арестованному или задержанному лицу предоставляется право на судебный контроль, имеющий отношение к процессуальным и материально-правовым условиям, необходимые для соблюдения «законности» лишения свободы, в смысле, утвержденном Конвенцией). Это означает, что в настоящем деле заявители должны были иметь в распоряжении средства защиты, позволяющие компетентному суду рассмотреть не только соответствие процессуальным требованиям, установленным частью 12 Акта 1984 года, но и обоснованность подозрения, на основании которого было произведено задержание, а также правомерность цели, которая преследовалась арестом и последующим задержанием.

...

Weeks v United Kingdom (1987 г.)

59. Статья 5 п. 4 не гарантирует права на судебный контроль в той мере, чтобы наделить властью «суд», во всех аспектах дела, включая вопрос о целесообразности, заменять усмотрение органов, принимающих решения, своим усмотрением. Судебный контроль должен быть, однако, достаточно широким, и учитывать условия, которые, согласно Конвенции, необходимы для законного заключения под стражу лица, и той особой формы лишения свободы, предписанной г-ну Уиксу.

X. v United Kingdom (1981 г.)

57. Несмотря на то, что X имел возможность предстать перед судом, установившим, что его заключение под стражу было «законным» согласно английскому законодательству, этот факт не может быть решающим в вопросе о том, имел ли место достаточный судебный контроль «правомерности»

в целях статьи 5 п. 4. В пункте 1(е) статьи 5, в толковании суда, сама Конвенция делает «правомерность» способа лишения свободы, примененной в отношении лица X, при условии соблюдения определенных требований, полностью соответствующей внутреннему праву. Статья 5 должна читаться целиком, и нет причины полагать, что в отношении одного и того же лишения свободы значение «правомерности» отличается в пункте 1(е) и пункте 4.

6.3.4.3 Процессуальные требования к судебному контролю

[Компетентный суд]

X. v United Kingdom (1981 г.)

53. В область вопросов рассмотрения суда не входит изучение того, какая система судебного контроля в этой сфере была бы наилучшей или более соответствующей. Государства-участники Конвенции могут свободно выбирать разные методы для осуществления своих обязательств. Итак, в статье 5(4) слово «суд» необязательно должно пониматься как законный суд в классическом его виде, являющийся частью стандартного судебного аппарата страны. Этот термин, используемый в разных статьях Конвенции, в том числе в статье 5(4), служит для обозначения «органов, которые обладают не только общими основными чертами, из которых самая важная – независимость от исполнительной власти и сторон данного дела, но и предоставляют гарантии,» – «соответствующие форме рассматриваемого лишения свободы» – «судебной процедуры», формы которой могут меняться от одной области к другой.

Von Bulow v United Kingdom (2003 г.)

24. В данном деле повинность заявителя по его обязательному пожизненному заключению истекла в 1998 году. В то время как комиссия по условно-досрочному освобождению пересмотрела дело заявителя в 2001 году, она не имела полномочий отдавать приказ о его освобождении и могла лишь дать рекомендации Государственному Секретарю. Не проводилось устное разбирательство, предоставляющее возможность допросить или подвергнуть перекрестному допросу свидетелей, имеющих отношение к заявлениям о том, что заявитель все еще представляет угрозу обществу. Правительство не оспаривало, что правомерность продолжительного заключения заявителя не была пересмотрена органом, имеющим полномочия издавать приказ об освобождении, или подвергнута процедуре, содержащей необходимые судебные гарантии, предписанные статьей 5(4) Конвенции

[Состязательный характер процедур]

Winterwerp v Netherlands (1979 г.)

60. ... Верно, что судебные разбирательства, о которых идет речь в статье 5(4), не обязательно всегда должны сопровождаться такими же гарантиями, которые предусмотрены статьей 6 (1) для гражданского или уголовного судебного процесса. Тем не менее, необходимо, чтобы заинтересованное лицо могло обратиться в суд и имело возможность быть выслушанным лично или там, где это необходимо, через какую-либо форму представительства, без чего оно будет лишено «основных процессуальных гарантий, применяемых в делах, связанных с лишением свободы». Психическое заболевание может быть причиной ограничения или изменения способа осуществления такого права, но оно не может оправдать нарушение самой сути этого права. Действительно, особые процессуальные гарантии могут быть необходимыми для защиты интересов лиц, которые, по причине своей психической неполноценности, не могут полностью отвечать за свои действия.

Megyeri v Germany (1992 г.)

23. Если лицо заключается в психиатрическое учреждение на основании действий, составивших уголовное преступление, но за которое данное лицо не может быть привлечено к ответственности по причине психического заболевания, ему необходимо – за исключением особых обстоятельств – получить юридическую помощь в последующих производствах, имеющих отношение к продлению, приостановлению или прекращению заключения под стражу. Важность того, что находится под угрозой для него, а это личная свобода, в совокупности с природой его заболевания – недостаточных психических способностей – заставляет сделать такой вывод

Hussain v United Kingdom (1996 г.)

59. ... В делах такой принципиальной важности как лишение свободы и при возникновении вопросов, предполагающих, например, оценку характера заявителя или его психического состояния, может быть необходимо для обеспечения справедливого судебного процесса, чтобы заявитель присутствовал на слушании в суде.

60. ... В ситуации подобной ситуации заявителя, когда рассматривается значительный срок тюремного заключения, и где черты, свойственные его характеру, и степень его зрелости играют важную роль при принятии решения о том, опасен ли он для общества, статья 5 п. 4 требует устного слушания в контексте состязательного процесса, предусматривающего законное представление интересов заявителя и возможность вызвать и допросить свидетелей.

[Задержанным должны быть доступны материалы по существу дела, имеющиеся в распоряжении государственных органов]

Sanchez-Reisse v Switzerland (1986 г.)

51. По мнению суда, статья 5(4) требовала в настоящем деле, чтобы г-н Санчес-Райсс был обеспечен, так или иначе, преимуществом состязательного процесса. Предоставление ему возможности представить на рассмотрение свои письменные комментарии о мнении кабинета явилось бы соответствующим средством, но не имеется доказательств, говорящих о том, что такая возможность была ему предоставлена. Следует признать, что он уже указал в своей просьбе на обстоятельства, которые, по его мнению, оправдали бы его освобождение, но это само по себе не обеспечивало «равноправие сторон», являющегося неременным условием: мнение могло впоследствии ссылаться на новые аспекты доказательств или закона, являющегося основанием для иска, вызывая ответную реакцию, критику или даже вопросы со стороны задержанного, на которые федеральный суд должен был бы ответить перед вынесением своего решения.

Ответ заявителя необязательно должен был быть в письменной форме: соответствие требованиям, предписанным статьей 5(4), возникло бы в случае, если бы он лично предстал перед федеральным судом. Возможность для задержанного «быть выслушанным либо лично, либо, где это необходимо, через какую-либо форму представительства» выделяется в ряде случаев среди «основополагающих гарантий в процедуре, применяемой в делах, касающихся лишения свободы». Несмотря на различия в формулировках между пунктом 3 (право быть незамедлительно доставленным к судье или к иному должностному лицу) и пунктом 4 (право на рассмотрение) статьи 5, предыдущие решения суда, имеющие отношение к этим двум пунктам, до настоящего времени имели тенденцию к признанию необходимости слушания дела в судебном органе. Эти решения, однако, касались лишь дел, подпадающих под действие подпунктов (с) и (е) пункта 1 и, действительно, «формы процедур, предписанные Конвенцией, не должны ... обязательно быть идентичными во всех делах, в которых требуется вмешательство суда».

В настоящем деле федеральный суд был вынужден принять во внимание ухудшение состояния здоровья заявителя – фактор, который, возможно, помешал ему явиться в суд лично, но он имел в своем распоряжении медицинские справки, приобщенные к третьему ходатайству об условном освобождении из-под стражи. Нет никакой причины полагать, что присутствие заявителя убедило бы федеральный суд в необходимости его освобождения. Тем не менее, остается фактом, что г-н Санчес-Райсс не получил никакого преимущества от процедуры, которая действительно была состязательной.

Lamy v Belgium (1989 г.)

29. Как и Комиссия, суд отмечает, что в течение первых тридцати дней содержания под стражей, адвокат заявителя не смог ознакомиться с какими-либо материалами по делу, в соответствии с законом в судебном толковании, и, в особенности, с отчетами, сделанными судьей, ведущим судебное следствие, и полицией города Вербье. Это было особенно важным для первого появления заявителя перед совещательной палатой (*chambre du conseil*), которая должна была вынести решение о подтверждении выдачи ордера на арест. Адвокат заявителя не имел возможности эффективно оспорить обвинения или опровергнуть мнения, на которых основывалось обвинение.

Доступ к этим документам был необходим заявителю на этой важнейшей стадии процесса, когда суд должен принять решение о том, заключить ли его по стражу до вынесения приговора или освободить. В частности, доступ к этим документам дал бы возможность адвокату г-на Лами выступить в суде по вопросу показаний и мнений соответчика. Поэтому, по мнению суда, было необходимо изучить данные документы для того, чтобы эффективно обжаловать законность ордера на арест.

Рассмотрение необходимости предварительного заключения и последующая оценка виновности очень тесно связаны с доступом к документам, в котором было отказано в прошлом деле, хотя закон требует этого в последнем деле.

Garcia Alva v Germany (2001 г.)

39. Суд, при рассмотрении жалобы о заключении под стражу, должен предоставить гарантии соблюдения судебных процедур. Процесс должен носить состязательный характер и всегда должен обеспечивать «равноправие сторон» между сторонами, обвинителем и задержанным лицом. Равноправие сторон не обеспечено, если адвокату отказано в доступе к таким документам в досье по данному делу, которые необходимы для эффективного обжалования законности заключения под стражу его клиента. В деле лица, заключение которого подпадает под действие статьи 5(1)(с), необходимо слушание в суде.

Эти требования исходят из права на состязательный характер судебного процесса, сформулированного в статье 6 Конвенции, что означает, что в уголовном деле и обвинении, и защите должна быть предоставлена возможность ознакомиться и прокомментировать приобщенные к делу объяснения и доказательства, представленные другой стороной. Согласно судебной практике суда, это следует из формулировки статьи 6 и, в частности, из автономного значения понятия «обвинение в совершении правонарушения», что данное положение имеет частичное применение в досудебном разбирательстве. Таким образом, из этого следует, что ввиду значительного влияния лишения свободы на основополагающие права заинтересованного лица, судебные действия, осуществляемые по статье 5(4) Конвенции, должны, в целом, соответствовать, насколько это возможно, в обстоятельствах проводимого следствия, основным требованиям справедливого суда, таким, как право на состязательность судебного процесса. Несмотря на то, что национальный закон может соответствовать этому требованию различными способами, какой бы метод не был выбран, он должен гарантировать, что другая сторона проинформирована о том, что рассматриваемые замечания были приобщены к делу, и иметь возможность их прокомментировать.

40. В настоящем деле заявитель после своего ареста был проинформирован, в общих чертах, об основаниях для подозрения, свидетельствующих против него доказательствах и основаниях для заключения его под стражу. По просьбе адвоката защите были предоставлены копии показаний заявителя полицейским органам и судье, выдавшему ордер на арест; ордера на обыск в доме заявителя; а также ордера на арест; но на той стадии, Государственная Прокуратура отклонила просьбу защиты об ознакомлении с материалами дела, и, в частности, с показаниями Г-на К, на том основании, что ознакомление с этими документами могло создать угрозу цели расследования.

...

41. Таким образом, содержание материалов следствия и, в частности, показаний г-на К, сыграло ключевую роль в решении Окружного Суда продлить предварительное содержание заявителя под стражей. Однако в то время как Государственный Прокурор и Окружной Суд были ознакомлены с материалами дела, на той стадии их точное содержание не было доведено до сведения адвоката и заявителя. Вследствие этого, никто из них не смог должным образом обжаловать обнаруженные против заявителя факты, на которые ссылались Государственный Прокурор и Окружной Суд, большей частью ставя под сомнение правдивость и убедительность показаний, данных г-ном К, который ранее уже был судим и привлекался к следствию по обвинению в контрабанде наркотиков. Верно то что, что, что, как указывает Правительство, в ордере на арест содержалась некоторая информация о фактах, явившихся основанием для подозрения против заявителя. Однако информация, предоставленная таким образом, содержала лишь перечень фактов, истолкованных Окружным Судом на основании полной информации, предоставленной ему Государственной Прокуратурой. По мнению суда, едва ли представляется возможным для обвиняемого обжаловать достоверность такой информации, без ознакомления с доказательствами, на которых она основывается. Обвиняемому должна быть предоставлена достаточная возможность ознакомиться с показаниями и иными доказательствами, лежащими в основе обвинений, а именно: с результатами полицейского или иных расследований, независимо от того, может ли обвиняемый указать, что доказательства, доступ к которым он требует, имеют отношение к его защите.

[Бремя доказывания]

Hutchison Reid v United Kingdom (2003 г.)

69. Суд отмечает, что не существует прямой судебной практики Конвенции, регулирующей бремя доказывания в судебных разбирательствах дел по статье 5(4), хотя наложение тяжелого бремени доказывания на заявителей, находящихся под стражей на время следствия, того, что не существует опасности скрытия от правосудия, ранее принималась во внимание, когда процедура судебного контроля такого задержания была признана несовместимой со статьей 5(4).

70. Однако, именно органы власти должны доказать, что лицо удовлетворяет условиям обязательного заключения под стражу, а не наоборот, что может рассматриваться как косвенное условие в судебной практике. В рассмотрении жалоб по статье 5(1), суд выразил такое мнение, что первоначальное лишение свободы душевнобольного, а также продление срока заключения могут считаться законными по статье 5(1)(е), только при наличии «убедительных свидетельств того, что он или она страдает психическим заболеванием, достаточно серьезным, чтобы служить основанием для взятия под стражу», то есть бремя доказывания ложится в обоих случаях на органы власти...

...

71. Следовательно, суд приходит к заключению, что поскольку бремя доказывания было возложено на заявителя в его ходатайстве о решение вопроса о том, что его продолжительное содержание под стражей не удовлетворяло условиям законности, это противоречило статье 5(4) Конвенции.

77. Несмотря на то, что, действительно, статья 5(4) не гарантирует никакого права, как такового, на обжалование решений о заключении под стражу или его продлении, из цели и задачи этого положения следует, что ее предписания должны уважаться апелляционными судами, в случае обжалования решения суда. Ходатайства заявителя, обжалующие решение шерифа, были, с точки зрения внутреннего права, неполными апелляциями, основанными на факте и законе, а предполагали проведение судебной проверки, в основном, законности и обоснованности процедур. Так как апелляционные инстанции были, тем не менее, вовлечены в решение вопросов, касающихся законности продления его заключения под стражу, и это могло, потенциально, вести к его освобождению, суд не видит причины, по которым они не могут приниматься во внимание при рассмотрении дела. Тот факт, что шотландская система имеет четырехуровневую систему контроля, не может служить оправданием лишения заявителя его прав по статье 5(4) Конвенции. Государство должно организовать свою судебную систему таким образом, чтобы суды имели возможность соответствовать требованиям этого положения.

6.3.4.4 Регулярный пересмотр правомерности заключения под стражу

Bezicheri v Italy (1989 г.)

21. Правительство не считает «обоснованным» тот факт, что заявитель подал свою вторую жалобу 6 июля 1983 года, всего лишь месяц спустя после отклонения первой. По мнению правительства, сама сущность предварительного заключения под стражу в сочетании с тем, что заинтересованный судья должен вести дело по собственному почину, оправдывает более длительный промежуток времени, чем для других форм лишения свободы, например, при заключении под стражу психически неполноценных лиц. По мнению суда, природа предварительного заключения диктует необходимость пересмотра его правомерности через короткие промежутки времени; конвенция о защите прав человека предполагает строгие временные ограничения сроков предварительного заключения, поскольку само его предназначение неразрывно связано с требованиями, предъявляемыми к расследованию, которое должно вестись без лишних промедлений. В данном деле промежуток времени в один месяц не является необоснованным. ...

6.3.5 Право на компенсацию – статья 5(5)

Wassink v Netherlands (1990 г.)

38. По мнению суда, пункт 5 статьи соблюден в части, где существует возможность обратиться за компенсацией в отношении лишения свободы, совершенного в нарушение пунктов 1, 2, 3 или 4. Он не запрещает Государствам-участникам присуждать компенсацию в зависимости от способности заинтересованного лица доказать ущерб, причиненный в результате нарушения. В контексте статьи 5 (5), что касается статьи 25, понятие «потерпевший» может фигурировать в деле даже в отсутствие какого-либо ущерба, но вопрос о «возмещении» может стоять лишь в случае нанесения материального или нематериального ущерба.

Assanidze v Georgia (2004 г.)

202. Что касается мер, которые грузинское государство должно предпринять (см. выше пункт 198) под контролем со стороны Комитета министров, чтобы положить конец установленному нарушению, Суд повторяет, что его решения носят существенным образом декларативный характер и, что, в общем, выбор средств внутреннего правопорядка в целях выполнения правовых обязательств по статье 46 Конвенции является в первую очередь задачей заинтересованного Государства при условии, что такие средства совместимы с заключениями, представленными в решении Суда (см., среди прочих документов, *Scozzari and Giunta*, приведенного выше, § 249; *Brumărescu v. Romania* (справедливое удовлетворение) [ЖК], №. 28342/95, § 20, ЕКПЧ 2001-I; *Akdivar and Others v. Turkey*

(статья 50), решение от 1 апреля 1998, *Отчеты* 1998-II, стр. 723-24, § 47; и *Marckx v. Belgium*, решение от 13 июня 1979, Серии А №. 31, стр. 25, § 58). Это право усмотрения в отношении способа исполнения судебного решения отражает свободу выбора, свойственную основному обязательству государств-участников в рамках Конвенции – обеспечить права и свободы, гарантированные Конвенцией (статья 1) (см. *mutatis mutandis*, *Paranichalopoulos and Others v. Greece* (статья 50), решение от 31 октября 1995, Серия А №. 330-B, стр. 58-59, § 34).

Однако, по своей природе, нарушение, установленное в данном деле, не оставляет иного реального выбора в отношении принятия мер, необходимых для его устранения.

203. В данных условиях, принимая во внимание особые обстоятельства дела и крайнюю необходимость положить конец нарушению статьи 5 п. 1 и статьи 6 п. 1 Конвенции (см. выше пункты 176 и 184), Суд считает, что государство-ответчик должно обеспечить освобождение заявителя в кратчайший срок.

Plascu and Others v Moldova and Russia (2004 г.)

490. Суд далее полагает, что любое продление незаконного и произвольного заключения под стражу трех заявителей, несомненно, повлечет за собой продолжение серьезного нарушения статьи 5, установленного судом, и нарушение обязательств государств-ответчиков в рамках статьи 46 п. 1 Конвенции – соблюдать решения суда.

С учетом оснований, согласно которым Суд выявил нарушения Конвенции (см. выше пункты 352 и 393), государства-ответчики должны принять все возможные меры, чтобы положить конец произвольному содержанию под стражей заявителей, до сих пор находящихся в заключении, и гарантировать их немедленное освобождение.

Yakisan v Turkey (2007 г.)

1. Более того, Суд отмечает, что согласно представленной сторонами информации, дело заявителя по-прежнему находится на рассмотрении национальных судов в течение вот уже почти тринадцати лет, а заявитель все еще содержится в предварительном заключении (см. пункты 18, 28 и 39 выше). В случае, если данная ситуация не изменилась, Европейский Суд считает, что приемлемым способом устранить установленное нарушение является скорейшее завершение судебного процесса при соблюдении требований надлежащего отправления правосудия или освобождение заявителя до суда в соответствии с требованиями пункта 3 статьи 5 Конвенции.

УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ

Aerts v Belgium (1998) (Appl. No. 25357/94, 30 July 1998).....	23, 71
Ahmet Özkan and Others v Turkey (2004) (Appl. No. 21689/93, 6 April 2004)	8
Aksoy v Turkey (1996) (Appl. No. 21987/93, 26 November 1996)	35, 59, 77
Al-Nashif v Bulgaria (2002) (Appl. No. 50963/99, 20 June 2002).....	47, 85
Altun v Turkey (2004) (Appl. No. 24561/94, 1 June 2004)	2
Amburszkiewicz v Poland (2006) (Appl. No. 38797/03, 4 May 2006).....	41
Amuur v France (1996) (Appl. No. 19776/92, 25 June 1996).....	4, 7, 62, 63, 72
Ashingdane v United Kingdom (1985) (Appl. No. 8225/78, 28 May 1985)	4, 61
Assanidze v Georgia (2004) (Appl. No. 71503/01, 8 April 2004).....	2, 60, 90
B. v Austria (1990) (Appl. No. 11968/86, 28 March 1990).....	11
Becciev v Moldova (2005) (Appl. No. 9190/03, 4 October 2005)	40
Benham v United Kingdom (1996) (Appl. No. 19380/92, 10 June 1996).....	10
Bernard Leo McVeigh, Oliver Anthony O’Neill and Arthur Walter Evans v United Kingdom (1982) (Appl. Nos. 8022/77, 8025/77, 8027/77, Committee of Ministers Resolution of 24 March 1982).....	16
Bezicheri v Italy (Appl. No. 11400/85, 26 September 1989)	53, 90
Bizzotto v Greece (1996) (Appl. No. 22126/93, 15 November 1996)	7, 63
Boicenco v Moldova (2006) (Appl. No. 41088/05, 11 July 2006).....	34, 40
Bordovskiy v Russia (2005) (Appl. No. 49491/99, 8 February 2005)	30
Bouamar v Belgium (1988) (Appl. No. 9106/80, 29 February 1988).....	21, 49, 68
Bozano v France (1986) (Appl. No. 9990/82, 18 December 1986)	2, 12, 29, 65
Brand v Netherlands (2004) (Appl. No. 49902/99, 11 May 2004)	24
Brannigan and McBride v United Kingdom (1993) (Appl. No. 14553 and 14554/89, 26/05/19993).....	58
Brincat v Italy (1992) (Appl. No. 13867/99, 28 October 1992).....	38, 79
Brogan and Others v United Kingdom (1988) (Appl. Nos. 11209/84, 11234/84, 11266/84 and 11386/85, 29 November 1988)	20, 35, 47, 58, 76, 85
Castravet v Moldova (2007), (Appl. No. 23393/05, 13 March 2007)	50
Chahal v United Kingdom (1996) (Appl. No. 22414/92, 15 November 1996).....	29, 30, 49, 72
Chraidi v Germany (2006) (Appl. No. 65655/01, 26 October 2006)	44, 80
Clooth v Belgium (1991) (Appl. No. 12718/87, 12 December 1991)	41, 42, 83
Conka v Belgium (2002) (Appl. No. 51564/99, 5 February 2002)	9, 29, 33, 74
Contrada v Italy (1998) (Appl. No. 27143/95, 24 August 1998)	42, 44
D. G. v Ireland (2002) (Appl. No. 39474/98, 16 May 2002)	21, 69
Dacosta Silva v Spain (2006) (Appl. No. 69966/01, 2 November 2006).....	11
De Jong, Baljet and Van den Brink v Netherlands (1984 г.) (Appl. Nos. 28/32/66, 2835/66 and 2899/66, 22 May 1984).....	35, 37, 51
De Wilde, Ooms and Versyp (“Vagrancy”) v Belgium (1971) (Appl. Nos. 2832/66; 2835/66; 2899/66, 18 June 1971)	2, 27, 72
Demir and Others v Turkey (1998) (Appl. Nos. 21380/93, 21381/93 and 21383/93, 23 September 1998)	19, 36, 67
Demirel v Turkey (2003) (Appl. No. 39324/98, 28 January 2003).....	40, 81
Dikme v Turkey (2000) (Appl. No. 20869/92, 11 July 2000)	33
Duinhof and Duijf v Netherlands (1984) (Appl. Nos. 9626/81 and 9736/82, 22 May 1984)	34, 75, 76
Elci and Others v Turkey (2003), (Appl. Nos. 23145/93 and 25091/94, 13 November 2003).....	59
Engel and Others v Netherlands (1976) (Appl. No. 5100/71, 5120/71, 5354/72 and 5320/72, 8 June 1976).....	3, 61, 66
Enhorn v Sweden (2005) (Appl. No. 56529/00, 25 January 2005).....	24

Eriksen v Norway (1997) (Appl. No. 17391/90, 27 May 1997)	7, 12, 63, 65
Fedotov v Russia (2005) (Appl. No. 5140/02, 25 October 2005).....	9
Fox, Campbell and Hartley v United Kingdom (1990) (Appl. No. 12244/86, 12245/86 and 12383/86, 30 August 1990)	18, 19, 33, 52, 67, 74
G.B. v Switzerland (2000) (Appl. No. 27426/95, 30 November 2000)	52
Garabayev v Russia (2007) (Appl. No. 38411/02, 9 March 2007)	9
Garcia Alva v Germany (2001) (Appl. No. 23541/94, 13 February 2001)	50, 88
Gebremedhin [Gaberamadhien] v France (2007) (Appl. No. 25389/05, 26 April 2007).....	30
Gorshkov v Ukraine (2005) (Appl. No. 67531/01, 8 November 2005)	47
Gusinskiy v Russia (2004) (Appl. No. 70276/01, 19 May 2004)	8
Guzzardi v Italy (1980) (Appl. No. 7367/78, 6 November 1980)	3, 20, 27, 61, 68
H.L. v United Kingdom (2004) (Appl. No. 45508/99, 5 October 2004)	25
H.M. v Switzerland (2002) (Appl. No. 39187/98, 26 February 2002).....	5
Hilda Hafsteinsdóttir v Iceland (2004) (Appl. No. 40905/98, 8 June 2004)	9
Hussain v United Kingdom (1996) (Appl. No. 21928/93, 26 January 1996)	87
Hutchison Reid v United Kingdom (2003) (Appl. No. 50272/99, 20 February 2003)	51, 52, 89
Ilaşcu and Others v Moldova and Russia (2004) (Appl. No. 48787/99, 8 July 2004).....	2, 10, 57, 60, 91
Ilijkov v Bulgaria (2001) (Appl. No. 33977/96, 26 July 2001).....	34, 43, 80
Ireland v United Kingdom (1978) (Appl. No. 5310/71, 18 January 1978)	33, 34, 53, 71
Jablonski v Poland (2000) (Appl. No. 33492/96, 21 December 2000).....	45
Jecius v Lithuania (2000) (Appl. No. 34578/97, 31 July 2000).....	8
Johnson v United Kingdom (1997) (Appl. No. 22520/93, 24 October 1997)	23, 64
Kepenerov v Bulgaria (2003) (Appl. No. 39269/98, 31 July 2003).....	8, 64
Kolanis v United Kingdom (2005) (Appl. No. 517/02, 21 June 2005)	26
Kolompar v Belgium (1992) (Appl. No. 11613/85, 24 September 1992).....	30
Koster v Netherlands (1991) (Appl. No. 12843/87, 28 November 1991)	35, 36
Kucheruk v Ukraine (2007) (Appl. No. 2570/04, 6 September 2007)	25, 47
Labita v Italy (2000) (Appl. No. 26772/95, 6 April 2000)	18
Laidin v France (2002) (Appl. No. 43191/98, 5 November 2002).....	52
Lamy v Belgium (1989) (Appl. No. 10444/83, 30 March 1989)	50, 88
Lavents v Latvia (2002) (Appl. No. 58442/00, 28 November 2002).....	5
Lawless v Ireland (1961) (Appl. No. 332/57, 1 July 1961)	15, 59
Leger v France (2006) (Appl. No. 19324/02, 11 April 2006).....	12
Letellier v France (1991) (Appl. No. 12369/86, 26 June 1991).....	42, 52, 84
Litwa v Poland (2000) (Appl. No. 26629/95, 4 April 2000)	3, 23, 26, 69, 71
Luberti v Italy (1984) (Appl. No. 9019/80, 23 February 1984)	51
M.B. v Switzerland (2000) (Appl. No. 28256/95, 30 November 2000).....	52
Mahdid & Haddar v Austria (2005) (Appl. No. 74762/01, 18 December 2005)	5
Margaret Murray v United Kingdom (1994) (Appl. No. 14310/88, 28 October 1994)	18, 33, 67
McKay v United Kingdom (2006) (Appl. No. 543/03, 3 October 2006).....	36, 77
Megyeri v Germany (1992) (Appl. No. 13770/88, 25 April 1992)	48, 50, 87
Menesheva v Russia (2006) (Appl. No. 59261/00, 9 March 2006).....	10, 65
Monnell and Morris v United Kingdom (1987) (Appl. No. 9562/81 and 9818/82, 2 March 1987)	13
Morsink v Netherlands (2004) (Appl. No. 48865/99, 11 May 2004).....	23
Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v Belgium (2006) (Appl. No. 13178/03, 12 October 2006)	28
Neumeister v Austria (1968) (Appl. No. 1936/63, 27 June 1968)	34, 39, 46, 75, 84
Niedbala v Poland (2000) (Appl. No. 27915/95, 4 July 2000).....	35, 38
Nielsen v Denmark (1988) (Appl. No. 10929/84, 28 November 1988).....	68
Nowicka v Poland (2002) (Appl. No. 30218/96, 3 December 2002)	15, 66

Ocalan v Turkey (2005) (Appl. No. 46221/99, 12 May 2005).....	2, 10, 57
Pantea v Romania (2003) (Appl. No. 33343/96, 3 June 2003).....	38
Punzelt v Czech Republic (2000) (Appl. No. 31315/96, 25 April 2000).....	39, 40, 44
Quinn v France (1995) (Appl. No. 18580/91, 22 March 1995).....	7, 29, 30, 62, 72
R.L. and M.-J. v France (2004) (Appl. No. 44568/98, 19 May 2004).....	25
Rakevich v Russia (2003) (Appl. No. 58973, 28 October 2003).....	54
Reinprecht v Austria (2005) (Appl. No. 67175/01, 15 November 2005).....	48
Saadi v United Kingdom (2006) (Appl. No. 13229/03, 11 July 2006).....	28, 33
Sanchez-Reisse v Switzerland (1986) (Appl. No. 9862/82, 21 October 1986).....	50, 52, 87
Sarban v Moldova (2005) (Appl. No. 3456/05, 4 October 2005).....	40
Schiesser v Switzerland (1979) (Appl. No. 7710/76, 4 December 1979).....	37, 78
Scott v Spain (1996) (Appl. No. 21335/93, 30 November 1996).....	63
Shamsa v Poland (2003) (Appl. No. 45355/99 and 45357/99, 27 November 2003).....	8
Solmaz v Turkey (2007) (Appl. No. 27561/02, 16 January 2007).....	45
Stafford v United Kingdom (2002) (Appl. No. 46295/99, 28 May 2002).....	12
Stogmuller v Austria (1969) (Appl. No. 1602/62, 10 November 1969).....	40, 46, 82, 84
Stoichkov v Bulgaria (2005) (Appl. No. 9808/02, 24 March 2005).....	13
Storck v Germany (2005) (Appl. No. 61603/00, 16 June 2005).....	56
Svipsta v Latvia (2006) (Appl. No. 66820/01, 9 March 2006).....	9, 40, 51
Tkacik v Slovakia (2003) (Appl. No. 42472/98, 14 October 2003).....	8
Tomasi v France (1992) (Appl. No. 12850/87, 27 August 1992).....	40, 42, 82, 83
Trzaska v Poland (2000) (Appl. No. 25792/94, 11 July 2000).....	49
van der Leer v Netherlands (1990) (Appl. No. 11509/85, 22 January 1990).....	32, 74
Van Droogenbroeck v Belgium (1982) (Appl. No. 7906/77, 24 June 1982).....	12, 65
Varbanov v Bulgaria (2000) (Appl. No. 31365/96, 5 October 2000).....	7, 24, 64, 70
Vasileva v Denmark (2003) (Appl. No. 52792/99, 25 September 2003).....	15
Veermæ v Finland (2005) (Appl. No. 38704/03, 15 March 2005).....	13
Von Bulow v United Kingdom (2003) (Appl. No. 75362/01, 7 October 2003).....	49, 86
W. v Switzerland (1992) (Appl. No. 14379/88, 26 November 1992).....	44
Wassink v Netherlands (1990) (Appl. No. 12535/86, 27 September 1990).....	54, 90
Weeks v United Kingdom (1987) (Appl. No. 9787/82, 2 March 1987).....	12, 49, 85
Wemhoff v Germany (1968) (Appl. No. 2122/64, 27 June 1968).....	34, 39, 41, 75, 79
Winterwerp v Netherlands (1979) (Appl. No. 6301/73, 24 October 1979).....	24, 49, 69, 86
X. v United Kingdom (1981) (Appl. No. 7215/75, 5 November 1981).....	48, 54, 85, 86
Yagci and Sargin v Turkey (1995) (Appl. No. 16419/90 and 16426/90, 8 June 1995).....	40, 81
Yakisan v Turkey (2007) (Appl. No. 11339/03, 6 March 2007).....	60, 91